

Белла Джуэл ПОРАБОЩЕННАЯ ОКЕАНОМ

ПРЕСТУПНИКИ ОКЕАНА КНИГА 1

Annotation

Индиго в бегах, у нее нет иного выбора. Она совершила нечто плохое, и единственный способ спастись — бежать из дома и из страны. Она отправляется на роскошную яхту, чтобы уплыть в другую страну со своим лучшим другом Эриком. Но у нее возникает проблема.

Яхту охватывает огонь.

Девушка и ее друг терпят бедствие в океане до смерти напуганные неопределенностью своего будущего. Пока не появляются они. Пираты. Ошеломленным Индиго и Эрику придется столкнуться с тем фактом, что эта встреча может завершиться для них плачевно. Ведь это пираты — преступники океана. Какова вероятность, что они переживут этот кошмар?

Затем она видит Хендрикса — красивого, мужественного и сурового капитана. Он планирует оставить ее, чтобы погасить свой долг, продав ее другому мужчине. Теперь у Индиго есть всё, что нужно для «счастья», — бывший муж, преследующий ее, а также пират, которого она, похоже, не может выбросить из головы.

Отправьтесь в это душераздирающее, темное, устрашающее и опасное приключение, как двое столь непохожих друг на друга людей, и найдите для себя нечто прекрасное.

•

Белла Джуэл

Порабощенная океаном

Серия: *Преступники океана (книга 1)*

Автор: Белла Джуэл

Название на русском: Порабощенная океаном

Серия: Преступники океана_1

Перевод: Вера Поварго

Редактор: Eva_Ber

Обложка: Таня Медведева

Оформление: Eva_Ber

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!

**Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.**

~ * ПРОЛОГ * ~

Если вы думаете, что он готов поставить парус ради красавицы, тогда вам лучше быть готовыми утонуть вместе с ней!

— Так и будет, моя милая, мы поедем кататься на лошадках, — напевает отец, его взгляд мягкий и нежный. Через мгновение он замолкает, сверху вниз улыбаясь мне.

— Спой еще, папочка, — прошу, дергая за рукав его куртки.

— Принцесса, моя милая принцесса. Я не могу продолжать петь, мне нужно идти, — он улыбается, а уголки его глаз поблескивают.

— Но почему, папочка?

— Потому что иногда папы должны уходить, ведь они защищают своих дочек.

— Я не хочу, чтобы ты уходил, — я плачу, мои глаза наполняются слезами.

Он приглаживает мои волосы с лица назад и улыбается мне.

— С тобой все будет хорошо. Я вырастил сильную красивую дочь. Помни, чему я тебя учил, принцесса, всегда помни, что надо находить хорошее в плохом. Будь осторожна и добра. Всегда знай свое место в мире. И самое главное, если доброта потерпит неудачу и у тебя не останется ничего, кроме темноты, ты будешь сражаться. Ты не позволишь никому причинять тебе боль. Никому и никогда.

— Папа, — кричу я, когда он встает, посылая мне воздушный поцелуй.

— Помни меня всегда, принцесса. Помни, что я люблю тебя.

— Папа! — снова кричу я, когда он исчезает в темноте.

И я больше никогда его не видела.

Наши дни, 2011 г.

Мои ноги дрожат, когда он приближается к шкафу. Я слышу его дыхание, слышу, как колотится мое сердце. Я хватаю пистолет, умоляя так называемого «Бога», чтобы он как-то предотвратил это, чтобы мне не нужно было использовать оружие. Я не хочу его использовать. Это не для меня. Я не из тех девушек. Если я буду вынуждена забрать чью-то жизнь, это будет преследовать меня всегда. Убью даже такого, как он. А ведь он этого заслуживает, Бог знает, это правда. По-змеиному быстро я слизываю медную кровь со своей губы. Я чувствую жгучую боль и сжимаю веки, изо всех сил пытаюсь бесшумно вздохнуть. Один звук — и я мертва.

Я напугана.

Я в ловушке.

И единственный выход — мимо него, с помощью оружия. Пистолета, который я не хочу использовать. Я сглатываю и отчетливо чувствую вкус крови, смешанной со слезами и слюной. Мое тело дрожит, но я заставляю себя оставаться неподвижной. Если он снова схватит меня, я умру. Я не сомневаюсь в этом. Даже на секунду. Он жестокий, злой и агрессивный человек. Я не могу поверить, что когда-либо думала, что он был моим единственным. Я не могу поверить, что когда-то любила его. Просто не видела, как это произошло. Ты в жизни не согласишься, что мужчина, который держит тебя за руку, который так сладко тебя целует, который дождливым воскресеньем занимается с тобой любовью, будет тем человеком, который попытается забрать твою жизнь.

— Я знаю, ты здесь, Индиго.

Я больше никогда не буду любить свое имя. Не после того, как услышала, как оно исходит из его уст. Я хватаюсь за пистолет, целясь в него и фиксируя руку. Дверца шкафа распаивается так внезапно, что у меня нет никакой возможности отреагировать. Взгляд холодных голубых глаз встречается с моим, и медленная сумасшедшая ухмылка распространяется по любимому когда-то лицу. Один рывок — и моя рука поймана прежде, чем я получаю шанс нажать на курок. Я борюсь, Бог знает, как я сражаюсь. Я кричу, извиваясь всем телом, пока он вытаскивает меня. Кулак бьет прямо мне в челюсть, и я взываю, голова кружится, когда я падаю на пол. Пистолет все еще в моей руке, даже в отчаянии пальцы отказываются его отпустить.

Затем он на мне, больше ударов кулаками, одна рука сжимает пистолет, пытаюсь... о, Боже... направить его к моей голове. Я сражаюсь каждой унцией силы, оставшейся во мне. Я сражаюсь, пока хватает дыхания. Я поднимаю колено и ударяю его прямо в пах. Ревя от боли, он так сильно

бьет меня, что я вижу звезды. Его пальцы обхватывают мое горло, и я изо всех сил пытаюсь дышать, когда он заставляет мое запястье повернуть пистолет к моей голове.

Я не умру так, на полу, как жалкое животное. Я не буду. Я не могу. Я снова пинаюсь, выворачиваясь изо всех сил, что у меня есть. Мне удастся ударить его в коленную чашечку, и он рычит, теряя равновесие. Это все, что мне нужно. Я выкручиваю свое запястье и прижимаю пистолет к его груди.

Затем нажимаю на курок.

И последнее, что я вижу в угасающем свете... красное.

~ * ГЛАВА 1 * ~

2013 г.

Небеса, дурак. Ты когда-нибудь слышал о пиратах, попавших туда? Подавайте-ка мне ад, это более веселое место

— Бегством ничего не решить.

Голос моего лучшего друга, Эрика, достигает меня, когда я спускаюсь по галечной дорожке к тому, что, я надеюсь, даст мне шанс на свободу. Я быстро оглядываюсь через плечо, видя, как он приподнимает брови. На самом деле Эрик — идеальный мужчина. Он умный, привлекательный в стиле «хорошего мальчика», способный, богатый и в целом отличный парень. А еще он очень «черно-белый». Для Эрика между этими понятиями нет промежутка. Либо одно, либо другое. Ему не нравится идея моего побега в другую страну. Он хочет, чтобы я осталась сражаться с моими демонами лицом к лицу. Легко ему говорить. У него нет сумасшедшего разгневанного бывшего, преследующего его.

— Хватит об этом, Эрик, — говорю я, подтягивая тяжелый рюкзак на плечах. — Мне нужно начать все заново. Я не могу сделать это здесь.

— Ты можешь...

Я быстро разворачиваюсь, устав от одного и того же разговора. Он пытался убедить меня, что лучше остаться и сражаться, все еще не понимая, насколько ужасным было это испытание с Кейном. Никто не мог понять, как страшна была эта мука, потому что они не переживали ее. Суд, который длился месяцы; видеть Кейна, когда его уводили; проживать годы,

когда он был за решеткой, задаваясь вопросом, не найдет ли он способ выйти и отыскать меня. Затем, отсчитывать часы до его освобождения, зная, что он будет мстить. В тот день, когда он вышел, я собрала свои сумки и заказала билет за пределы страны. Прошлой ночью я получила свой первый телефонный звонок с угрозой. Это убивало меня.

— Я не могу делать это здесь, — огрызаюсь я. — Просто, знаешь, не могу. У меня нет выбора, кроме как начать все сначала где-то, где он не сможет меня найти. Если я останусь, он найдет меня и превратит мою жизнь в ад.

— На него вынесено судебное предписание, он не приблизится к тебе.

Я рычу. *Видите, что я имею в виду? Черное и белое.*

— Ты действительно думаешь, что это остановит его? Честно, Эрик, ты думаешь, что закон остановит кого-то вроде него, ищущего мести? Но этого не произойдет. Это не мешало ему раньше избивать меня едва ли не до смерти, и это не остановит его и сейчас.

— Бегством этого не решить.

— Может быть, и нет, но это, наверняка, черт возьми, поможет. Ты со мной или нет? Я могу сделать это одна, Эрик, но ты же знаешь, что мне бы этого не хотелось.

Его взгляд смягчается. *У вас когда-нибудь был лучший друг, который вас любит? У меня есть всю мою жизнь.* Эрик принимал мою сторону, что бы я ни говорила. Большинство женщин использовало бы это в своих интересах. Я — нет. Он мой друг, я обожаю его, но не более того. Я бы никогда не использовала его из-за того, что он чувствует. На самом деле это меня расстраивает. Он постоянно видит меня через розовые очки, вместо того, чтобы по-настоящему увидеть меня и мою жизнь. Он поставил меня на пьедестал, и будь я проклята, если смогу спуститься.

— Я с тобой навсегда, ты знаешь это, Инди.

Я киваю не в силах сердиться на него. Шагаю вперед, тянусь рукой и крепко сжимаю его плечи. Для большинства женщин Эрик очень привлекательный мужчина. Идеальный пробор на светлых волосах, расчесанных и блестящих. Голубые, как небо, глаза. Длинное, худощавое тело. Безупречная одежда. Для них он — греза, для меня... он излишне совершенен. Назовите меня авантюристкой, но мне нравятся более brutальные мужчины. Эрик поднимает руки, пальцами обхватывает мои локти и улыбается.

— Мы можем просто поехать, насладиться поездкой, а потом ты сможешь отпустить меня, чтобы я начала собственную жизнь, а ты бы вернулся к своей?

— Знаешь, я буду скучать по тебе, — хмурится он.
— И я буду скучать по тебе, но мы же будем встречаться.
— Это не одно и то же. Мы так долго были друзьями.
— Мы оба будем в порядке. Теперь давай, мы опоздаем, если не поторопимся.

Я могла бы уже лететь в Лондон, куда я планирую переехать жить, но какое в этом веселье? Вместо этого я решила нанять небольшую яхту, которая плывет напрямик из Соединенных Штатов в Соединенное Королевство. Я хочу получить шанс развеяться, расслабиться, взять паузу, а затем сойти с яхты, будучи готовой восстановить свою жизнь. Эрик решил поехать в путешествие со мной, у него было свое дело в Лондоне. Он — владелец крупного бизнеса и имеет клиентов по всему миру. Это отличный повод нанести к некоторым из них визиты.

Мы добираемся до небольшой яхты на пристани, и я улыбаюсь. Я так долго не была хоть на каком-нибудь судне. Там нас ожидает мужчина, которому я заплатила неплохие деньги, и он приветственно машет, заметив нас. Когда мы приближаемся, я вижу, что это пожилой джентльмен, с сидящими волосами и темно-кариими глазами. Его кожа довольно сильно состарена солнцем, но выглядит он дружелюбным. Когда мы останавливаемся перед ним, он протягивает руку. Я пожимаю ее.

— Привет и добро пожаловать на мою яхту «Мечтатель». Спасибо, что выбрали меня для вашего приключения. Я Джон. Если вы подниметесь на борт, я все покажу вам.

— Спасибо, Джон, — я улыбаюсь. — Меня зовут Индиго, а это мой лучший друг, Эрик.

Эрик протягивает и пожимает руку Джона:

— Приятно познакомиться, Джон.

Мужчина кивает, и мы направляемся к яхте. Я очень удивлена. У меня есть маленький катер, но на самом деле он довольно массивный. Мне не терпится узнать, как же выглядит большая яхта.

Эта длинная, гладкая, белая и очень хорошо ухоженная. Мы поднимаемся на борт, и я внимательно осматриваюсь вокруг. Палуба довольно большая и оснащена шезлонгами и набором из столиков и стульев, прикрученных болтами к доскам палубы. Джон идет к каюте, расположенной под палубой, и мы следуем за ним, когда он открывает высокую стеклянную дверь.

Каюта довольно большая. В ней есть общая гостиная с диваном и небольшим телевизором. Еще там есть небольшая кухня, ванная комната и туалет. В конце есть две комнаты: одна для меня, другая для Эрика. Джон

спит на палубе на своем небольшом навигационном мостике. В каждом номере есть двуспальная кровать, и обе они выглядят просто роскошно. Джон настроен на удобства, и я чувствую себя расслабившейся впервые за несколько месяцев.

— Так, в основном все есть, — комментирует Джон. — В холодильнике и шкафах еды вдоволь. В левой комнате в корзине лежат свежие полотенца и постельное белье. Не стесняйтесь побездельничать на палубе. Если вам что-то понадобится, просто дайте мне знать: большую часть времени я буду на навигационном мостике. Ну, а все остальное пространство целиком в вашем распоряжении.

— Спасибо, Джон, — я сияю.

Он слегка касается своей шляпы.

— Мы сейчас отчаливаем от берега, я прошу вас остаться под палубой, пока не закончу.

— Конечно, спасибо, — кивает Эрик.

— О, и последнее. В случае крайней необходимости на борту яхты есть спасательная шлюпка. Ее легко спустить, просто садитесь в нее и тяните за цепь. В лодке есть спасательные жилеты, которые вы можете накинуть и потянуть за маленький красный колпачок, чтобы они надулись.

Мы оба киваем, и Джон улыбается, прежде чем исчезнуть на палубе. Эрик поворачивается ко мне, усмехаясь и потирая руки:

— С чего начнем?

Я улыбаюсь и огибаю его, вбегая в самую большую комнату.

— Я забираю эту! — пронзительно кричу я.

— А! — вопит Эрик, преследуя меня. — Ни за что!

Мы одновременно прыгаем на большую кровать, смеясь и перекатываясь на спину.

— Ты уверена в этом? — неожиданно говорит Эрик. — Теперь пути назад нет.

Я киваю, наклоняясь к нему:

— Я уверена. Я хочу этого, Эрик.

— Я знаю, но я твой друг... я должен трижды перепроверить.

Я улыбаюсь ему, протягивая руку и переплетая наши пальцы.

— Я знаю, что ты мой друг, но сейчас это и есть лучшее для меня.

— А если он найдет тебя там?

— Эрик, — предупреждаю я. — Пожалуйста, не надо. Я должна верить, что могу изменить свою жизнь и убежать от него.

— Конечно, — говорит он, покачав головой. — Прости.

— Все будет хорошо. Мне так досталось...

Он сжимает мою ладонь.

— Да уж. Для девушки твоего возраста, ты супер крутая.

Я смеюсь, но его заявление не так уж и далеко от истины. У меня была тяжелая жизнь. Однажды, давным-давно, у меня была хорошая счастливая семья. Мама, папа, даже собака. Потом все изменилось. Мой папа начал уходить, смешно, но он постоянно исчезал. Он и мама воевали между собой так часто, что я забыла, что они могут говорить с нежностью, а однажды ночью он просто ушел, и я больше его не видела.

Я знаю, что мой папа был плохим человеком. Даже тогда, в детстве, я знала, но я любила его. Моя мама заболела через два года после его ухода, а затем умерла. Эрик всегда был моим другом и умудрился поддерживать контакт со мной, даже когда меня тасовали по приемным семьям. Затем я встретила Кейна. Он был моим приемным братом в последнем семье, он был старше меня, но я запала на него сильно и быстро. Мы вдвоем покинули приемную семью, и я думала, что все хорошо, пока он не начал избивать меня.

Тогда однажды ночью я сломалась, и вот я...

— Мне это просто нужно, понимаешь? — шепчу я, подбираясь ближе к Эрику.

— Да, — говорит он, кивая. — Я знаю.

И мы заканчиваем на этом.

Потому что больше нечего сказать.

Мы проводим остаток дня, просто прохладаясь. Эрик засыпает днем, поэтому я направляюсь на палубу и к навигационному мостику Джона. Я останавливаюсь в шаге от него, когда слышу его голос возле радиоприемника.

— Они все еще в этих водах?

Радио потрескивает, и из него слышен голос:

— Мы их не видели и не находили, но сигнал был.

— Я тоже включу свой радар, просто чтобы убедиться, что они не приближаются к моей яхте. У меня гости, и мне не нужны пираты, сошедшие, словно с картинки, они могут испортить это их путешествие так, что те не захотят его вспоминать.

Он сказал «пиратов»?

В это время Джон поворачивается, видит меня у двери и быстро заканчивает сеанс связи.

— Вы говорили о пиратах? — спрашиваю я, немного смутившись.

— Да, — вздыхает он, — к сожалению, у нас бывают с ними проблемы.

— Как, с... эмм... пиратами?

Он выглядит смущенным, его глаза прищурены, и он слегка качает головой.

— Да.

— Я думала, что они вымышлены.

Он слегка улыбается.

— Нет, милая, они, конечно, не вымышлены. Вот скорее слово «пират» было придумано. Их банды были в океане всегда, они выходят отсюда, чтобы заниматься незаконным бизнесом, поскольку закон в разных районах океана сильно отличается.

— Я не... понимаю. Я думала, что они не настоящие.

— Конечно, они существуют и они создают много проблем.

— А сейчас есть проблема?

Мое сердце стучит, и я немного нервничаю.

— У нас все должно быть в порядке, там был только сигнал, но морское ведомство уверено, что они повернули их назад.

Я сглатываю и киваю.

Боже, надеюсь так и есть.

~ * ~ * ~ * ~

Морские брызги падают мне на лицо, и я издаю стон от восторга. Мне нравится запах океана; вот уж не думала, что когда-нибудь заболею им. Это второй день, и мы не торопимся. Мы с Эриком наслаждались каждой секундой. Мы часами сидели на солнышке, пили пиво, пировали свежей рыбой и креветками, мы спали и однажды даже купались. Это было так расслабляюще и абсолютно идеально. Это именно то, что мне было нужно. И, глядя на Эрика, лежащего на шезлонге, видимо, это именно то, что было нужно и ему.

— Вижу, тебе так уютно, — говорю я, подходя и опускаясь рядом с ним.

— Ага, — он зевает.

Едва солнце садится за горизонт, приходит прохладный вечерний воздух. Я ложусь спиной на второй шезлонг и глубоко вздыхаю.

— Боже, я не хочу возвращаться на работу, — бормочет он.

— О, нет, — хнычу я. — Я больше не хочу искать место и думать о дальнейшей жизни.

— По крайней мере, ты будешь на новом месте. Это будет увлекательно.

— Это правда, — я тоже зеваю. — Я голодна. Я могла бы проглотить большой сочный стейк прямо сейчас.

Эрик хрюкает:

— Иногда ты, точно как мужик.

— Эй, — хихикаю я. — Для женщин совершенно нормально любить мясо.

— Да уж, — смеется он. — Возможно, у Джона есть немного мяса для нас.

— У него в холодильнике есть все. Этот человек стоит денег, которые я заплатила.

Я закрываю глаза и потягиваюсь, глубоко вздыхая. Я как раз собираюсь отбыть в поздний послеобеденный сон, когда возле меня громко скрипит шезлонг Эрика.

— Ты чувствуешь запах? — спрашивает он.

Я глубоко вдыхаю и тяну носом. И распахиваю глаза.

— Пахнет... дымом?

— Да, да!

Внезапно он вскакивает в полной готовности, озираясь. Его глаза расширяются, и он быстро отходит от своего шезлонга. Я поворачиваюсь, обеспокоенная, и вижу клубы серого дыма, идущие снизу.

— Джон! — кричит Эрик.

Джон сходит со своего мостика в тот же момент, когда звучит сигнал тревоги яхты. С круглыми глазами Джон распахивает дверь в рубку и бросается вниз. Мы с Эриком прибегаем как раз вовремя, чтобы увидеть, как он открывает проход в задней части яхты. Вырывается густой серый дым, а затем пламя.

— Боже мой, — шепчу я, хватаясь за Эрика.

— Забирайтесь в спасательную шлюпку, — кричит Джон, подбегая к нам. — Двигатель горит. Я недавно ремонтировал его, потому что он капризничал, я думал, что он исправен, мне очень жаль. Это очень опасно, если огонь доберется до газопровода, он взорвется. Мне нужно, чтобы вы оба были в безопасности, прежде чем я посмотрю, что с ним такое.

Без единого возражения мы с Эриком бежим к спасательной шлюпке у борта яхты. Мы садимся и тянем цепь, как указывал Джон, и лодка опускается. Когда мы ударяемся о воду, Эрик использует весла, чтобы немного оттолкнуть нас от яхты. Держась на поверхности воды, широко раскрыв глаза, мы видим Джона со всех ног бросившегося к радиоприемнику. Он вызывает «Майский день, Майский день», и мы оба знаем, что это означает чрезвычайную ситуацию. В двигателе что-то пошло

не так, и он, очевидно, горит.

— Разве мы не должны вытащить его с яхты? — спрашиваю я в отчаянии.

— Нет, он знает, что делает, — говорит Эрик, хватая меня за руку.

— Я боюсь, Эрик.

— Все будет хорошо, это, наверное, просто двигатель...

Мы слышим громкий «бум» и затем видим, как дым густеет. Джон бросается вниз, и Эрик быстро встает, крича, чтобы тот остановился. Но он этого не делает. Он спускается ниже палубы, а затем, в самое длинное мгновение, мы ничего не слышим.

— Мы должны вернуться, — плачу я, тоже вставая.

— Нет, — говорит Эрик, сжимая мое плечо. — Если она взорвется...

— Мы не можем оставить его там, он задохнется от дыма!

— Это его яхта, он знает, что делает. Мы не сможем туда попасть.

— Но...

— Если она взорвется, — кричит Эрик, — мы умрем!

— Если мы оставим его там, он умрет!

— Индиго, прямо сейчас ты ничего не можешь сделать. Встав у него на пути, ты только создашь еще больше проблем.

Я опускаюсь на дно лодки, прижав руки к животу, и дрожу. Я так плохо чувствую себя. Как мы пришли к этому? Пять минут назад мы были спокойны и наслаждались днем. Теперь мы сидим в спасательной шлюпке, задаваясь вопросом, что произойдет в следующую минуту.

— Эй, — зовет Эрик, опустившись рядом со мной. — Все будет хорошо. Вероятно, он просто собирается погасить огонь и ждать помощи.

— Он до сих пор не вернулся.

— Он выйдет.

Я встаю, дрожа. Меня учили никогда не оставлять кого-то, и я не могу просто сидеть здесь и ждать. Это не правильно. Возможно, он ранен.

— Я собираюсь пойти за ним, он мог потерять сознание или еще хуже...

— Нет, — говорит Эрик, хватая меня за руку. — Это опасно.

— Я не оставлю его, Эрик! — кричу я. — Это не твой выбор.

Я прохожу вперед, и тогда происходит это. Взрыв. Я как раз хватаюсь за весла, чтобы грести обратно к яхте, когда до нас доносится звук, рвущий барабанные перепонки. Пламя с шумом вырывается из-под палубы, и черный дым наполняет небо. Я знаю, что кричу, и знаю, что Эрик отталкивает меня назад, пока я пытаюсь броситься вперед. Я извиваюсь в его объятиях, умоляя и задыхаясь. Огонь ревет на палубе, и прямо на

наших глазах яхта начинает разваливаться. Как может что-то гореть посреди воды? Это безжалостно.

— Пожалуйста, — скулю я. — Эрик...

— Его больше нет, — шепчет он. — Он не мог этого пережить. Индиго, нам нужно отплыть подальше. Если эта штука еще раз взорвется... мы тоже умрем.

— Помощь придет сюда, — бормочу я, дрожа. — Мы не можем далеко уйти.

— Мы должны грести подальше отсюда!

— Нет, Эрик! — кричу я.

— Индиго, посмотри на меня! — кричит он, разворачивая меня. — Прямо сейчас ты должна довериться мне.

— Он может быть жив!

— Ты видишь это пламя? — гаркает он. — Его нет в живых.

— Эрик!

Он тянет меня вниз и обнимает, пряча у себя на груди.

— Ты должна мне доверять. Т-ш-ш, Индиго.

Я закрываю глаза, и слезы текут по моему лицу. Больно. Мне настолько больно, что меня тошнит. Мое тело трясет, и я сжимаю Эрика, как будто он единственный, кто держит меня в живых. Наверное, сейчас так оно и есть. Я слышу еще взрывы, немного слабее, и я сильнее сжимаю веки. Я не хочу их открывать. Я не могу. Я просто держусь за Эрика и пытаюсь избавиться от ужаса, происходящего прямо передо мной.

В конце концов, этот ужас одолевает меня.

И я теряю сознание.

~ * Глава 2 * ~

Йо-хо, жизнь пирата по мне!

Два дня мы находимся в океане, два долгих-долгих дня. Эрик совершил ошибку в том, что отгреб слишком далеко, и мы потеряли из виду яхту. Каждый день мы ждали вертолет или спасательный катер. Никто не пришел. Мы плыли без пищи, без воды и без защиты от солнца. Моя кожа начала облазить к концу первого же дня. В попытке прикрыть меня, Эрик дал мне свою рубашку, но я прекратила это, вернув ее обратно, когда

увидела, что его кожа тоже покрывается волдырями.

Два дня без воды на пылающем солнце, и мое горло, сухое и воспаленное, печет. Мое тело ослабло. Моя кожа сожжена. Мое сердце болит. Я боюсь за свою жизнь и жизнь Эрика. Для нас нет спасенья. Если только кто-нибудь нас не найдет... но что, если они этого не сделают? *Боже, что, если это и есть наш конец?* Я не хочу так умирать. Это совсем не то, как я представляла себе. Я думала, что достигну преклонного возраста, и у меня будут дети. А не то, что стану гниющим мешком костей на севшей на мель лодке в океане. У меня есть с собой телефон, но здесь нет связи, и батарея уже давно умерла.

Вечером второго дня мы с Эриком сжались вместе в попытке защитить друг друга от прохладного вечернего ветра, когда лодка внезапно начала раскачиваться. Это всего лишь легкое, нежное качание, но это определенно изменение в привычном штиле. Мы оба поднимаем головы, чтобы увидеть массу огней, приближающихся к нам. Это корабль. Должен быть. Мы оба выпрямляемся и встаем на подгибающиеся ноги. Мое сердце начинает колотиться. *О, Боже, это корабль спасателей? Мы спасены?* То облегчение, что переполняет мое тело, когда я поднимаю руки и начинаю хрипло кричать, колоссально.

— Это корабль? — скрежещет Эрик, его голос сухой и трескучий.

Мои глаза жжет от избытка соли и нехватки воды, но я щурюсь и, когда он подходит ближе, я вижу его.

— Да!

— Я знал, — хрипит он. — Но что это за корабль?

— Это имеет значение?

Он сердито рычит. Последние несколько дней нашей дружбе пришлось нелегко. Когда вы сталкиваетесь с жизнью и смертью, у любого человека нервы будут на пределе. Я встаю на колени, чувствуя, как сильно забилося мое сердце. Это наш шанс получить помощь. Мы пропадали целых два дня, а в нашем направлении идет корабль. Я не позволю ему пройти мимо. Эрик передвигается с места на место, и наша крошечная спасательная шлюпка раскачивается. Я поднимаю свои обожженные, ноющие руки и начинаю мигать маленьким фонариком на моем спасательном жилете.

Внезапно большой фонарь поворачивается и светит в нашем направлении. Я щурюсь и закрываю глаза. *Они увидели нас! Помощь прибыла. О Боже, мы переживем это.* Мои колени слабеют, и я падаю, облегчение переполняет меня. Эрик продолжает кричать и размахивать фонариком. С этого угла свет не режет мне глаза, и поэтому я вижу то, что не видно Эрику, и когда я узнаю, что это, у меня стынет кровь. Этот флаг...

но это не флаг страны, не флаг флота, нет... это череп и скрещенные кости. Мой желудок сжимается, и мне нужно немного времени, чтобы собраться с силами и достать до ноги Эрика и потянуть его вниз ко мне.

— Какого черта, Инди?

— Ф-ф...

— Что не так? — спрашивает он, смущение разливается по его лицу.

— Ф-ф-флаг. Они — пираты.

— Что?

— Джон сказал... он сказал... здесь были пираты. О, Боже, Эрик, это пираты.

Он смущенно качает головой, поэтому я поднимаю свою трясущуюся руку и указываю на приближающийся корабль. Его глаза сужаются, и я вижу, что страх наполняет их. Он отскакивает назад, неуклюже нащупывая что-нибудь, чтобы грести прочь отсюда. Что угодно, лишь бы вытащить нас. Глубоко в моей испуганной душе, я знаю, что мы никогда не сможем обогнать такой корабль. У нас есть только два варианта: прыгнуть за борт или позволить им захватить нас. Прямо сейчас, оба они могут означать смерть, зависит только, какую смерть мы хотим. Но может быть, они не причинят нам вреда? Может быть, они просто отпустят нас или оставят здесь?

Нет. Они пираты. Всем известно, что этого не произойдет.

В ужасе я вцепляюсь в Эрика. Мое сердце бьется так сильно, что становится больно, а все тело дрожит, страх и паника струятся сквозь меня. Стремление скрыться, убежать и спасти себя огромно... но бежать некуда. Взгляд Эрика мечется, и он быстро выключает фонарик. Его тело дрожит, и на долгое время мы не видим ничего, кроме темноты. Наше дыхание — единственный звук, который я слышу, пока корабль не приближается, и волны не начинают плескаться о лодку. Сердце болит; оно так сильно болит, что я хочу вырвать его, чтобы прекратить это. Все это похоже на ночной кошмар, но я не могу проснуться. Я ничего не могу сделать, кроме как молиться Богу, чтобы эти пираты не были мерзкими.

— Мы должны прыгнуть за борт, — шепчет Эрик.

— И умереть? — шиплю я.

— Мы умрем, если нас схватят!

— Мы не можем быть в этом уверены.

— Это слишком опасно! — рычит он.

Я не могу ответить, потому что свет фонаря раскачивается и падает прямо на нашу лодку в тот момент, когда большой корабль останавливается рядом с нами. Я не вижу ни черта, кроме ослепляющего света. Я слышу

голоса, а потом звуки трапов, раскатывающихся вниз. Я хныкаю и прижимаюсь к Эрику еще ближе. Я закрываю глаза, желая заглушить все это, желая сбежать от этого страха. Я чувствую, как Эрик вздрагивает, а потом хриплый сердитый голос заполняет мои уши:

— Поднимайтесь на корабль!

От грубого, беспощадного голоса лед пробегает по моим венам. Я открываю глаза и вижу человека, свисающего с трапа и глядящего на нас.

— Пожалуйста, нам не нужны проблемы, — говорит Эрик.

— Заткнись, поднимайтесь на гребаный борт.

— Просто оставьте нас здесь, мы только...

Мужчина вытаскивает длинный ржавый клинок и тычет им прямо в лицо Эрику. Он охает и отскакивает назад, сбивая меня с ног. Я взвизгиваю, когда моя обгоревшая спина ударяется о борт лодки.

— Забирайтесь на гребаный корабль, живо!

Эрик, дрожа, поднимает руки:

— Окей, окей.

Его шатает, когда он подходит к лестнице. Пират обхватывает его руку, вздергивая вверх, пока Эрик, как сосиска, не повисает на трапе, одной рукой отчаянно хватаясь за него. Его крики режут меня, и я обхватываю себя руками. Пират толкает его, заставляя подняться по трапу, а затем поворачивается ко мне. Это пожилой мужчина с длинной косматой бородой и редующими седыми волосами. Он манит меня согнутым пальцем, и я не осмеливаюсь спорить. Я иду вперед, протягивая руки и берясь обеими за трап. Он хватается за мое плечо, вырывая из меня крик, когда его пальцы заставляют мою обожженную кожу сердито протестовать. Но он продолжает держать меня, пока мы поднимаемся, а когда перешагиваем через борт корабля, толкает меня вперед.

Я врезаюсь в Эрика, сильно. Он обнимает меня в защитном жесте, и я благодарна ему. Я моргаю, позволяя глазам адаптироваться, и вижу двадцать или около того мужчин, обступивших нас. Я позволила своему взгляду просканировать их всех, и удивлена, обнаружив их... чистыми. Ну, они не то чтобы чистые, но, конечно, не то, чего я ожидала. Однако это не делает их менее смертоносными. У каждого из них хмурое, сердитое выражение лица. Все они держат какое-то оружие. Сабли. Ножи. Пистолеты. Я усиливаю хватку на Эрике и наблюдаю за пожилым мужчиной, что схватил нас. Он подходит к двери, которая ведет под палубу, слегка ударяет в нее и кричит:

— Капитан. Кэп!

Подождите. Он не капитан? Я сглатываю и ощущаю, как вздрагивает

рядом со мной Эрик. Я быстро оглядываю огромный корабль, но различаю не так много деталей, потому что слишком напугана. Старик поворачивается, подходит к нам и останавливается, его клинок готов к действию. Он наклоняется, позволяя своему взгляду исследовать нас обоих, как бы взвешивая, должны мы жить или умереть. Затем его взгляд ожесточается, и он рычит:

— Заходите на гребаный настил и на колени!

— Пожалуйста... — умоляет Эрик.

Пират подносит лезвие к горлу Эрика, вырезая линию, совсем тонкую, но достаточную, чтобы начала сочиться кровь. В ужасе я опускаюсь на колени. Эрик падает рядом со мной, зажимая горло, широко распахнув глаза.

— Голову на пол! — орет старик.

Мы оба опускаемся, пока наши головы не касаются грязной, вонючей палубы. И тогда мы просто лежим там, ожидая.

— Откуда вы? — спустя мгновение спрашивает пират.

— А... Америка... — мой голос дрожит.

Он хихикает, и я смотрю вверх, как он поворачивается к двери. Я слышу топот сапог, а потом вижу, как дверь, скрипя, открывается. Я закрываю глаза, отворачивая лицо в пол. *Я не могу смотреть на это.* Боже, что, если они изнасилуют меня? Или будут медленно пытаться нас? Или продадут? Так много вариантов того, что может случиться. Я слышу, как поскрипывает палуба, когда капитан подходит к нам. Когда скрип прекращается, я задерживаю дыхание. *Это произойдет так? Он просто поднимет пистолет и застрелит нас? Может, он нас изрежет и бросит за борт, чтобы мы истекли кровью?*

— Где вы, мать вашу, подобрали этих двоих?

Его голос... он такой... молодой. Я хочу посмотреть, но мое тело застыло от страха.

— Они были в лодке, кричали и все такое.

— Они одни?

— Да, их только двое.

На мгновение воцаряется тишина, и я слышу, как Эрик ерзает рядом со мной, прежде чем пробует говорить:

— Мы были на яхте и...

— Я дал тебе разрешение на долбанные разговоры? — рывкает капитан.

Эрик снова вздрагивает и тут же замирает. Тишина наполняет воздух, и все, что я слышу, это мое собственное рваное испуганное дыхание.

— Ты, девочка, посмотри на меня.

О Боже, он обращается ко мне. Горячие слезы наполняют мои глаза, и я медленно поднимаю голову. То, чего я ожидаю увидеть, и то, что я на самом деле вижу, это абсолютно разные вещи. Мне нужно одно мгновение, чтобы понять, что мужчина, на которого я смотрю, на самом деле пират. В голове у меня был образ старого, вонючего мужлана... но он... о... от него захватывает дух. Даже в испуге я не могу отвести от него взгляда. Невозможно отвести. Невозможно поверить, что кто-то, похожий на него, будет в таком месте.

Он высокий, это первое, что я замечаю. Его большое, шести футов ростом, тело потеснит большинство мужчин. Весь он — масса твердых мышц, а его большие руки покрыты черными, кельтскими татуировками. На нем пара оборванных черных джинсов, пояс с пистолетом и саблей и черный жилет, натянувшийся на его крупной, словно высеченной груди. Я вижу массу густых длинных черных волос, выглядывающих из-под красной банданы на голове. Когда я сосредотачиваюсь на его глазах, я втягиваю в себя глубокий, судорожный вдох. Они настолько темны, что кажутся черными, но они такие прекрасные и пленяющие. Его лицо покрыто щетиной, и у него серьги в обоих ушах. На шее висит толстая золотая цепочка. Он ослепителен, но, как и все остальные, выглядит абсолютно неуловимым.

В течение долгого времени он удерживает мой взгляд, пока, наконец, не говорит:

— Что вы делаете в океане?

Я сглатываю и открываю рот, чтобы ответить, но мой голос не хочет работать.

— Отвечай мне, девочка, — рявкает он.

— Мы были на яхте, — хриплю я. — Она загорелась, и мы сели в спасательную шлюпку, но Эрик... я имею в виду... лодку отнесло, и мы оказались в ловушке.

Он выпрямляется, проводя пальцами по тёмной щетине на щеках. Тот пират, что постарше, встает рядом с ним и наклоняется, шепча что-то ему на ухо. Глаза капитана расширяются, и он поворачивает свой взгляд ко мне, позволяя своему взгляду скользить по моему телу. Кивнув, как бы впечатленный, он поворачивается и говорит что-то старому пирату, и они оба кивают.

— Ты, иди сюда, — говорит он, согнутым пальцем указывая на меня.

Эрик подхватывается, схватив меня за запястье, когда я двигаюсь, чтобы встать.

— Она никуда не пойдет.

Капитан обращает свой взгляд к Эрику, а затем приподнимает руку и щелкает пальцами. За Эриком появляются два пирата, и один из них так сильно бьет его в лицо, что он ударяется о палубу. Я встаю на колени, хныча, и пытаюсь дотянуться до него. Тяжелые руки оборачиваются вокруг меня и отталкивают назад. Я наблюдаю, как два пирата поднимают Эрика, по одному за каждую руку, и начинают тащить его к большой двери, ведущей к нижней палубе.

— Отпустите его, пожалуйста, — я умоляю.

Я разворачиваюсь, пока не сталкиваюсь с капитаном. Его пальцы впиваются в мои плечи, и я кричу, извиваясь.

— Закрой свой гребаный рот и иди.

Он толкает меня вперед, и я заставляю свои ноги двигаться, хотя чувствую, что в них будто залили свинца.

— Куда нам отвести парня, Хендрикс?

Хендрикс. Хендрикс. Хендрикс. Это его имя?

— Отведи его в клетку, я скоро с ним поговорю. Сначала я заберу девушку, нужно кое-что узнать о ней.

Узнать. Что узнать? Зачем ему нужно что-то узнавать обо мне?

Я чувствую, как его рука снова толкает меня в спину, и не осмеливаюсь спорить. Когда я достигаю большой двери, то смотрю вниз. Старые деревянные ступени — все, что мне видно. Я делаю шаг, а затем еще один и еще, пока не опускаюсь в самый низ. Я пристально вглядываюсь в окружающий меня большой корабль, удивляясь его размерам. Первый уровень в основном состоит из длинного коридора с дверными проемами на каждой стороне. Меня снова толкают, поэтому я делаю еще один шаг. Когда я двигаюсь по коридору, мельком вижу маленькие, отдельные комнаты по бокам. Через одну из дверей я вижу большую комнату, которая кажется обеденным залом. Я добираюсь до закрытой двери в конце коридора, и Хендрикс обходит меня, сжимает ручку и открывает дверь. Он снова толкает меня, и я шагаю вперед, споткнувшись.

Я ухищраюсь удержаться на ногах и не упасть. И получаю шанс оглядеться вокруг. Это, должно быть, его комната. Она большая, с темными деревянными стенами, с уборной и душем в стороне, с большой кроватью посередине и письменным столом возле ряда окон позади. Хендрикс снова подталкивает меня, поэтому я продолжаю идти вперед, пока не дохожу до маленького дивана. Заставляя усесться на него, капитан хватается за плечо. Я не борюсь с ним. Мой разум кричит мне, чтобы я просто

согласилась с этим. Может, он не убьет меня, если я сделаю так, как мне сказали. Я думаю об Эрике, и мое сердце сжимается. *Он в порядке? Они причиняют ему боль прямо сейчас?* Я не могу не задать вопрос. Я не могу просто забыть о моем друге.

— Они причиняют ему боль? — мой голос сипит.

Хендрикс стоит передо мной, и при моих словах встает на колени. Он обхватывает мои запястья и крепко держит их руками так, что я не могу двинуться. Наши глаза встречаются, карие с зелеными, и я вздрагиваю. За этим взглядом так много всего: столько боли, столько гнева, столько смерти...

— Что с ним происходит, это не твоя забота. Твоя забота — выжить. Ты делаешь все, что я говорю, и живешь. Не делаешь — умрешь. Это просто.

Просто. Просто. Конечно, это ж так, блин, просто. Я опускаю голову, глотая снова и снова, чтобы остановить желчь, поднимающуюся в горле.

— Сколько тебе лет, девочка?

— Меня зовут Индиго, — резко говорю я, поднимая голову, чтобы встретить его взгляд.

— Твою мать, меня не интересует твое имя, я спросил, сколько тебе лет?

— Какая разница? — шепчу я. — Если ты собираешься изнасиловать меня, думаю, что тебе и это все равно.

Он хмыкает:

— Ну, может, и все равно. Отвечай мне в любом случае.

Мое тело напрягается.

— Сейчас же, — рычит он.

— Мне двадцать четыре.

Он щурит глаза и кивает головой:

— Ты трахалась со многими мужчинами?

Боже мой.

— Пошел ты, — выпаливаю я.

Он поднимает руку и дает мне такую оплеуху, что я вижу звезды. Мое тело деревенеет, и тут же я словно рассыпаюсь на щепки. Мой момент силы прячется обратно глубоко внутрь и остается там.

— Отвечай на мой гребанный вопрос, или я прикую тебя цепью в клетке с крысами.

— Нет, — каркаю я.

— Нет, ты не трахалась с кучей мужиков, или нет, ты не ответишь на

мой вопрос?

— Нет, я не трахалась с кучей мужиков.

— Хорошо.

Хорошо? Я поднимаю голову, встречая его пристальный взгляд своим, полным ненависти.

— Кто ты такой? — мой голос звучит резко.

— Кто-то, с кем ты не хочешь трахаться.

— Ч... чего ты хочешь от меня? — произношу я слабым голосом.

Он усмехается, и это неприятно. Его глаза настолько полны угрозы. Я содрогаюсь, но когда он отвечает, весь мой мир останавливается.

— Я хочу продать тебя.

О.

Боже.

Он хочет продать меня. Я даже не могу вздохнуть. Все мое тело покалывает, и голова кружится. *Он хочет продать меня? Как... рабыню для секса? Или на черном рынке?* Я поднимаю голову, и мои глаза горят, когда я смотрю в его черные глаза:

— Ты хочешь продать меня? — я задыхаюсь.

— Я не «хочу продать» тебя, — рычит он, отводя взгляд от меня и вставая. Он подходит к своему столу, берет сигарету и прикуривает ее. — Я просто продаю тебя.

— Почему? — выдыхаю я.

— Потому что я кое-кому должен, и ты отличный платеж. Он любит таких девушек, как ты.

Такие девушки, как я. О Боже. Я не хочу знать, что это значит.

— П... пожалуйста, просто отпусти меня. Я уеду...

Он фыркает:

— Нет, не могу. Мне действительно нужно уладить вопрос с этим долгом. Не волнуйся, с ним будет трудно только, если ты его достанешь.

— Я не позволю тебе этого сделать, — выкрикиваю я, меня трясет.

Он устремляется ко мне, хватая за плечо и вздергивает меня на ноги. Я кричу от боли, когда его пальцы впиваются в мою кожу.

— У тебя нет выбора. Ты усвоишь, что я не тот человек, с которым ты захочешь играть. Я сотру тебя в порошок. А теперь повернись.

— Что? — шепчу я.

Он поворачивает меня вокруг оси.

— Не спорь, просто делай.

Он начинает похлопывать меня по бокам. Ищет оружие. Он найдет телефон. Мой единственный шанс убежать. Когда его пальцы внимательно

прощупывают мои карманы, он проталкивает свою руку и вытаскивает мой мобильный телефон.

— Это тебе не нужно.

Он бросает его на пол и топчется на нем, пока не разбивает вдребезги.

Вместе с ним он вдребезги разрушает мои надежды.

— Пожалуйста, просто отпусти меня.

Капитан круто разворачивается и пристально смотрит на меня, прежде чем повернуться и подойти к двери. Открывает ее, высовывает голову и орет:

— Дрейк!

Мгновение спустя входит высокий светловолосый пират с неровным шрамом, идущим от виска к губам по левой стороне лица. Он не смотрит на меня, а просто стоит у двери, ожидая указаний. Он огромный, с широкими плечами и мышцами, запредельными для обычного человека. Хендрикс толкает меня к нему, и я подавляю крик ужаса, вырвавшийся из моего горла.

— Посади ее в камеру. Давайте покажем ей, с какими людьми она играет.

— Пожалуйста... — я умоляю.

— Я предлагаю тебе научиться закрывать свой рот, пока с тобой не разговаривают, — сердито рычит Хендрикс. — Я укажу тебе твое место, девочка. Не сомневайся. То, что ты что-то кланчишь, ничего не значит для меня.

Моя губа дрожит, и я опускаю голову.

— Теперь заведи руки за спину.

Я вскидываю голову.

— Что? Нет.

Хендрикс рычит, разворачивается и подходит к своему столу. Он вытаскивает наручники и с решительным взглядом подходит, хватая меня за плечо и поворачивая спиной.

Я решаю, что самое время сражаться. Я откидываю ногу назад, ударяя его в коленную чашечку. Он мычит от боли, но его пальцы не покидают моего плеча. Он швыряет меня вперед, тесня к стене. Я извиваюсь и пинаюсь, выкручиваясь всем телом в убогой попытке сбежать из его захвата. Внезапно холодный, жесткий предмет оказывается прижатым к моему виску.

— Это просто, — шипит он мне в ухо. — Ты поступаешь так, как я говорю, или я выбью тебе мозги. Меня устроит любой вариант. Выбирай прямо сейчас, жить или умереть. Что это будет?

— Какая разница, — кричу я, извиваясь.

— Жизнь или смерть? — рычит он, сильнее вжимая меня в стену.

— Жизнь! — кричу я. — Жизнь!

— Тогда закрой рот и сделай, что тебе, бл*дь, сказали, — ворчит он.

Он убирает пистолет, и мои колени угрожают подломиться. Я вся дрожу, и мои зубы стучат. Хендрикс тянет мои руки за спину, из-за чего от боли у меня перехватывает горло. Затем хватает пару наручников. Он разворачивает меня, и наши глаза встречаются на мгновение. Там должно быть что-то еще. Конечно, это не может быть все? Он действует как монстр, но глубина его взгляда говорит другое.

— Пожалуйста, дай мне немного воды, — шепчу я.

— Ты, что, думаешь, это долбаные каникулы класса люкс? — отрывисто и резко произносит он.

— Я умру, и тогда ты не организуешь эти свои торги.

На мгновение его глаза вспыхивают от шока, а затем они становятся безжалостными.

— Не угрожай мне снова, девочка.

Он толкает меня к блондину, и тот хватается за цепь, соединяющую манжеты вместе, и сильно тянет меня за нее. Я ничего не могу сделать, кроме как подчиниться. Как непослушный щенок, я следую за ним по коридорам.

Пока он ведет меня, я осматриваю окрестности. Большинство дверей слева и справа от нас закрыты, поэтому я не вижу, что внутри. В конце слева большая комната, и я слышу из нее громкие голоса и музыку. Мы доходим до конца коридора, там старая, разбитая деревянная дверь. Блондин открывает ее и подталкивает меня.

Ступеньки шатаются, и пахнет там плесенью и крысами. Я съеживаюсь и заставляю себя оставаться сильной, когда реальность начинает тонуть. Мы достигаем дна, и в поле зрения появляется светлое тусклое пространство. Я вижу три камеры, все с решетками. Моим телом начинает овладевать паника, когда я вижу их размер. Они крошечные, без кровати, без туалета, без ничего. Это просто небольшое пространство. Я качаю головой и упираюсь пятками. Блондин толкает меня сзади, но я напрягаю ноги и отказываюсь двигаться. Сильный толчок — и я лечу вперед.

— Пожалуйста, — умоляю я, схватившись за прутья решетки, когда он пытается запихнуть меня туда. — Пожалуйста, не заставляйте меня туда входить. Я же ничего не сделала.

— Входи, — хрипло говорит он.

— Ты вообще человек? — кричу я.

Он издает еще один ворчащий звук, распахивая решетку и швыряя меня так сильно, что я врезаюсь в заднюю стенку и валюсь на пол. Я бросаюсь вперед, но он хватает меня, быстро освобождая от наручников, прежде чем хлопнуть решеткой прямо перед моим носом. Я кричу и обвиваю прутья пальцами, дрожа, крича и плача. Блондин просто выходит, как будто мой плач никак не задевает его. Всклипывая, я опускаюсь на колени. *Как я оказалась здесь?*

Я слышу хриплый звук и верчусь в своей камере, в панике вся моя грудная клетка поднимается и падает. И тогда я вижу в соседней камере Эрика, свернувшегося калачиком и истекающего кровью.

— Эрик? — я плачу, подползая и пытаюсь дотянуться до него сквозь решетку между нами. Эрик задыхается, и его тело дрожит.

— Эрик! — я плачу. — Очнись!

Он кашляет, и его веки, вздрогнув, открываются.

— И... Инди? — хрипит он.

— Я здесь. Ты в порядке? О, Эрик, мне так жаль.

Он снова кашляет и стонет от боли. Я слышу топот сапог и поворачиваюсь, чтобы увидеть, как блондин возвращается с маленькой бутылкой воды. Он проталкивает ее через решетку, смотрит на меня, а затем поворачивается и снова уходит. *Он дал мне воду? Почему?* Я ползу к воде, горло горит от отчаяния. Я хочу открыть ее и выпить одним глотком. Затем я слышу, как Эрик кашляет рядом со мной, и понимаю, что должна разделить ее на нас двоих. Я отвинчиваю пробку бутылки и прижимаю ее к губам.

Вода прохладная и успокаивающая. Отчаяние изнурило мое тело. Мне приходится собрать все мои силы, чтобы не выпить все. Мои руки дрожат после нескольких больших глотков. Я не хочу прекращать пить, но у меня нет выбора. Мой друг умрет без этой воды.

Я ползу к решетке и осторожно проталкиваю воду. Эрик сидит, его голова свисает, одежда разорвана и окровавлена.

— Эй, — шепчу я. — Держи.

Он поднимает голову, и мое сердце сжимается, когда я вижу его почерневший глаз, разбитую губу и подсыхающую на подбородке кровь. Он видит воду, и глаза его вспыхивают от жажды. Он дотягивается и выхватывает бутылку из моих рук, отрывая крышку и прижимая ее к губам. Он выпивает воду тремя большими глотками. Когда бутылка пустеет, он поднимает на меня глаза. Похоже, что он чувствует себя только хуже.

— Так хочется пить, — хрипит он.

— Я знаю, — успокаиваю я. — Я найду способ вытащить нас отсюда, Эрик. Клянусь.

— Все... все болит, — шепчет он.

Мои глаза жжет от слез.

— Я знаю, милый. Я знаю. Я найду выход, обещаю.

— Они... — он вздыхает. — Они собираются продать тебя, Инди.

Мое сердце сильно бьется, и я сглатываю, пытаюсь сохранить спокойствие.

— Я знаю, но я не позволю им. Я найду выход.

— Мы в океане, — хрипит он. — Как мы найдем выход?

— Ты меня слышишь? — шепчу я, пробираясь между прутьями решетки и касаясь его руки. — Всегда есть выход.

— Инди...

— Нет, Эрик, ты не сдашься сейчас. Если ты сдашься, у нас ничего не останется.

— Я так голоден, — говорит он, прикрыв глаза.

— Я знаю, я тоже.

Я опираюсь спиной о решетку, все еще держа его за руку. Я слышу, как его дыхание снова становится глубоким, и знаю, что его силы истощились. Его избили, он обезвожен и голоден. Если они вскоре не накормят нас, перспективы будут удручающими. Я прикрываю глаза, и они горят от ярости. Я сосредотачиваюсь на своем дыхании и стараюсь успокоить свое колотящееся сердце. Мне нужно сохранять спокойствие. Мне нужно быть сильной и найти способ выжить.

Если не сделаю этого...

Мы с Эриком оба умрем.

Я не допущу этого.

~ * Глава 3 * ~

Жизнь вполне хороша, а почему бы и нет? Я же пират, в конце концов.

Рвота, когда в желудке ничего не осталось, — это самое отвратительное ощущение в мире. Морская болезнь настигает меня на следующий же день, и хотя я обезвожена и голодна, в конце концов, припала к полу, выблевывая желчь, потому что это единственное, что во

мне оставалось. Эрик снова потерял сознание, и с каждым часом он выглядит все хуже и хуже. Я беспокоюсь о нем. В нем нет силы духа, а в довесок к травмам, которые мы и так получили, его еще и избили. Я думаю, для него это слишком.

Пираты приходили и дали нам немного еды и воды сегодня утром. Я отдала свою долю Эрику. Он, не стесняясь, с жадностью съел и мою еду, но затем его стошнило всем этим. Я знала, что так произойдет. Я предупреждала его, чтобы он ел медленно, но он этого не сделал. Я берегла воду, медленно потягивая ее, потихоньку заново приучая к ней желудок. Однако это продолжалось недолго. Снаружи ревет ветер, и корабль качает. И это то, что мой живот не может перенести.

Я нахожу себе самый чистый пяточок на полу и сворачиваюсь клубком, в то время как мой желудок переворачивается и протестует. Я закрываю глаза, мое тело совсем истощено. Я знаю, что мне нужно отвлечься и отдохнуть, но я в ужасе. *Как мы спасемся с этого корабля? Боже, мы вообще покинем этот корабль? Что произойдет после того, как они меня продадут? Они убьют Эрика? Выбросят его в океан? Я никогда не смогу уснуть снова, зная, что с ним случилось что-то из-за меня. Да, давайте посмотрим правде в глаза, случившееся — моя вина. Я была той, кто пытался сбежать.*

Я чувствую, как кружат мои мысли, и пытаюсь считать в неудачной попытке их успокоить. Мне нужен отдых. Мне нужны мои силы. Внутри меня все болит, а внешне я так потрепана, что даже не хочу об этом думать. Я просто хочу домой. Я хочу пойти и изменить все глупые решения в моей жизни, которые привели меня к вот этому. *Я когда-нибудь увижу других людей? Или эти пираты станут всем, что я буду знать до конца моих дней? Хуже того, если они действительно продадут меня, я на всю оставшуюся жизнь останусь сексуальной рабыней?*

Я дрожу, и живот крутит сильнее.

Я не буду плакать.

Они этого не заслуживают.

— Полиция! — кричит вдруг кто-то.

Полиция? Я выпрямляюсь, и мои мышцы кричат в знак протеста. Я склоняю голову к плечу и стараюсь прислушиваться к шуму над нами. Рядом со мной Эрик начинает шевелиться.

— Держи оружие наготове, — еще один крик.

— Они близко, но знают, что не могут нас достать, — орет кто-то из пиратов. — Пусть только попробуют. Мы разнесем их в щепки, прежде чем у них появится хоть шанс.

Рядом полиция? Я встаю на четвереньки, и мой желудок сердито переворачивается. *Это наш шанс на свободу. Нас могут выручить?* Эрик сейчас бодрствует, и он смотрит на меня, только взгляд у него слегка отсутствующий.

— Ч... что происходит?

— Полиция! — восклицаю я. — Они снаружи.

Его глаза распахиваются, и он тоже оказывается на четвереньках.

— Нам нужно шуметь, звать на помощь.

— Они убьют нас, — вскрикиваю я, мотая головой.

— Они все равно нас убьют, Индиго. Кричи!

— ПОМОГИТЕ! — я кричу, всю меня переполняет адреналин. — Кто-нибудь ПОМОГИТЕ!

— ПОМОГИТЕ НАМ! — вопит Эрик. — ПОМОГИТЕ!

Мы слышим проклятие и передвижение на борту, а также громкий крик. Каждый дюйм моей кожи покалывает, и мое сердце так сильно стучит, что, кажется, будто мне становится плохо. Возможно, это единственный данный нам шанс убежать.

— ПОМОГИТЕ! — мы оба кричим одновременно, так громко, что я не сомневаюсь, что они услышали. Мы продолжаем надрываться.

Я слышу, как распахивается дверь камеры, и Хендрикс свирепо рвется внутрь. *Да уж, он последний человек, которого я ожидала увидеть.* Его глаза дикие, и он бросается в атаку, пока не достигает решеток. Он хватается за них и впивается в меня взглядом.

— Заткнись, — рявкает он.

— Черта с два, — хриплю я. — ПОМОГИТЕ!

Он вытаскивает пистолет из джинсов и целится в меня.

— Закрой рот, или я убью тебя.

— Ты думаешь, мне не все равно? — кричу я. — Давай, убей меня, наверняка, это лучше, чем твой замысел.

На мгновение что-то вспыхивает в выражении его лица, прежде чем он направляет свой пистолет на Эрика. Я замираю.

— Но тебе не все равно, если я убью его.

— Не надо, — сиплю я.

Хендрикс переводит свой темный взгляд на меня.

— Заткнись. Еще одно слово, и я, бл*дь, разберу его на куски прямо перед тобой.

— Просто отпусти нас, — кричу я.

— Ты что, меня не слышала? — ревет он. — Я сказал — заткнись!

Я встаю, и все внутри меня дрожит. Я переступаю с ноги на ногу,

вцепляясь в решетку и глядя через нее.

— Тогда убей нас, и ты окажешь любезность нам обоим. ПОМОГИТЕ!

Он рычит, вырывает ключ из кармана и открывает клетку. Как только он открывает дверь, я атакую. Он размахивается и бьет меня рукой в челюсть, отправляя в полет назад. Я приземляюсь на спину, но мое тело полно гораздо большей решимости, чем все, что он мог бы устроить мне. Я опускаюсь на четвереньки, ползу вперед и так сильно пинаю его обеими ногами, что он спотыкается назад.

— Твою мать! — ругается он.

Я проползаю мимо него и добираюсь до нижней ступеньки лестницы, прежде чем он хватает меня за лодыжку и тащит обратно. Я громко кричу, чувствуя, как он опускается на колени, обхватывая меня вокруг груди и оттягивая назад. Одной большой рукой Хендрикс удерживает меня возле себя, а другую сильно прижимает к моему рту. Я чувствую, как зубы впиваются в губы. Я корчусь и лягаюсь, высвобождая каждую унцию моих внутренних сил. Он запрокидывает мою голову к своему плечу, а его рука сильнее прижимается к моему рту.

— Прекрати, — приказывает он.

Я откидываю голову и ударяю ею назад так сильно, что он издает громкий звук «уф». Хендрикс рычит и отпускает мой рот, подтягивая пистолет с пола и прижимая его к моему виску.

— Не заставляй меня убивать тебя, потому что я, бл*дь, этого не хочу.

Не хочет?

Он не хочет... чего?

Меня начинает трясти так сильно, что я теряю все свои силы. Мое тело сползает вниз, и его рука напрягается, когда он придерживает меня. Мужчина тяжело дышит, и все мое тело неконтролируемо трясется с каждым его гневным вздохом. Он медленно отводит пистолет вниз от моей головы, прежде чем потянуть меня назад, вставая на ноги и поднимая меня за собой. Он не выпускает меня из рук, просто заводит в камеру и опускает на пол. И только тогда, наконец, отпускает.

— Не усложняй это больше, чем нужно, — говорит он. — Я не хочу убивать тебя или твоего друга, так что сиди тихо.

Я киваю и потупляю голову. Еще несколько мгновений он наблюдает за мной, прежде чем повернуться и убраться отсюда. Я съеживаюсь, и из меня вырывается громкое, дрожащее рыдание. *Выхода нет. Мы не сможем убежать.* Эрик ползет к решетке и тихо шепчет:

— Инди, все будет хорошо.

— Ничего не будет хорошо, — вскрикиваю я, сжимая кулаки и мотая

головой из стороны в сторону. — Эрик, он меня продаст. Что мне делать?

Я поднимаю голову, чтобы увидеть лицо друга.

— Мы освободимся отсюда, я клянусь в этом, Инди.

— Выхода нет, — кричу я.

— Я никому не позволю причинить тебе боль, — шепчет он, дотянувшись и беря меня за руку. — Клянусь.

Вот, чего он не понимает в своем чертовом черно-белом мире... то, что он ничего не может сделать, чтобы остановить все это.

~ * ~ * ~ * ~

Они оставляют нас в этом отсеке еще на ночь и на весь следующий день. Нам больше не дают ни есть, ни пить. Я никогда так часто не хотела умереть за всю свою жизнь. Мысль о смерти была гораздо приятнее, чем мысль о жизни и медленном обезвоживании, о страданиях, пока мое тело больше не сможет переносить и откажет. Мой язык кажется толстым куском наждачной бумаги. Мое горло настолько сухое, что я боюсь глотать, потому что боль слишком сильна. Мое тело перешло пределы голода и теперь на грани отключки.

— Инди? — хрипит Эрик со своего места за решетками.

— Я здесь, — шепчу я. Моя голова свешивается, потому что ее слишком тяжело поднимать.

— Ты в порядке?

— Я... на полпути.

— Мы не можем продолжать так и дальше. Мы умрем, если вскоре что-нибудь не сделаем.

— Они не позволят мне умереть, — говорю я, надеясь, что права. — Я — призовой фонд.

— Возможно, они нашли что-то еще. Мы не можем полагаться на это, — говорит он, его голос так хрипит, что едва узнаваем.

— Что мы сделаем, Эрик? Потому что я уверена, что не представляю, как покинуть этот богом забытый корабль! — выпаливаю я.

— Нам нужен план к тому времени, как они вернутся. Сидя здесь мы ничего не видим, мы не можем рассмотреть помещения или маршрут побега — ничего. Нам нужен способ попасть туда.

Он прав. Конечно, он прав. Я знаю, что есть только один выход, и это, возможно, кража спасательной шлюпки, плота или, черт возьми, бочки. Там должно быть что-то, на чем мы сможем сбежать. И подняться на палубу, чтобы присмотреться, единственный способ узнать это. Но как туда

попасть?

— Мы в крошечной камере, Эрик. Как ты думаешь, мы выйдем?

— Если ты их приз, — говорит он, его голос еле слышен, — они не захотят, чтобы ты умерла.

— Что ты задумал? — нетерпеливо спрашиваю я.

— Думаю, ты должна притвориться, что потеряла сознание, когда они вернутся. Они могут всполошиться и заберут тебя на палубу. Ты сможешь высмотреть выход, найти способ сбежать.

— Неплохая идея, — говорю я, кивая, — но они могут не спускаться сюда днями.

— Может быть, но если они хотят, чтобы ты была живой, они это сделают.

Я закрываю глаза, сосредоточившись на своем дыхании.

— Мы можем попытаться. Другого выбора нет.

Надеюсь, это сработает.

Больше у нас нет ничего.

~ * Глава 4 * ~

Я твой капитан, а ты — моя, милашка. Seriously, так и будет!

— Инди, — отчаянно шепчет Эрик. — Очнись!

Я сдвигаюсь со своего места на полу, хотя все тело ноет. Я быстро моргаю, чтобы сфокусировать свой взгляд на Эрике.

— Они спускаются!

Я пытаюсь переместить свое тело, но оно и впрямь одеревенело и болит. Я слышу тяжелый стук на палубе и звук отпирающейся двери отсека. *Он прав, они спускаются. Сколько дней прошло? Я не знаю.*

— Падай в обморок, Инди, — шепчет Эрик. — И не приходи в себя.

Я остаюсь в своем положении, пытаюсь расслабиться, чтобы это выглядело по-настоящему. Нужно успокоить свое дыхание, чтобы тело выглядело менее напряженным. Слышу топот сапог, а затем в комнате заметно светлеет. Я могу различить это, хотя мои глаза закрыты.

— Пожалуйста, — я слышу, как умоляет Эрик. — Она не приходит в себя. Пожалуйста, помогите ей.

— Твою ж мать, я же сказал тебе давать ей воду, — резко произносит

Хендрикс.

— Я дал, кэп.

— Я, бл*дь, имел в виду дать достаточно, чтоб она вот так не помирала. Вы, ублюдки, хоть что-нибудь давали им в последние дни, как я говорил?

Тишина заполняет комнату.

Хендрикс хотел, чтобы они нас кормили? Он не пытался медленно убить нас? Моя грудь переполняется надеждой.

— Извини, кэп, я подумал... Я думал, что Джесс давала им и...

— Черт, идиоты криворукие!

Я слышу, как дверь камеры открывается, и через мгновение чувствую руки, оборачивающиеся вокруг моего тела и поднимающие меня. Я держу себя настолько неподвижной, насколько могу.

— Отнесу к Сэнни и Джесс, они должны осмотреть ее.

На корабле есть женщины? Мое сердце трепещет. Женщины могут означать надежду. Они могут мне помочь.

Хендрикс уносит меня, и я слышу, как он приказывает пирату дать воду и еду Эрику, и я благодарна за это. Больше всего на свете я хочу убедиться, что он в порядке. Когда мы поднимаемся и выходим в коридор, я открываю глаза, отчаянно пытаюсь запомнить, что меня окружает. Некоторые двери открыты, и через одну из них я вижу окно. Окно — это хорошо. Я вижу внутри столовую с ее длинными столами и стульями, расставленными как попало. Проходим небольшой камбуз (*прим. помещение на судне, соответствующим образом оборудованное и предназначенное для приготовления пищи (кухня)*), а там ножи... ножи могут быть полезны.

— Я знаю, что ты делаешь, — внезапно говорит Хендрикс.

Я бросаю на него быстрый взгляд, чтобы увидеть, что он смотрит на меня. *Дерьмо. Он застукал меня, обшаривающую взглядом его корабль. Поймал меня с поличным, притворяющуюся, якобы я без сознания. Боже, я такая дура. Я не одурачила его даже на минуту, ни на одну проклятую минутку. Как я думаю сбежать, если не могу заставить его даже на пять минут поверить, что я отключилась?*

— Не могу винить себя за попытку, — хриплю я.

— Что планировали делать? — ухмыляется он. — Взять верх благодаря своей впечатляющей силе, а затем бежать, вооружившись ножом, и прыгнуть за борт?

Ладно, теперь, когда он так говорит, я чувствую себя глупо. Я хмурюсь и отворачиваюсь от него.

— Это не сработало бы по нескольким причинам, но главное — мы посреди океана, далеко от цивилизации. Да вы за день окочурились бы.

Мудак.

— Может, я и погибла бы за бортом. Но это все-таки лучше, чем просто сидеть здесь и ждать, пока ты не продашь меня как секс-рабыню, — огрызаюсь я.

Внезапно он ставит меня на ноги. Мои колени подгибаются, и я не сваливаюсь на пол только благодаря его жесткой хватке вокруг моей руки, до такой степени я слаба. Он начинает тащить меня, его шаги сердитые и решительные. Он ведет меня по коридору и вверх по лестнице на палубу.

Вечереет, но солнце только начинает опускаться к горизонту. Я прищуриваюсь, хотя солнце в небе невысоко. Но я несколько дней провела в темной камере, и свет режет глаза. Хендрикс тянет меня к фальшборту (*прим. ограждение по краям наружной палубы корабля*) и прижимает к нему, надавливая рукой сзади мне на шею, чтобы мое лицо оказалось за бортом.

Какого черта?

— Что ты делаешь? — кричу я, отталкиваясь изо всех сил, насколько позволяет мое ослабевшее тело.

— Смотри, — рычит он, а затем поворачивает голову. — Дрейк, сходи и брось какую-нибудь приманку!

Проходит минута, а затем толстый кусок мяса бросают через борт корабля. Он падает в воду с небольшим всплеском. Хендрикс удерживает свою лапищу у меня на затылке, и моя грудь начинает сжиматься. Вот тогда я замечаю их. Мое зрение размывается, а нижняя губа дрожит. По крайней мере, шесть здоровенных акул поднимаются к поверхности воды. Одна из них выпрыгивает из воды, хватая кусок мяса, словно это была не более чем закуска на зубок. Я начинаю плакать. Я трясусь всем телом, и паника захлестывает меня. Даже если я найду способ сбежать, эти акулы смертельны. Так что, я никогда не уберусь отсюда.

— Ты видишь это? — едко говорит Хендрикс. — Ты, нахрен, понимаешь, что это такое? Вот, что находится в воде, вот, что происходит, если попытаться прыгнуть за борт.

— Я... я поняла, — рыдаю я.

Он толкает мою голову еще дальше вниз, и я кричу.

— Ты хочешь быть приманкой для акул?

— Нет, — кричу я, извиваясь.

— Хочешь, чтобы они не торопясь разрывали тебя на куски?

— Черт возьми, нет!

Он откидывает меня назад, и мое тело врезается в его грудь. Мои колени снова подгибаются, и он позволяет мне упасть. Я падаю на палубу. Мои руки разъезжаются на влажной древесине, и я сипло дышу. Я обессилена. Для меня нет выхода. Как можно сбежать отсюда? Океан внезапно превратился в смертельно опасное место, наполненное гораздо большей угрозой, чем я могла себе представить.

— Вот мое предложение тебе — перестань пробовать сбежать. С этого корабля нет выхода, девочка. Только через твой труп.

Я дрожу. Я неверно поступаю. Я пытаюсь убежать сейчас, когда на самом деле, лучшая для меня возможность — это когда он попытается заключить сделку. Я думаю, что кому бы он ни продал меня, это будет на суше, так что у меня будет какой-нибудь подходящий момент. Если я умру, у меня не будет вообще никакого шанса.

Хендрикс, возможно, и напугал меня, но я не собираюсь сдаваться.

Еще нет.

~ * ~ * ~ * ~

После эпизода с акулами Хендрикс позволяет мне несколько мгновений посидеть на палубе, пока он разговаривает с кучкой пиратов на углу. Он увлекся разговором, поэтому я решаю рискнуть. Он полностью уверен, что напугал меня настолько, что я не попытаюсь придумать что-нибудь еще. Мои мысли возвращаются к ножам на кухне, черт возьми, там, вероятно, есть даже пистолет или два. Надо застать их врасплох. Я должна быть осмотрительна, но я могла бы забрать Эрика и попасть в маленькую лодку в задней части корабля. Та маленькая лодка, которую Хендрикс не знает, что я видела, пока сидела здесь, оправляясь от шока. Она правда там, прямо за спиной, едва заметная. Я медленно встаю и очень осторожно на цыпочках иду вперед к двери, ведущей на второй уровень.

Я задерживаю дыхание на каждом шагу, потому что уверена, что прежде чем доберусь до последней ступеньки, к моей голове прижмется пистолет. Я добираюсь до конца лестницы и медленно поворачиваюсь. Он не заметил. Тут же я набираю скорость, двигаясь по коридору так быстро, как только могу. Я добираюсь до первой каюты и вбегаю в нее. Я не обращаю особого внимания на безвкусные деревянные стены в крошечной комнате или на односпальную кровать в углу, которая выглядит так, будто видывала лучшие дни. Я иду прямо к тумбочкам рядом с ней и открываю их. Ну же, здесь где-то должно быть оружие. Не найдя ничего в этой каюте, бегу на камбуз. Я слышу голоса и знаю, что это полный аут. Мое

сердце начинает отчаянно колотиться. У меня есть минуты, если повезет. Мои глаза шарят вокруг, и я бегу в следующую открытую комнату.

Я иду мимо односпальных кроватей, здесь их две, и прямо к тумбочкам. Рывком открываю их и отчаянно начинаю перетряхивать. *Давай же. Давай.* Ничего не найдя, я выпрямляюсь и разворачиваюсь кругом, только чтобы врезаться в крупную дряблую грудь. Я напрягаюсь всем телом и поднимаю лицо, чтобы увидеть старого отвратительного пирата, ухмыляющегося мне. У него редющие седые волосы, желтые зубы и холодные голубые глаза. Он пугает. Моя кровь холодеет. На его лице нет ничего, что сказало бы, что он хочет причинить мне боль. Нет, его лицо выражает только похоть.

— Ну-ка, ну-ка, я слышал, что на корабле красивая девушка. Что это ты делаешь, роешься в моих вещах, крошка?

Я качаю головой, отступая назад.

— Я... я просто...

— Знаешь, сколько времени прошло с тех пор, как у меня была женщина? — усмехается он, показывая мне гниющие зубы.

О нет.

О чем я думала, пытаюсь бежать по этому кораблю? Я делаю еще один шаг назад, но он набрасывается и хватает меня. Я пытаюсь извиваться и бороться, но мое тело настолько слабо. Он юлой разворачивает меня, одной рукой придавив меня поперек груди. А потом прижимает нож к моему горлу. О нет, пожалуйста, Боже, нет. Не позволяй этому случиться. Нет.

— Не кричи, или я порежу, — шипит он мне на ухо.

Затем его руки спускаются по моему животу к шортам. Все в моем мире останавливается, и тело костенеет от страха. Я не могу двинуться, хотя внутри меня все кричит, чтобы я боролась. Его рука сунулась мне в шорты, и слезы обжигают мои глаза, когда его нож сильнее прижимается к горлу. Я задыхаюсь и умоляю его остановиться.

— Тихо, — приказывает он.

Я чувствую, как желчь поднимается в горле, когда кончиками пальцев он сжимает мои трусики. Мое зрение начинает размываться, и я стараюсь найти силы сопротивляться.

Силы находят, когда его пальцы оттягивают резинку моих трусиков. Я внезапно отвожу локоть назад, ударяя его по ребрам. Он мычит и оступается, врезавшись в тумбочку у кровати. На пол падает нож, и я устремляюсь к нему. Я обхватываю пальцами рукоять, и когда пират подходит, чтобы схватить меня, опускаюсь вниз, вбивая нож ему в ногу. Он

кричит, свалившись на пол. Кровь бежит из его ноги, и нож выпадает из моей хватки. Я чувствую, как кровь стекает по моему лицу, когда спотыкаюсь назад. *Я только что... вонзила в него нож!*

Я вскрикиваю, когда слышу голоса в коридоре. *Я должна уйти отсюда. Я не смогу сделать это еще раз.* Я опускаюсь на колени, а пират все еще катается и кричит, сжимая ногу. Я хватаюсь за пистолет в его штанах и вытягиваю его. Вскрываю на ноги, поднимая оружие, но руки водит из стороны в сторону. Я навожу на него пистолет и срывающимся на шипение голосом хриплю:

— Не двигайся.

Он все еще стонет от боли, и полагаю, он даже не понял, что я сказала. Кровь льется из глубокой раны на ноге.

— Какого черта?

Я слышу гневный голос Хендрикса и быстро оборачиваюсь, чтобы увидеть, что он стоит в дверях с оружием наготове.

— Что ты делаешь?

— Он пытался... он... совал руки...

— Что он сделал? — говорит он, его голос суров.

— Он пытался изнасиловать меня, — шепчу я.

Жгучий взгляд Хендрикса обращается на пирата на полу.

— Это так?

— Нет, босс, она врет. Она вошла сюда и сама набросилась на меня...

Лицо Хендрикса становится каменным, и он нажимает на курок на своем пистолете, не задавая ни одного вопроса. Я кричу, когда пуля попадает пирату прямо между глаз. Появляется аккуратная дырочка, и из раны начинает с напором вытекать кровь. Все мое тело раскачивается, и я слышу собственный плач. *Я не могу. Я не хочу. Я просто хочу уйти. Почему он не позволяет мне уйти? Я устала. Измучена. Я доведена до предела.*

Я поднимаю пистолет и прижимаю к своему виску. Хендрикс поворачивается, его глаза становятся большими, и он очень мягко говорит:

— Положи его, девочка.

— Какой смысл? — шепчу я. — Моя жизнь все равно кончена.

— Это не то, что ты хочешь сделать...

— Не то? — я кричу, моя рука трясется. — А что, ты думаешь, я хочу? Провести жизнь сексуальной рабыней? Это лучше?

Хендрикс медленно приподнимает свое оружие до высоты моего бедра.

— Положи, я не хочу причинять тебе боль.

— Н... нет.

Я слышу выстрел, ощущаю жжение в бедре и чувствую, что падаю на пол. Пистолет выпадает из моей руки и скользит по дереву. Я открываю рот, но ничего, кроме задушенного бульканья, не выходит. Ощущение, словно огонь распространяется по моей ноге. Она горит. Я кричу, и мои руки тотчас устремляются к ране, где я чувствую жаркую липкую кровь.

Хендрикс быстро возникает рядом, наклоняясь и поднимая меня на руки.

— Это всего лишь царапина, ты в норме.

— Ты выстрелил в меня, — кричу я, мой живот скрутило от боли.

— Я не мог позволить тебе убить себя. Это неверный курс.

— Что ты знаешь о верном? — плачу я.

— Больше, чем ты думаешь.

Меня всю колотит, когда он проносит меня по коридору. Все вращается, все бессмысленно. Весь мой мир перевернулся вверх дном, и я не знаю, как с этим бороться. Меня тошнит от страха при мысли покончить со своей жизнью, которую я допустила, пусть даже на секунду. *Что насчет Эрика? Как я могу так поступить с ним? Как я могла быть так эгоистична?*

Хендрикс приносит меня в свою комнату и опускает на софу. Затем он поворачивается и направляется к коридору, высунув голову и рывкнув что-то, прежде чем развернуться и возвратиться назад. Он опускается на колени, сжимает мои шорты и разрывает их. Я кричу и извиваюсь, но он не останавливается. Мужчина поднимает рубашку с пола и прижимает ее к моей ноге. Давление причиняет боль, и я обнаруживаю, что умоляю его остановиться.

— Я спасаю твою ногу, перестань бороться со мной.

— Ты пытался убить меня, — причитаю я.

— Я пытался спасти тебя от самоубийства, а теперь лежи и не двигайся, — приказывает он, — или я заставлю тебя.

Я всхлипываю и закрываю глаза, чувствуя, как по моим щекам текут слезы. Я чувствую себя больной внутри, в жизни никогда не была так напугана. Я бы предпочла выстоять три раунда с Кейном (*прим. американский профессиональный рестлер, чемпион в супер тяжелом весе*), чем снова оказаться в такой ситуации.

— Я всего лишь оцарапал тебя. Несколько стежков, и с тобой все будет в порядке.

— Зачем останавливать меня? — тихо говорю я, и мой голос срывается. — Тебе плевать на мою жизнь. Наверняка у тебя есть и другие вещи на продажу, просто позволь мне сделать это по-своему.

— Нет, — просто говорит он.

Его пальцы скользят по моему здоровому бедру, и на секунду я забываю о боли. Он обхватывает верхнюю часть бедра и разворачивает меня так, чтобы обеспечить лучший нажим на мою вторую ногу. Он не сдвигает руку, когда останавливает меня, и всем телом я испытываю боль. Огонь в раненом бедре блокирует очень много ощущений, но ни на секунду я не прекращаю чувствовать руку у меня на бедре. Хендрикс поднимает голову, его взгляд встречается с моим — и что-то проходит между нами. Я не знаю, что это такое... может быть, понимание? *Что Хендрикс способен понять обо мне?*

Его палец начинает нежно, успокаивающе двигаться по кругу, и он не отводит глаз от меня. Мой вздох замирает, и я прилагаю усилия, чтобы выровнять свое дыхание. Карие глаза Хендрикса вглядываются мне в лицо, будто он ищет что-то, чего, он уверен, не найдет. Он выглядит почти отчаявшимся, отводя взгляд. Когда его взгляд возвращается к моим глазам, я чувствую, как его пальцы сжимают мое бедро... почти обнадеживающе. Я не понимаю его. И не думаю, что вообще когда-либо пойму.

— Кэп?

Хендрикс отдергивает руку от моего бедра почти виновато, а затем быстро встает. Больше мне в глаза он не смотрит, просто поворачивается к белокурой женщине, стоящей в комнате.

— Швы. Ей нужно наложить около трех.

Она переводит свой взгляд на меня и прищуривает глаза. Она большая, грудастая и блондинистая. Она ни в коем случае не отталкивающая, но и не впечатляет. С рычанием она подходит к софе. Опускается на колени, снимая рубашку с моего бедра и глядя вниз на рану.

— Два, это будут два шва.

Я закрываю глаза, чувствуя, как мой желудок снова переворачивается.

Я не открываю их, пока она не заканчивает и не уходит.

Затем я поворачиваюсь на бок и закрываю глаза.

Я не хочу никого видеть.

~ * ~ * ~ * ~

— Ты заработала к себе особое внимание, — ворчит Хендрикс позже той же ночью после того, как я проснулась.

Он стоит передо мной, держа полотенце. Он бросает его на меня и скрещивает руки. *Болван*. Я медленно сажусь, и моя нога пульсирует. Блондинка использовала антисептик и, я надеюсь, стерильные

инструменты, но эффект от лекарства постепенно начинает исчезать, и боль возвращается. Я чувствую себя слишком больной внутри, чтобы снова прижать пистолет к своему виску. *Нажала бы я на курок?* Я действительно не знаю, но на мгновение, на одно мгновение, я почувствовала бессилие, которое никогда не ощущала в своей жизни... и собираюсь никогда не чувствовать снова.

— Если ты думаешь, что я попытаюсь убежать после такого опыта, ты очень ошибаешься, — шиплю я, пытаюсь контролировать свое тело, в то время как оно отчаянно пытается изгнать пустоту в желудке.

— Это не значит, что я тебе доверяю. Ты останешься здесь, со мной. А когда меня здесь не будет, я приставлю сторожа к тебе. Я не доверюсь оставить тебя в камере, и мне нужно заставить тебя выглядеть немного здоровее, прежде чем продать тебя Чопперу (*прим. с англ. измельчитель*).

Чоппер?

От этого имени мороз по коже.

— Пожалуйста, передумай... — говорю я, поднимая взгляд, чтобы посмотреть ему в глаза. Должно же в нем быть что-нибудь, что я могу использовать, чтобы заставить его остановиться. Я видела это за мгновение перед тем, как он выстрелил в меня. Оно было там...

Он скрещивает свои огромные руки на груди, и, стоя так, он выглядит невероятно красивым и сильным. Боже, он опасен, это на нем просто написано. Тем, как его мышцы напрягаются и двигаются, когда он скрестил руки, тем, как одежда облегает его крепкое, твердое тело. Сегодня вечером его волосы распущены, и они спадают к основанию его шеи густыми волнами. У него такие волосы, которым позавидовала бы и женщина. Золотые кольца в его ухе мерцают. Как он может быть так красив и одновременно абсолютно ужасен?

— Никакие мольбы не заставят меня передумать. У меня долги, которые надо оплатить. Не принимай это на личный счет.

— «Не принимай», — огрызаюсь я. — Ты продаешь меня кому-то, кто сможет использовать мое тело, как ему вздумается, но не хочешь, чтобы я принимала это на личный счет?

Он ворчит.

— Слушай, девочка. Я предлагаю тебе прекратить расспрашивать о моих мотивах и начать учиться закрывать рот. Я ведь не подвешиваю тебя за бортом корабля и не оставляю добычей для акул.

Мои глаза расширяются.

Он говорит серьезно.

— Я не хочу оставаться здесь с тобой, позволь мне вернуться в камеру.

— Этого не будет.

— Я не оставлю своего друга. Я устрою тебе кровешный ад, если ты оставишь меня здесь, даю слово, — угрожаю я.

— Это угроза? — рычит он, опуская руки и нависая сверху.

— Нет, пират. Это обещание. Он для меня все. Я не позволю тебе оставить его там гнить. Если ты не собираешься следить за мной каждую секунду все дни, то можешь быть уверен, что я сделаю все, что нужно, чтобы избежать этого. Включая попытку снова покончить со своей жизнью.

Он глубоко и неровно вздыхает.

— Ты действительно сделаешь это для своего друга? Убьешь себя? Оставишь его одного на корабле, чтобы его убили?

Его слова жгут.

— Иногда выбора нет.

— Я дам тебе выбор, — говорит он, встречаясь со мной взглядом. — Ты либо примешь его, либо нет. Если ты останешься здесь, будешь вести себя разумно и не попытаешься снова сбежать или навредить себе... Я продолжу кормить твоего друга. Я дам ему пищу и воду, и когда мы остановимся, я отпущу его.

Мои глаза открываются шире. Он предлагает свободу Эрика в обмен на обещание остаться и сделать, как он просит. В принципе, это обмен жизни моего друга на свою собственную. Если я скажу «нет», Эрик умрет. Если я скажу «да», я продам себя. Я закрываю глаза. Я уже знаю ответ. Я знала это с того момента, как решила, что сделаю все возможное для Эрика. Я знала это, когда несколько минут назад решила, что не буду проявлять слабость. Я должна быть сильнее. Эрик никогда не узнает, как близка я была, чтобы отказаться от нас обоих. Я открываю глаза и встречаю взгляд Хендрикса.

— Откуда мне знать, что ты не лжешь?

— Пиратский кодекс. Мы заключим сделку на крови. Свои сделки я не нарушаю.

— Ты поклянешься, что он будет накормлен, обеспечен водой и отпущен на свободу. Он сможет вернуться к своей жизни и жить счастливо, если я пообещаю сделать то, что ты скажешь?

Хендрикс кивает.

Я закрываю глаза и говорю, понуриив голову:

— Идет.

Он делает шаг вперед, и я поднимаю глаза, чтобы увидеть, что он вытаскивает нож. Он без усилия надрезает себе ладонь. Появляется небольшая струйка крови. Я съеживаюсь, и все мое тело начинает

трепетать. Я ставлю на кон мою жизнь. Это единственный выбор. По крайней мере, с этим выбором я знаю, что Эрик освободится. Я смогу найти способ убежать. Я уверена, что смогу. Хендрикс опускается и берет меня за руку, поднося нож к моей ладони. Я пытаюсь оттянуть ее.

— Нет, я не хочу смешивать кровь, — вскрикиваю я.

— Все скрепляется кровью, таков пиратский кодекс. Ты не скрепляешь — я не обещаю безопасность твоего друга. У меня нет болезней, так что перестань сходить с ума и пожми мою гребаную руку.

Он так аккуратно проводит линию на моей ладони, что я едва чувствую это. Появляются только крошечные капельки крови. Он протягивает руку. Я колеблюсь.

— Чего стоит для тебя твой друг? Если не пожмешь мне руку, я не заключу сделку. Кровь или ничего. Я не нарушаю свои обещания. Будешь колебаться еще дольше, и я передумаю. И если я это сделаю, другого шанса спасти своего друга у тебя не будет.

Я протягиваю руку. Если я умру от болезни, пусть так и будет. Итог моей жизни не выглядит слишком позитивным в любом случае. Хендрикс протягивает руку, и, прежде чем я прикоснулась к ней, он произносит слова. Слова, которые связывают меня с ним, по крайней мере, сейчас:

— По кодексу океана мы совершаем эту сделку.

Я сглатываю и вкладываю свою ладонь в его. Одной своей большой ладонью он накрывает мою, и от соприкосновения я чувствую дрожь.

— По кодексу океана, — шепчу я, — мы совершаем эту сделку.

Он стискивает мою ладонь, а затем отпускает ее. Я быстро вытираю ладонь о шорты и поднимаю на него глаза.

— Готово. Нарушишь сделку, и я убью твоего друга.

Я киваю и поднимаю руку, проверяя рану на ладони.

— Кровотечение слишком слабое, это значит, что ты обезвожена.

Да что ты, Шерлок.

— Я попрошу Джесс принести тебе еду, воду и одежду. Ты можешь принимать душ, кормить тебя будут ежедневно. Я не могу доставить тебя похожей на мешок с костями.

Боже, я так плохо выгляжу?

— Отлично, — я киваю.

— Можешь спать на софе, и у тебя есть доступ к этой комнате и по всему кораблю. Теперь ты заключила сделку, так что сторожа я уберу. Если ты только попытаешься сбежать, я без колебаний перережу горло твоего друга. Ты не сможешь вытащить его из тех клеток, так что даже твое намерение сбежать может... уничтожить его. Вижу, что он много значит

для тебя, поэтому ты решаешь, сохранить ли его в живых. Попытаешься убежать — и, поверь мне, я заставлю его страдать.

— Я поняла, хорошо? Я никуда не денусь, — огрызаюсь я.

Он прищуривает на меня глаза, а затем поворачивается и подходит к столу. Поднимает трубку и нажимает несколько кнопок. Я смотрю на телефон с тоской, но это не внешняя линия, а только внутренняя. Я могу только мечтать о другом.

— Джесс, принеси мне еду, воду и одежду для девушки. Принеси сейчас.

Он вешает трубку, прежде чем девушка получает хоть шанс ответить. Через пять минут в дверь раздается стук. Я поворачиваюсь на софе и наблюдаю, как Хендрикс подходит и открывает дверь, обнаруживая то, чего я не ожидала увидеть. Молодую девушку, я полагаю, около двадцати лет. Я думала, что все у него на корабле только неряхи или отвратные типы, но эта девушка выглядит аккуратной, чистой и почти дружелюбной. У нее длинные густые рыжие волосы и большие зеленые глаза. Ее кожа бледная, а тело тонкое и миниатюрное. *Какого черта она делает на пиратском корабле?*

— Спасибо, — говорит Хендрикс, беря вещи из ее рук.

Она переводит взгляд на меня, и мгновение мы смотрим друг другу в глаза. *Может ли эта девушка быть моим пропуском?* Она дарит мне небольшую слабую улыбку, а затем поворачивается и уходит. *Сколько женщин на этом корабле?* Я думала, что было какое-то правило, что женщины не оставались на пиратских кораблях, но я вообще не думала, что пираты все еще существуют в этом мире.

Думаю, все, во что я верила, было неправильным.

Хендрикс подходит, бросая вещи на стол передо мной. Я вижу майку, пару джинсов, бутылку воды и сэндвич. Мой живот сильно скручивает, и я не уверена, что поесть будет мудрой идеей.

— Эта девушка тоже пленница? — вдруг спрашиваю я.

Хендрикс как раз отвернулся, но на моих словах он останавливается и смотрит на меня.

— Она здесь добровольно.

— Почему? — ошарашено спрашиваю я.

Зачем кому-либо в здравом уме оставаться на пиратском корабле?

— Ее жизнь — это не твое дело. Ни одна из жизней членов моего экипажа.

Я прищуриваю глаза, но оставляю это. Я отворачиваюсь и снова смотрю на сэндвич.

— Предлагаю тебе съесть это, выпить воду, принять душ, а затем отдыхать.

— Какой заботливый, — говорю я, протягивая руку и сжимая сэндвич.

— Ну, я должен буду отдать что-то стоящее, — добавляет он. — Прямо сейчас тебя не сбыть даже за бесценок.

Ах!

Я ему не отвечаю. Я просто подношу сэндвич ко рту и кусаю. В тот момент, когда пища достигает моего языка, я съеживаюсь. Я хочу есть, но мой желудок голодал так много дней, что мысль о еде и реакция на еду нахлынули слишком сильно. Я медленно жую, закрыв глаза и сосредоточившись на своем дыхании. *Я должна есть ради собственного здоровья и сил.* Я глотаю прожеванный кусок и заметно вздрагиваю от боли в горле.

— Не ешь слишком быстро, — говорит Хендрикс. — Иначе только вырвет обратно. Поверь мне.

Я смотрю на него.

— Откуда тебе знать? Ты когда-нибудь был так голоден, что мысль о еде на самом деле отталкивала тебя?

Он встречает мой взгляд, его глаза смертельно серьезны.

— Да, был.

Был? Я моргаю. Это был не тот ответ, который я ожидала. Мне нечего ответить на это, и я поворачиваю голову обратно к бутерброду и снова кусаю. Это ветчина и сыр, обычные, простые, и если бы я не чувствовала себя так плохо, возможно, очень вкусные. Я тянусь и беру воду, откручиваю крышку и подношу бутылку к губам. Отчаяние снова захватывает меня, и я до боли хочу выпить ее всю до доньшка. Я знаю, что не могу. Мне нужно пить понемногу, поэтому я делаю несколько больших глотков и опускаю бутылку. Я кусаю еще один кусочек сэндвича, затем встаю и сгребаю одежду в охапку. Поворачиваюсь и ухожу в ванную без единого взгляда на Хендрикса. Больше ни одного укуса, пока не приму душ. Просто не могу.

Ванная комната на самом деле довольно большая, с душем над ванной, туалетом и большой раковиной. Я обхожу комнату, проводя пальцами по бритвам и лосьону после бритья на столешнице. Это похоже на то, что я в ванной обычного мужчины, только Хендрикс — не обычный мужчина. Я поворачиваюсь к зеркалу и задыхаюсь, когда вижу себя. *О, мой Бог. Он прав. Я выгляжу отвратительно.* Мое лицо покрыто шелушащейся кожей, волосы сальные и отвратительные, глаза налитые кровью, запавшие, и под ними темные круги. Я обычно довольно загорелая, со светло-русыми волосами и большими карими глазами. Мне действительно нравится моя

внешность. Но прямо сейчас, я выгляжу как линяющая змея.

Я поворачиваюсь и тянусь включить душ. От мысли об успокаивающей теплой воде мое тело покалывает в ожидании. Я не принимала душ сколько дней. Я сбрасываю свою одежду, морщась, когда провожу ею по обожженному до ран телу. Затем ступаю под душ, и как только вода касается моей кожи, я взываю. Я скриплю зубами, зная, что у меня нет выбора, кроме как оставаться и терпеть это. *Надо. Моему телу это надо.* Я закрываю глаза и крепко прижимаюсь ладонями к стенке душа. Корабль слегка приподнимается, и я ставлю ноги шире, чтобы удержаться от падения.

Требуется около пяти минут, чтобы ощущать кожу стало терпимее. Когда становится легче, я наклоняюсь и наполняю мылом полную пригоршню. Осторожно провожу им по наименее сожженным частям своего тела, а затем взбиваю пену на волосах. Я нахожу мочалку и начинаю осторожно тереть лицо, убирая всю обветренную кожу. Я ополаскиваю волосы, тело и лицо, а затем выхожу. Должна признаться, я чувствую себя свежее. Мои мысли возвращаются к Эрику. *Я должна была попросить, чтобы он тоже принял душ. Может быть, я смогу попросить за него?* Я осторожно вытираюсь, а затем надеваю джинсы и майку. Натягивание джинсов на мою больную ногу — это вызов, но я делаю это. Они слегка великоваты, но все в порядке. Они чистые и удобные.

Закончив одеваться, поднимаю расческу со стойки и пробегаю ею по волосам. Мне понадобилось пятнадцать минут, чтобы распутать свои светлые пряди, но когда я снова смотрю в зеркало, я вижу слабый намек на себя. Мое лицо выглядит красным, но гораздо менее отталкивающе. Глубоко вздохнув, я поворачиваюсь и возвращаюсь обратно. Выходя из ванной, я слышу хихиканье и нахожу взглядом дальний конец комнаты, где стоит кровать Хендрикса. Блондинка, которая накладывала мне швы, сидит на краю его кровати, водя руками вверх и вниз по его ноге. *О, черт возьми, он ведь не будет реально заниматься этим, пока я в комнате... верно?*

Я прочищаю горло.

Он поднимает взгляд, и его глаза расширяются. Ему нужно время, чтобы вернуть серьезное выражение лица. *Он потрясен тем, что я на самом деле выгляжу как женщина?*

— Почему она здесь? — хныкает блондинка.

Я морщусь нос и бормочу:

— Я его пленница. Помнишь?

— Она здесь надолго? — надувает она губы, переводя свой взгляд на Хендрикса, который все еще смотрит на меня.

— Как получится, — бормочет он.

— Я не помню, чтобы секс передо мной был частью нашей сделки, — обращаю внимание я.

— Не помню, чтобы твое мнение также было его частью, — ухмыляется он.

— Я сделаю так, что ты не захочешь присовывать ей передо мной, — огрызаюсь я. — Поверь мне на слово, я сделаю невозможным, чтобы у тебя встал, если ты просто попытаешься трахнуть ее в этой комнате, пока я нахожусь в ней.

Он приподнимает брови.

— Это еще одна угроза?

— Нет, это опять обещание.

— Не говори мне, что страх пугает тебя, *inocencia* (прим. исп. невинная)? — хрипло говорит он.

Как он только что назвал меня? Это прозвучало как-то... по-испански.

Я не отвечаю ему. Просто отворачиваюсь и возвращаюсь к своей софе, опускаюсь и подтягиваю ноги под себя. Я беру сэндвич и воду и продолжаю откусывать маленькими кусочками и пить маленькими глотками. Я слышу хихиканье позади меня, затем отчетливый звук сосания. *Он что, серьезно? Что за свинья?* Я закрываю глаза и думаю о том, как досадить ему настолько, чтобы заставить его остановиться. Я знаю, что теперь Хендрикс не собирается убивать меня, он слишком сильно проиграет, если это произойдет. Так что я решаюсь на единственное, в чем знаю, могу преуспеть.

Я пою.

И считаю.

— Так выпьем чарку, йо-хо, йо-хо, йо-хо, пиратская жизнь по мне.

Я повторяю это снова и снова во всю мощь моих легких. Девушка рычит примерно через пять минут, и я слышу, как она встает и топает ногой.

— Заставь ее заткнуться!

Я перевожу взгляд на Хендрикса, и он мне ухмыляется. *Боже, он красивый, когда выглядит так.* Я продолжаю петь, не отрывая от него взгляда. Я приподнимаю брови, как бы говоря: «Ты думал, я шучу?» Он смотрит на девушку.

— Иди, у меня есть дельце, о котором надо позаботиться.

Она фыркает и сердито смотрит на меня.

— В следующий раз запри ее.

Он строит ей скучающую мину, и она снова шумно выдыхает, прежде чем стремительно унести прочь. Я поворачиваюсь лицом к бутылке воды очень довольная собой. *Это научит его пытаться усложнять мое пребывание здесь.*

— Гордишься собой, верно, *inocencia*? — говорит он мне из-за спины.

— Вполне, спасибо.

Он фыркает, и я поднимаю глаза, чтобы увидеть, как он меня изучает, будто пытаюсь понять. *Удачи, приятель. Я сама себя порой не понимаю.* Я встречаюсь с ним взглядом и выдерживаю его. В его глазах вызов, и я не сомневаюсь, что в моих он видит равный. Может, я и скрепила сделку подчиняться ему и тому, кому бы он ни решил меня продать, но, черт меня побери, если я перестану сражаться. Ничто не отнимет тот дух, который у меня внутри. Если мне нужно будет свести его с ума, тогда помогите его жалкой заднице, я это сделаю.

— Откуда ты, *inocencia*?

Почему он упорно меня так называет? Что это значит?

— На самом деле это тебя не касается, — бросаю я ему, откусывая еще один кусочек моего сэндвича.

— Это мое дело. Ты теперь мое дело. Так ответь на вопрос.

— Я родом из Австралии.

Он широко усмехается.

— Я догадывался, что услышал австралийский акцент. Как долго ты живешь в Соединенных Штатах?

Я скрещиваю руки, а потом проглатываю пищу.

— Зачем это? Анкета для человека, которому ты меня продаешь? Попытка убедиться, что я соответствую стандартам? Не суетись, пират. Я ничего тебе не скажу. Я могу подчиниться твоим правилам, но это не значит, что ты мне нравишься, или я уважаю тебя. Намотай себе на ус.

Он напрягается всем телом и устремляется вперед, хватая меня за плечо и вздергивая вверх. Как только я встаю на ноги, он приближает свое лицо к моему, и его голос становится суровым и грубым.

— Не забывай, что я держу твоего друга в камере. Я могу пойти туда и перерезать ему горло, а потом все равно продать тебя. Я тебе ничего не должен, девочка. Не дави на меня.

— Ты заключил сделку, — шепчу я, чувствуя разгорающийся гнев.

Он отпускает меня, и я спотыкаюсь о софу. Он выпрямляется и поворачивается, делая длинные решительные шаги, пока не доходит до двери. Мужчина разворачивается и смотрит на меня. Его пальцы хватаются за дверную раму.

— Не дави на то, о чем не знаешь, inopencia. Даже самые сильные люди и самые надежные сделки... могут быть разрушены.

Затем он поворачивается и выходит из комнаты.

Что за фигня?

~ * ~ * ~ * ~

Я сижу всего несколько минут, прежде чем решить, что раз уж мне дали разрешение ходить по кораблю, я воспользуюсь этим шансом. Я выхожу из комнаты и начинаю шагать по коридору, направляясь к клеткам. Я хочу поговорить с Эриком, посмотреть, сможем ли мы найти способ сбежать вместе. Я не могу оставить его. Если я это сделаю, он умрет. Если я уйду, сделаю это с ним, или я должна хотя бы убедиться, что он справится сам.

Я опускаю голову и стараюсь добраться до камер как можно быстрее, но на полпути сталкиваюсь с блондиночкой, которая была с Хендриком в его каюте. Она протягивает руку, пока я пытаюсь проскользнуть мимо нее, и ее пальцы оборачиваются вокруг моей руки. А затем меня прижимают к стене. Я закрываю глаза и жмурюсь. *Меня не запугает эта тварь. Этого не будет.* Я делаю глубокий вдох и открываю глаза, чтобы встретить ее сердитый взгляд.

— Послушай меня, ты, маленькая шлюшка. Хендрикс — мой. Меня не волнует, что за дела между вами двумя, но в следующий раз, когда я войду в его комнату, я получу то, что мне нужно.

Фу.

— Если ты думаешь, что я позволю тебе запугивать меня, чтобы я перестала делать все, чтобы у Хендрикса хрен на узел завязался, ты в тупике. Надо мной не будут издеваться, и я уверена, черт возьми, что не буду сидеть рядышком и позволять ему трахаться с тобой, идиоткой, передо мной.

Ее глаза сверкают, и она поднимает кулак. Я вижу, как это происходит, и знаю, как его блокировать. Назовите меня опытным профессионалом, но я научилась уворачиваться от ударов. Как только ее кулак летит вперед, я выкручиваю свое тело из ее захвата и откидываю голову в сторону. Ее кулак бьет по деревянной стенке, и девушка вскрикивает от боли, когда дерево ломается, а ее рука проходит насквозь. Прежде чем я могу отреагировать дальше, высокий блондин, который в самом начале бросил меня в камеру, кажется, Дрейк, отталкивает меня назад.

— Хватит, — рывкает он.

— Боже, — кричит блондинка. — Дрейк, моя рука застряла в стене.

— Это научит тебя захлопывать свой рот, — ворчит он.

Он... защищает меня? Я извиваюсь в его руках, но он меня не отпускает.

— Я сказал достаточно, девочка. Перестань извиваться.

— Тогда отпусти меня, — огрызаюсь я.

— Нет, — просто говорит он, прежде чем потянуться, ухватиться за рубашку блондинки и потянуть за нее так сильно, что рука отскакивает из стены. Теперь на ее руке кровь и щепки.

— Иди, покажись Джесс, Сэнни, и разберись со своей рукой.

Сэнни, вот как зовут блондинку. Она оборачивается, сжимая руку и яростно глядя на меня.

— Это еще не конец.

— Все кончено.

Я слышу гулкий голос и поворачиваюсь, чтобы увидеть Хендрикса в тени коридора. *Как долго он там стоял?* Он подходит к Сэнни, хватая ее за плечо и наклоняется.

— Снова прикоснешься к кому-нибудь на моем корабле, мужчине или женщине, и я порежу тебя ломтями и выброшу за борт. Ты не больше, чем простой секс, Сиена. Вот и все. Я ничего тебе не должен, поэтому предлагаю тебе закрыть рот и держаться подальше от Индиго.

Я чувствую, как напрягается мое тело. Я впервые услышала, как он использовал мое имя.

Сиена-Сэнни отчаянно кивает, поворачивается и убегает прочь. Когда она уходит, Хендрикс поворачивается ко мне.

— Хрен на узел?

Я прикусываю нижнюю губу и отвожу взгляд.

— Где ты научилась уворачиваться от таких ударов? — добавляет он.

Я пожимаю плечами, все еще смотря в пол. Дрейк до сих пор держит меня, ничего не говоря.

— Я просто отреагировала...

— Что я сказал о лжи? — рычит он. — Ты очень скоро выучишь, что я могу расслышать ложь с расстояния в милю, так что не утруждай себя попытками. А теперь, я снова спрашиваю, где ты научилась уворачиваться от таких ударов?

Меня тошнит от его высокомерия. Он всегда такой назойливый, настолько доминирующий, настолько разочаровывающий. Я отшатываюсь из хватки Дрейка, он отступает и отпускает меня. Я скрещиваю руки на

грудь и смотрю на Хендрикса, мои глаза дикие, полные адреналина и ярости.

— Я выучилась этому, потому что мой бывший бойфренд поднимал на меня руку, так что я должна была защищаться. Однажды ночью я не смогла справиться, поэтому я выстрелила в него, а он отправился в тюрьму. Теперь он свободен и ищет меня. Я должна была научиться защищаться, иначе бы он убил меня. Это достаточный ответ на твой вопрос?

Выражение лица Хендрикса трудно читать, но его взгляд напряжен. Он сосредоточен на мне и выглядит так, будто задумался. Я качаю головой и поворачиваюсь к Дрейку.

— Как бы там ни было, спасибо.

Он фокусирует на мне голубые глаза, и я вижу вспышку чего-то еще внутри них. Он выглядит... одиноким. Вся жизнь отражается в его глазах, и из того, что я рассмотрела, это жизнь была полна плохих, болезненных вещей. Шрам на его лице только подтверждает это. Я выдерживаю его взгляд, размышляя о человеке, который находится внутри этой гигантской оболочки. Он такой большой, такой мускулистый, такой мощный, но его лицо... в нем есть определенный уровень нежности. Он отводит взгляд от меня и кивает, прежде чем повернуться и уйти.

— Не ищи дружбы с Дрейком, он не тот человек, которого ты поймешь, — говорит Хендрикс.

Я отрываю взгляд от Дрейка и поворачиваюсь к Хендриксу.

— Ты сказал, что я могу делать все, что захочу на этом корабле, пока не причиняю себе вред. Это то, что я делаю.

Я поворачиваюсь и снова иду к камерам.

— Он все еще хочет тебя? — кричит Хендрикс.

Я останавливаюсь, и все мое тело напрягается. Обернувшись через плечо, я бормочу:

— Неважно, потому что это не твое дело.

Он издает рычащий звук, пока я исчезаю в темноте.

В конце концов, какая ему разница?

~ * ГЛАВА 5 * ~

Йо-хо, тянем вместе, поднимем флаг высоко.

— Ты, что? — сипит Эрик, вытаращив глаза.

Я обхватываю пальцами прутья клетки и смотрю на него.

— Это был единственный способ сохранить тебе жизнь, Эрик.

— Ты, по сути, *продала* себя ему, — выкрикивает он.

— У меня не было выбора.

— Ты знала, что он не причинил бы тебе вреда, тебе не нужно было этого делать.

— Возможно, он не причинил бы мне вреда, — повышаю я голос, — но он бы навредил тебе.

— Инди...

— Я вытаску нас из этого бардака, мне просто нужно время. На данный момент он думает, что я ничего не сделаю, потому что хочу защитить тебя. Если я смогу вытащить тебя...

— Даже если сможешь, как мы уберемся отсюда? — шепчет он, позволяя своему взгляду пробежаться по маленькому пространству, будто в контрольной проверке: нет ли кого вокруг.

— Если мне удастся раздобыть ключ, мы сможем ускользнуть глубокой ночью, пока Хендрикс будет спать. В задней части корабля есть спасательная шлюпка. Я могла бы начать припрятывать там воду... это даст нам несколько дней...

— Как только он узнает, что тебя нет, он пойдет искать, он найдет нас там...

— Ты хочешь, чтобы я просто сдалась? — выпаливаю я. — Спустить все на тормозах и позволить продать мою жизнь?

— Нет, но нам нужен более надежный план.

— Мы посреди океана, Эрик. Нет плана надежнее, чем этот.

— Мы не можем просто прыгнуть за борт, Инди. Это не сработает.

— Хорошо, когда ты обнаружишь лучший план, — огрызаюсь я, — поделись.

Я резко разворачиваюсь и устремляюсь к двери.

— Инди! — кричит Эрик. — Не глупи.

Не глупи?

Он серьезно?

Я похерила свою свободу ради него, а он думает, что я действую глупо.

Я не оглядываюсь на него и не останавливаюсь. Я поднимаюсь по лестнице, хлопнув дверью позади меня, и тут же буквально сталкиваюсь с Джесс. Она взвизгивает и отпрыгивает назад, широко раскрыв глаза.

— Извини, я не думала, что ты там.

Я качаю головой, поднимая руки вверх.

— Все в порядке, я в порядке.

— Ты точно в порядке? — мягко спрашивает она.

Я чувствую, что мое тело слегка расслабляется, и я громко выдыхаю.

— Я в норме, спасибо.

— Я — Джесс. Мы не были официально представлены.

Она протягивает мне руку, и я устало беру ее.

— Я — Индиго.

— Красивое имя, — она улыбается.

Я улыбаюсь в ответ.

— Спасибо. Хендрикс рядом?

— В это время дня он будет в столовой.

Я снова улыбаюсь.

— Спасибо.

Она кивает, а затем пожимает плечами.

— Пожалуйста, я здесь как раз для этого.

Я так отчаянно хочу спросить ее, почему она на этом корабле, но не могу. Если она в сговоре с Хендриксом, то, вероятно, расскажет ему все, что я говорю или делаю.

— Спасибо, — говорю я еще раз, прежде чем повернуться и двинуться к палубе.

Мне нужен свежий воздух.

Мне надо подумать.

Когда я добираюсь до палубы, вижу группу пиратов возле навигационного мостика. Они все курят и разговаривают между собой. Я не встречаюсь взглядом ни с одним из них, пока прохожу мимо к борту старого, но все еще прекрасного корабля. Я выглядываю за борт и вижу, как на носу корабля вздымается скульптура русалки. Я улыбаюсь и понимаю, что это моя первая настоящая улыбка за все эти дни.

Я слышу неясную болтовню пиратов позади меня, и на секунду забыв, где нахожусь, я блаженствую. Я закрываю глаза и позволяю морскому бризу щекотать мне лицо. Я делаю глубокий вдох и наполняю свои легкие, наслаждаясь легким жжением в них, когда они расширяются.

— Лучше не приближаться к краю, — слышу я грубый голос позади меня. — Там много акул, но я уверен, что капитан уже сказал тебе об этом.

Я разворачиваюсь, чтобы увидеть трех пиратов, стоящих, уставившись на меня. Они все старше и выглядят довольно грубыми. Один из них смеется над нервным выражением моего лица, но смех совсем не добрый. Меня это пугает. Я отступаю к борту, сжимаясь.

— Ох, не бойся, девушка. Мы не будем обижать тебя.

И почему я ему не верю?

— Просто оставьте меня в покое...

Пират, стоящий посередине, делает шаг вперед, и я всем телом напрягаюсь.

— Просто предупреждаем тебя о тамошних акулах. Так, если упадешь за борт, станешь тостом.

— Я знаю, — говорю я, пытаюсь сохранить голос ровным.

— Так ты их видела? — усмехается он. — Ну, тебе не хотелось бы споткнуться...

Он делает стремительный шаг вперед, а я поспешно отступаю, поскальзываясь и хватаясь за леера (*прим. туго натянутый трос, оба конца которого закреплены на судовых конструкциях*), чтобы не упасть за борт. Все трое гогочут от смеха, а я всем телом дрожу от страха. Они пытаются травить меня, дразнить и насмехаться надо мной. Им было бы очень весело, если бы я сейчас упала за борт. Я чувствую, что мои глаза жжет, и отворачиваюсь, пытаюсь овладеть своими трясущимися ногами.

— Ой, да не парься, зачем... мы просто дурачимся.

Козлы.

— Да, — говорит один из них, — мы не хотим, чтобы ты умерла сейчас из-за нас...

— Оставь ее в покое.

Я слышу голос и поворачиваю голову, чтобы увидеть Дрейка, стоящего за группой мужчин.

— Да ладно, мальчик-дракончик, никто не делает ничего плохого.

— Оставь. Ее. В покое.

Его голос похож на лезвия бритвы, и пираты, похоже, отступают перед ним. Но самый старший из ватаги выходит вперед, вытаскивая ржавый нож.

У меня скручивает желудок. *Я окажусь в ловушке в центре драки? Я обнимаю себя, отступая подальше и смотря широко открытыми глазами. Старший пират шагает вперед, все еще направляя нож на Дрейка.*

— Что ты сказал, Дрейк? — шипит он.

— Ты слышал меня, — говорит Дрейк, — я сказал, оставь ее.

— С каких это пор ты стал ее телохранителем?

— Мое дело, Джекилл, не твое. Теперь, я попрошу еще раз. Оставь ее в покое и уходи.

Пират, Джекилл, громко хохочет и делает выпад вперед. Я с ужасом смотрю, как он приближает нож к животу Дрейка. До того как он задевает кожу, Дрейк выбрасывает руку, кулак быстро движется вверх, разбивая нос

пирата. Кровь хлещет с его лица, когда он оступается назад. Проходит всего три секунды или около того, как Дрейк бросает его на землю и надавливает ботинком ему на горло. Пират бьется под сапогом Дрейка, хватая ртом воздух.

— Мне теперь убить тебя? — угрожающе спрашивает Дрейк.

— Это была шутка, просто шутка! — кричит пират.

— Убирайся с моих глаз, пока я не заставил тебя пожалеть, что ты на свет появился.

Он отнимает ботинок, и пират поднимается, кашляет и брызжет слюной, прежде чем устремиться прочь. Оба других пирата медленно уходят. Все мое тело оседает от облегчения. *Слава Богу.* До этого момента я совсем не понимала, насколько силен Дрейк. Я смотрю вверх, чтобы встретить его взгляд, и он секунду смотрит на меня, прежде чем начать поворачиваться ко мне спиной. Я не могу позволить ему уйти без благодарности, он действительно спас меня. Снова.

— Тебе нравится спасать меня? — неуверенно говорю я.

Он останавливается и оглядывается на меня.

— Просто выполняю свою работу.

— Твоя задача — спасать пленников?

Его губы дергаются. *О, мой Бог, Дрейк улыбается?*

— Моя работа в том, чтобы ты не пострадала.

— Так он сможет продать меня целой и совершенно невредимой? Верно?

Он пожимает плечами.

— Что-то вроде.

— Значит, ты делаешь это не потому, что ты хороший человек? Ну и позор, — говорю я, нахожу старую скамейку и сажусь на нее. — Потому что ты мне, вроде как, понравился.

Его взгляд падает на меня, и он выглядит смущенным, будто поверить не может, что мог мне понравиться или даже допустить возможность, что он вообще может нравиться. Затем он делает кое-что, что меня удивляет: Дрейк подходит и садится рядом со мной. По сравнению с моим скромным телосложением он очень массивный. У меня до сих пор в голове не укладывается его невероятный размер. Мы несколько мгновений смотрим на океан, просто сидим молча, а потом я поворачиваюсь к нему.

— Почему ты такой большой? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами, и я вижу, как одновременно двигаются мышцы его рук.

— Я много играл в футбол в школе, но я всегда был большим

ребенком. Некоторое время я работал в сфере безопасности большой сети баров в Соединенных Штатах. Мне пришлось хорошо поработать над собой, потому что я должен был быть большим, чтобы вытаскивать упившихся идиотов. Я упорно качался и стал еще больше. Затем я встретил Хендрикса и присоединился к команде, став его основным телохранителем. Я всегда с ним, когда он идет на берег, и я держу на курсе этот корабль, когда он не может.

— Значит, сейчас ты не тренируешься? — говорю я потрясенная.

Он качает головой.

— Не постоянно, но я очень много поднимаю тяжестей.

— Ты вроде... пугающий.

Его губы снова дергаются.

— Это как раз то, что нужно.

— Наверное, так оно и есть.

Он поворачивается лицом ко мне и смотрит сверху вниз.

— Но ты не боишься меня.

— Нет, — говорю я, качая головой. — Я — нет.

— Почему?

Я пожимаю плечами.

— Не знаю, но думаю, что вижу то, что ты, возможно, не видишь.

— И что это?

— Доброту.

Он вздрагивает и отворачивается, но не раньше, чем я вижу в его глазах проблеск боли.

— Тебе причинили настоящую боль, не так ли?

Он неожиданно встает.

— Я не должен разговаривать с тобой, Хендриксу это не понравится.

— Хендрикс мне не хозяин, — возражаю я.

Он снова смотрит на меня, затем протягивает руку, поднимает мою кисть и переворачивает ее, чтобы увидеть тонкую красную линию, где Хендрикс порезал меня, когда мы заключили сделку.

— Но ты ошибаешься, — говорит он. — Он владеет тобой.

Затем он отпускает мою руку и уходит.

В Дрейке есть что-то очень глубокое.

И чувствую, что он может стать моим единственным другом на этом корабле.

~ * ГЛАВА 6 * ~

Работай, как капитан, играй, как пират

Первые несколько ночей в каюте Хендрикса проходят вполне сносно. Он здесь бывает не очень часто, поэтому я провожу вечера в одиночестве на софе или внизу с Эриком. Я пыталась поговорить с Хендриком, но по большей части потерпела неудачу. Я отчаянно хочу проверить, есть ли между нами некая связь. Это голубая мечта, я знаю, но попробовать-то стоит. Если я нравлюсь Хендриксу хоть немного, он может передумать. По крайней мере, я на это надеюсь. Уж лучше так, чем жить в страхе. Я сознавала, что моя жизнь в безопасности на данный момент, по крайней мере, до тех пор, пока Хендрикс меня не продаст.

Я выжму из этого обстоятельства все.

Мой ужин сегодня безвкусный, скучный и скромный, но это еда, и я не собираюсь ни от чего отказываться. Я ем как можно медленнее, пытаюсь помочь моему желудку снова принимать пищу. Последние несколько дней были посвящены экспериментам с пищей и водой. Простое картофельное пюре густое и сытное, но оно мягкое, и это помогает. Когда я заканчиваю свой ужин, принимаю еще раз душ и нахожу длинную поношенную рубашку в той кучке одежды, которую дала мне Джесс. Я вытягиваю ее и нахожу расческу, прежде чем отправиться на софу.

Когда я выхожу, Хендрикс сидит за столом и поднимает глаза, услышав скрип двери. Может, у нас и нет личной связи, но, несомненно, есть сексуальная. Трудно не вообразать нечто возбуждающее, когда воздух трещит каждый раз, когда он входит в комнату. Это нечто веское, интенсивное и такое соблазнительное. Я смотрю, как он позволяет своему взгляду спуститься вниз по моему телу, прежде чем подняться назад к лицу. Похоже, он доволен.

— Ты выглядишь более здоровой, это хорошо.

Я скрещиваю руки и подхожу к софе, сажусь и пробегаюсь гребнем по влажным волосам.

— Я не чувствую себя намного лучше.

— Твоя нога зажила?

Я смущенно ерзаю и гляжу на маленький пурпурный шрам на ноге, куда он выстрелил в меня — ну, где он оцарапал меня.

— Все в порядке, — бормочу я.

Хендрикс щелчком сбрасывает бумаги на свой стол, и я замечаю, как он прищуривает глаза, словно глубоко задумался. Он тянется вниз,

открывает ящик и вытаскивает телефон. Мои глаза расширяются, и я пытаюсь подавить вздох, который срывается с моих губ. *У Хендрикса есть телефон, а не просто корабельная линия? О Боже.* Он поднимает миниатюрный девайс и набирает номер, прежде чем поднести к своему уху. Он выжидает мгновение, не глядя на меня, возможно, даже не думая о том, что только что показал мне выход.

— Дж. Р., да, это я. Ты уже узнал, где он?

Я смотрю, как он кивает.

— Бл*дь. Да. Дай мне знать, когда сделаешь.

Он опускает телефон и рычит проклятие. Очевидно, неудачная ночь. Он поворачивается и устремляется в ванную, бормоча что-то о некомпетентных идиотах. Хендрикс хлопает дверью, а я вскакиваю на ноги. Я не думаю, я не смущаюсь, я просто бегу к телефону на столе. Открываю его, бросая взгляд в дверь ванной. Боже, у меня есть секунды, может быть, несколько минут, если повезет. Он может вернуться в любой момент.

Адреналин наполняет вены, и меня начинает потрясывать, когда я неловко нажимаю на кнопки, набирая номер матери Эрика. Я знаю его наизусть, потому что мы были очень близки в течение стольких лет. Мое сердце бьется, а голова кружится, когда я прилагаю усилия, пытаюсь перевести дыхание. *Давай. Давай.* Я подношу телефон к уху, когда мою руку заламывают и бьют по запястью, посылая телефон в полет. Я разворачиваюсь волчком, вскрикивая, когда падаю вперед лицом, приземляясь на колени и морщась от боли.

Хендрикс на мне через секунду, расплющивая меня своим телом. Он наваливается и хватается за запястье, когда я пытаюсь вытянуть руку за телефоном. Его твердое тело вдавливают меня в пол, но я все еще извиваюсь, безрассудство овладевает мной.

— Хватит, — гаркает он мне на ухо, усиливая хватку на моем запястье. Слезы обжигают мне глаза, и я изо всех сил пытаюсь их сморгнуть. *Никакой слабости! Я дала клятву, что больше не буду ее показывать.*

— Просто отпусти меня, я не хочу, чтобы ты меня продавал!

Он переворачивает меня и кладет руки по обе стороны от моей головы, пригвождая меня своим взглядом.

— Ты заключила сделку, сделала выбор.

— Ты оставил мне не так много вариантов, — кричу я, извиваясь.

— Ты не в том положении, чтобы иметь варианты.

Взгляд его темных глаз пронзительный и беспощадный.

— Просто слезь с меня, слезь с меня! — плачу я, извиваясь.

— Это единственный телефон на корабле, — рычит он. — Теперь он будет со мной постоянно.

— Ты свинья! — выкрикиваю я, когда он отодвигается от меня.

Я с трудом встаю на ноги и разворачиваюсь, ринувшись к софе. Опускаюсь на нее, погружаясь в старые, потертые подушки. Я хватаю простыню и натягиваю ее над головой, прежде чем позволить слезам сбежать из-под век. Я рыдаю тихо, не желая, чтобы он услышал мою слабость.

Он не выходит из каюты и больше не разговаривает со мной, но я знаю, что он может меня слышать. Я знаю, что он слышит мои болезненные хныканья, когда я оплакиваю себя, пока не засыпаю.

~ * ~ * ~ * ~

Темно, и я слышу его тихое дыхание. Слабый свет проникает из-под двери, его как раз хватает, чтобы видеть мужской силуэт. Я на коленях, ползу к нему так тихо, как только могу. Я знаю, что Хендрикс держит телефон при себе, и знаю, что собираюсь рискнуть. Я не могу легко отказаться от этого шанса. Я просто не могу безропотно принять свою судьбу. Я должна попробовать еще раз.

Я добираюсь до его кровати и встаю на колени, глядя на него. *Почему он выглядит так красиво при таком свете? Почему свет ласкает его тело, демонстрируя каждый потрясающий изгиб мышц?* Я тянусь вниз и аккуратно кладу руку ему на ногу, медленно тянусь выше. Он издает хрюкающий звук, и я тут же застываю. Через мгновение он снова глубоко дышит. Я веду руку вверх, пока не добираюсь до его кармана. Ничего. Я осторожно протягиваю руку, щупаю второй карман. И чувствую твердую выпуклость.

Мое сердце начинает колотиться.

Я изгибаю запястье, а затем осторожно поворачиваю его так, чтобы добраться до кармана. Я уже чувствую верхнюю часть телефона, когда его рука двигается с молниеносной скоростью и хватает мою. Он сжимает мое запястье и тянет со всей дури. Я взлетаю вверх и приземляюсь наполовину на его тело, а мои ноги свисают с кровати. Я извиваюсь, но его вторая рука поднимается и пригвозждает мои бедра, вжимая меня в него.

— Ты так просто не сдаешься, верно? — бормочет он.

Это дает мне мгновение, чтобы среагировать, потому что я полностью ошеломлена его запахом. Его кожа излучает теплый жар, а запах — смесь рома и мужчины. Я сглатываю, и мое зрение затуманивается, когда я

понимаю, как хорошо было бы замутить с ним. Я качаю головой, в ужасе от себя, от того, что допустила, хоть на мгновение, наслаждение от ощущения его рядом с собой. Я вытаскиваю запястье из его руки, и он фыркает, прижимая руку к моим бедрам.

— Ты действительно думал, что я сдамся тебе? — выпаливаю я.

— Думал, учитывая, что ты связала жизнь своего друга со своим поведением.

Я застываю.

Эрик.

Я останавливаюсь на секунду, думая о том, как это может повлиять на него. Я закрываю глаза в ужасе от своего поступка.

— Ты действительно считала, что можешь подкрасться ко мне и взять этот телефон? — говорит он, пока его пальцы поглаживают мои бедра.

— Отпусти меня.

— Ответь мне, *inocencia*.

— Нет, не считала, пират. Но я должна была попробовать. Я, возможно, и подставила свою жизнь за жизнь друга, но это не значит, что я просто опрокинусь на спину и приму все это, когда вижу шанс спастись.

— Так глупо, — бормочет он, и его пальцы начинают вычерчивать круги на моих бедрах. Я напрягаюсь.

— О... отпусти меня.

— В подходящее время.

Какого черта?

— С чего ты решил, что можешь делать все, что хочешь? — шепчу я, отталкиваясь назад в еще одной неудачной попытке выскользнуть.

— Я пират, в океане я придумываю правила и нарушаю их. Я здесь неприкосновенный.

— Это не делает тебя непобедимым, пират. Я заставлю тебя заплатить за это. Однажды я найду способ победить тебя.

Он тихо усмехается.

— Я знаю, что ты это сделаешь, *inocencia*.

— И откуда ты это знаешь? — огрызаюсь я.

Он отпускает меня, и мое тело скользит на пол.

— Потому что ты огонь, — шепчет он. — А огонь никогда не прекращает гореть.

~ * ГЛАВА 7 * ~

Кит в море!

В первую неделю «драм» больше не происходит. Я провела большую часть своего времени с Эриком, и мы, сколько могли, обсуждали побег. Хотя чем дольше я находилась здесь, тем меньше думала, что побег на самом деле был возможен, пока мы где-нибудь не пристанем. *Если* пристанем. Тем не менее, я была признательна, что Эрика кормят и не бросают. Хендрикс держал свое слово, поэтому я придерживалась своей части сделки. Я ела, заботилась о себе и больше не пыталась убежать.

А вот пребывание в комнате Хендрикса было занятым, если можно так выразиться. Большую часть своего времени он проводит за маленьким столом в углу с тем телефоном, что не для меня, выпаливая приказы людям и организуя то, что, судя по услышанным обрывкам, мне не хотелось бы знать. А вечера были совсем странные. Пытаться уснуть, когда он в постели недалеко от меня, было... неловко. Еще хуже, когда он встает утром и идет мимо меня полуобнаженный, с утренним стояком. Не буду лгать... у этого мужчины впечатляющий утренний стояк.

Ненавижу то, что подглядываю, и часть меня считает, что у меня временное помутнение рассудка, но так трудно отвернуться. У мужчины тело, не похожее ни на какое, когда-либо виденное мною. Его грудь широкая и рельефная, мышцы живота без капли жира и крепкие, а у кожи прекрасный бронзовый цвет. На его груди целый ряд татуировок, все в серых и черных тонах, ни одной цветной. Кожа на его руках полностью забита, но на спине нет ничего. Ничего, кроме великолепной оливковой кожи поверх твердых, четко очерченных мышц.

Я не буду лгать и говорить, что утром не открываю глаза и не слежу, как он проходит мимо. Его волосы со сна всегда взъерошены, а глаза всегда сонные, с такими густыми ресницами, будто выставленные напоказ, чтобы я ими любовалась. Я обнаруживаю, что по утрам сворачиваюсь в клубок, ненавидя, что мое тело наперекор моим лучшим побуждениям поворачивается к нему, что его сводит от желания к мужчине, который мне на самом деле не нравится. Это неправильно, но, Боже помоги, я не могу перестать смотреть. Я даже не знаю, хочу ли я перестать это делать.

На восьмое утро я, что непривычно, просыпаюсь раньше Хендрикса. Я сползаю со своего местечка на софе и тащусь в ванную. Я не принимала душ несколько дней, потому что проводила все время с Эриком. Когда возвращалась, чувствовала себя выдохшейся. Обычно я падала на софу и не шевелилась.

Но сегодня мне нужен душ. Я наконец-то чувствую, что прихожу в себя, и моя кожа начинает заживать, так что думаю, пришло время пойти в душ и убрать облезавший слой. Самое время.

Я захожу в ванную и закрываю за собой дверь. Сбрасываю свободное платье, которое ношу, и включаю воду. Когда вода становится достаточно теплой, становлюсь под воду. Удовлетворенный вздох срывается с моих губ, и я закрываю глаза, отклоняя голову назад и позволяя воде сбегать по голове и телу. Я вытягиваю руку, пока не нахожу бутылку шампуня, и выливаю немного на ладонь, прежде чем поднести к волосам и взбить пену. *Ох, как хорошо!*

Заканчиваю с волосами и хорошенько тру свое тело, убирая лоскутки отмершей от солнечного ожога кожи. Когда их не остается, я намыливаюсь еще раз, а потом выхожу из-под воды. Иду взять полотенце, только чтобы увидеть, что здесь их нет. Я делаю большие глаза и чертыхаюсь. *Черт, это что, шутка?* Ни одного полотенца. Я гляжу вниз, на платье на полу, только чтобы понять, что оно пропиталось водой, которую я расплескала. Мне нужно выйти и взять другое полотенце с софы. Подхожу к двери и со щелчком открываю ее. Хендрикс все еще спит, его большие руки закинута за голову, а грудь мерно поднимается и падает.

Я решаюсь. Выхожу из душа и тороплюсь к софе, но не добираюсь до нее. Я спотыкаюсь и растягиваюсь на подушке, сброшенной на пол. Приземляюсь с глухим звуком и вскриком. Через секунду вспыхивает свет, и я собираюсь бежать назад, чтобы вернуться в ванную. Прежде чем я успеваю это сделать, появляется Хендрикс. Он взбудоражен пробуждением и целится в меня из пистолета. И я делаю единственное, что приходит в голову, — поднимаю руки.

Его глаза округляются, а челюсть отвисает.

Только тогда понимаю, что руки вверх я подняла, как была.

А была я на полу, голая, и с поднятыми руками.

— Пи*дец, — шипит Хендрикс.

Я опускаю руки и пытаюсь прикрыть себя. Если сдвинусь, он увидит все, что я могу предложить. Я подтягиваю ноги, пытаюсь спрятаться. Хендрикс хватает полотенце с софы и бросает его мне, не отрывая взгляда от моего тела. *Почему это вызывает россыпь мурашек по коже?*

— Я... я... в душе не было...

— У тебя красивая кожа, — говорит он, теперь его взгляд сосредоточен на коже моих плеч.

— Я... гм...

— Как шелк, такая чертовски красивая. Я не знал, что ты такая, черт

возьми, идеальная.

О Боже.

Он смотрит на меня, по крайней мере, минуту, его глаза пылают чем-то, что я не могу расшифровать, и вдруг качает головой, будто не может поверить, что он только что сказал. А потом Хендрикс весь подбирается и, прежде чем повернуться и вынестись, громко хлопнув дверью, рычит:

— Чоппер будет наслаждаться ею.

Блин, что это было?

~*~*~*~

Соленый ветер. Мое ежедневное удовольствие. Люблю стоять на ветру и дышать им. Мне нравится, как завиваются и путаются мои волосы. Мне нравится, как он ощущается на моей коже. Этим утром ветер легкий и прохладный, и океан пахнет божественно. Я хватаюсь за боковые перила на корабле и выглядываю наружу. Я не видела Хендрикса с той самой нашей маленькой сцены; ему удалось найти способ избегать меня. Я даже сама искала его, но не смогла найти его на корабле. Хотелось бы мне знать, как он это сделал.

Я поворачиваю голову, глядя на спасательную шлюпку. Я все еще подумываю о побеге на ней. Не знаю, смогу ли и каковы мои шансы, но это не раз приходило мне на ум. Я обвожу взглядом палубу и вижу, что здесь нет никого, поэтому направляюсь к шлюпке. Я уже на полпути к ней, когда спотыкаюсь на груде веревок на палубе. Приземляюсь с грохотом и громко ругаюсь. *Проклятье.* Как только начинаю двигаться, сразу понимаю, что моя нога запуталась в одной из толстых веревок. Я извиваюсь и дергаюсь, выкручивая ногу только для того, чтобы запутать себя больше.

— Чем ты занимаешься? — слышу я голос Хендрикса из-за спины.

Конечно, он выбрал именно этот момент, чтобы прийти.

— Я застряла.

Он наклоняется, сжимает мою ногу и пытается выпутать ее.

— Как, черт возьми, ты так запуталась?

— Не знаю, — бормочу я. — Пыталась распутаться.

Он качает головой и приседает, поворачивая мою стопу, чтобы попробовать вытащить ее. Я ерзаю и тяну ногу, а он хлопает меня по бедру.

— Не двигайся.

У меня отвисает челюсть. Он застывает, словно только сейчас понял, что сделал. Наши взгляды пересекаются, и мы в смущении просто смотрим

друг на друга.

— Ты сейчас... шлепнул меня? — шепчу я, шокированная.

— Если бы ты не двигалась, мне бы не пришлось, — хрипло бормочет он, снова обращая все свое внимание к веревкам.

Я открываю рот.

— Закрой его, прежде чем я найду для него подходящее применение, — рычит он, поднимая темный взгляд, чтобы посмотреть мне прямо в глаза. Мою кожу покалывает.

— Встань, будет легче, если ты будешь стоять, — командует он. Он поднимается, потянув меня за собой, а я теряю равновесие, случайно пытаюсь приподнять не ту ногу. Хендрикс протягивает руку, берет меня за плечо и делает шаг вперед, чтобы удержать. Но тут понимает, что вокруг его лодыжки тоже обмоталась веревка, и он теперь тоже в силках. Как будто в замедленной съемке мы опрокидываемся назад. Я кричу и шлепаюсь о палубу, меня окружают канаты. Хендрикс приземляется на меня, но ему удается подставить руку, чтобы я не приняла всю тяжесть его тела. Его тело давит на меня во всех неподходящих местах.

— Твою мать, — ругается он, изо всех сил дергая рукой, и освобождает ее.

— Какого черта, ты тоже запутался? — взываю я, извиваясь.

— Прекрати, бл*дь, так извиваться, — приказывает он, и я останавливаюсь, как только до меня доходит, почему он это потребовал. *Он твердый. Боже мой, он твердый.*

— Ты... у тебя...

— У меня охрененный стояк, потому что ты извиваешься подо мной. Я мужчина. Заканчивай с этим.

Я в изумлении смотрю на него, а он бросает мне в ответ решительный взгляд, прежде чем потянуть вторую руку и высвободить ее. Затем он тянется вниз и распутывает мою руку, а я ворочаюсь, чтобы попытаться сдвинуть ноги.

— Хватит, черт возьми, ты снова нас запутываешь.

— Ну, я не могу просто лежать здесь и не двигаться, — возражаю я. — Почему бы тебе просто не встать и не дать мне самой разобраться.

— Если я оставлю это тебе, то на следующей неделе вернусь к мешку с гниющими костями.

— Это нечестно, — огрызаюсь я.

— Да прекрати ж, мать твою, вертеться, — рычит он.

Я сама не понимаю, что снова ерзаю. Я стараюсь не двигаться и позволяю ему сфокусироваться на нашем освобождении. Вот только

остановившись, я сосредотачиваюсь на том, что к моему бедру прижимается его эрекция, и это действительно не очень-то хорошо. Я закрываю глаза и стараюсь сконцентрироваться на чем-то другом, а не на том, как его тело изгибается и двигается надо мной.

— Э-э, босс?

Мы оба поворачиваем головы и видим, как на нас смотрит Дрейк.

— Дрейк, режь эти гребаные веревки, — выпаливает Хендрикс.

— Есть, босс, — говорит он, но я слышу в его голосе юмор.

— Это не смешно, Дрейк, — выпаливаю я.

Он не отвечает, просто разрезает веревки и освобождает нас. Когда Хендрикс поднимается на ноги, он наклоняется и тянет меня вверх. Я стряхиваю нитки с моей ноги и отказываюсь встретиться с ним взглядом, спеша уйти.

— Было бы неплохо сказать «спасибо», — кричит мне вслед Хендрикс.

— Спасибо, — кричу я и бегу вниз по лестнице.

Боже, может ли быть хуже?

~ * ГЛАВА 8 * ~

Приветствую, друзья мои!

От стыда я прячусь до конца дня. Мои щеки вспыхивают каждый раз, когда вспоминаю о нашем с Хендриксом маленьком инциденте. Я решаю сегодня не видаться с Эриком, мне нужно просто подумать. Когда опускается ночь, я ложусь спать пораньше, пытаюсь избежать любого столкновения с капитаном. Мне скучно, я едва ли не в отчаянии, но единственное, что могу сделать, это уснуть. Вот только сегодня вечером, сна ни в одном глазу. Я никак не могу устроиться и верчусь на софе. После долгих дебатов самой с собой я решаю сделать вылазку на кухню. Мне нужно молоко. Оно решает любые проблемы со сном.

Я поднимаюсь с софы и пробираюсь на кухню. Войдя внутрь, включаю свет и на цыпочках добираюсь до холодильника. Открыв дверцу, я шарю в нем, пока не нахожу бутылку молока. Вынимаю и наливаю молоко в стакан, а затем ставлю его в микроволновку. Включаю на 30 секунд и жду. Сегодня вечером на корабле шумно. Наверное, парни решили, что самое время для вечеринки. Микроволновка звенит, и я вытаскиваю свой

подогретый стакан, взбалтывая молоко, прежде чем поднести к губам. Теплая жидкость успокаивает мое пересохшее горло, и я вздыхаю.

Я резко оборачиваюсь, когда кухонная дверь распаивается, и, спотыкаясь, входит Хендрикс. *О, волшебнo, он поддaтый.* Сначала он не замечает меня и подходит к шкафу, открывает его и вытаскивает пакет крекеров. Я прочищаю горло, и он разворачивается, рассыпая крекеры по полу. Я фыркаю и сжимаю обеими ладонями мой стакан молока, чтобы не разлить.

— Что...? — бормочет он.

У него стеклянные глаза, так что, думаю, он не просто пропустил стаканчик. Я приподнимаю свой стакан.

— Просто молоко. Вы, ребята, шумите, и я не могла уснуть.

Он направляется ко мне, и взгляд на его лице заставляет мое сердце ускориться.

— Всегда можно присоединиться, *inocencia*.

Почему, черт возьми, он все время меня так называет?

— Нет уж, спасибо, — бормочу я, пытаюсь пройти мимо него.

Он вытягивает руку, останавливая меня.

— Ты боишься меня?

Я наклоняю голову и перехватываю его взгляд.

— Нет, вовсе нет.

— Тогда почему бы тебе не влиться в компанию?

— Потому что на самом деле ты этого не хочешь. И потому что единственная причина того, почему я здесь, это сделка с тобой насчет того, как я буду себя вести. Ты выставлешь меня на продажу, мне нет смысла пытаться подружиться с кем бы то ни было.

— Держи своих друзей близко, — он понижет голос, подходя ближе, — а врагов еще ближе. Разве тебя никто не учил этому, *inocencia*?

— Учил, — шепчу я, прикусывая нижнюю губу.

Ну зачем он подходит так близко? Я чувствую запах рома в его дыхании, когда он наклоняется, ловя мой взгляд. *Боже, он великолепен.* Сегодня он надел узкую черную футболку и выцветшие синие джинсы, тяжелые черные ботинки, на шее цепочка с крупными звеньями, а его темные волосы взъерошены и в беспорядке. Вокруг запястий у него широкие золотые и серебряные цепочки, которые добавляют нечто особенное его внешности. Возможно, они нужны для образа плохого мальчика.

— Есть много способов заснуть, — говорит он, глядя на мои губы.

Дерьмо.

Сваливай, Индиго.

— Конечно, есть, — пытаюсь я сказать, но мой голос дрожит. — Просто этот — лучший.

— Я предпочитаю теплое телом под боком, милая.

Он сейчас меня милой назвал? И почему от этого так колотится мое сердце?

— У меня имя есть, знаешь?

Легкая, но бесподобная усмешка расплывается на его лице. *Господи, он красив, когда улыбается.*

— Индиго, — мурлычет он.

— Мне нужно идти.

Я пытаюсь протиснуться мимо него, но он выбрасывает руку и хватает меня за талию. Я напрягаюсь и сглатываю, поворачиваясь к нему. Он приближается еще на шаг и смотрит на меня.

— Если бы я не был обязан, — бормочет он, — я бы не стал продавать тебя. Ты именно то, что мне нужно.

Я напрягаюсь и отпихиваю его назад.

— Ну ты и придурок. Я тебе не подстилка!

Его глаза открываются шире, и он делает шаг назад.

— И все же ты та, кто мокнет при мысли обо мне.

— Не лъсти себе, — огрызаюсь я.

— Если я положу пальцы тебе между ног прямо сейчас, *inocencia*, ты потечешь для меня.

— Ты не прав.

Он подходит ближе, заставляя меня опереться о стойку позади меня.

— Правда?

— Прекрати, — шепчу я, качая головой.

— Просто скажи это, и я отпущу тебя.

Он бросает мне вызов. Ненавижу то, что он прав. Мое тело оживает для него, но ему я это не покажу. Моя гордость не позволит. Я делаю глубокий вздох, распрямляю плечи и рычу:

— Отпусти меня.

Он делает шаг назад, его взгляд подернут дымкой и расслаблен.

— Если это то, чего ты хочешь, *inocencia*, но я не предлагаю дважды, — хрипло говорит он, а затем поворачивается и выходит из комнаты.

Черт бы его побрал.

Он не должен был заставлять меня чувствовать, будто я сделала неправильный выбор.

~ * ~ * ~ * ~

— У меня свежие простыни для тебя, — говорит Джесс, входя в мою комнату на следующий день со свертком в руках.

Мне хотелось спросить ее, почему она здесь, и, наблюдая за ее непринужденным передвижением по комнате, я наконец-то набираюсь храбрости выпалить:

— Зачем ты это делаешь?

Она как раз кладет простыни на софу, но при моих словах поворачивается и смотрит на меня, в ее зеленых глазах смущение.

— Зачем делаю, что?

— Остаешься здесь... с ними?

Она тут же оглядывает комнату, словно удостоверяется, что мы действительно одни, затем подходит и садится на софу рядом со мной. Она кладет руки на колени и смотрит на кровать Хендрикса. Просто смотрит на нее в течение долгой, долгой минуты.

— Он спас мне жизнь.

— Хендрикс? — спрашиваю я, потрясенная.

— Да, он спас меня.

Я ничего не говорю, просто смотрю на нее, желая, чтобы она продолжила в ответ на мой умоляющий взгляд. Она на мгновение закрывает глаза, а затем начинает тихо говорить.

— Я была приемным ребенком, брошенным в патронатную систему после смерти моих родителей, когда мне было всего четыре года. Я переходила из семьи в семью, но последняя из них... они были ужасны. Ну, в особенности, один из них был ужасен... мой приемный отец. Он оскорблял меня, был жестоким, а однажды ночью... изнасиловал меня. Мне было четырнадцать.

Мою грудь сковывает, и все внутри моего тела крепко сжимается в ужасе от этих слов.

— Это продолжалось около четырех лет. Когда мне было восемнадцать, я потеряла голову и убила его. Я так устала от этого, была так истощена. Я хотела быть свободной. Я не думала ни о чем, знала, что его убийство не освободит меня от боли, но у меня не было другого выбора. Он не собирался останавливаться. Однажды ночью я сунула нож под подушку. Когда он вошел, я колола его ножом так много раз, что его стало не узнать. Я убежала, окровавленная и безумная. Оказалась на причале, не знаю как, но наткнулась на Хендрикса, когда он причалил, чтобы загрузить свой корабль. Я не знала, кто он, только то, что была вне

себя, а он успокоил меня и сумел понять, что происходит, даже сквозь бред, что я несла. Он сказал, что заключит со мной сделку. Он возьмет меня, спрячет и предоставит убежище, если я пообещаю стать медиком на его корабле. У меня не было медицинского опыта, но он заплатил за кое-какое базовое обучение, а остальное я поняла на собственном опыте. Он сказал мне, что через пять лет я смогу уйти, если захочу. С тех пор я была под его защитой.

Он спас ее? Он забрал ее и спас от жизни в тюрьме.

— Ты когда-нибудь вернешься?

Она качает головой.

— Полиция тут же заберет меня, если я вернусь.

— И ты счастлива здесь?

Она опускает голову.

— Парни, вроде как, моя семья, но я знаю, что никогда не найду любви, не буду иметь детей, не выйду замуж. Это просто жизнь, которая у меня есть.

— Мне очень жаль, — мягко говорю я.

Она поворачивается ко мне, заставляя себя улыбнуться.

— Приятно иметь здесь еще одну девушку, кроме Сэнни. Она ужасна.

Я тихонько хихикаю.

— Ужасна, но я надеюсь, мы с тобой сможем быть друзьями.

Она улыбается, и ее лицо преображается. Она красивая девушка, какой кошмар, что она должна жить так.

— Знаешь, он не такой страшный человек.

— Ты имеешь в виду Хендрикса?

— Да, он не жестокосердный. Он только ведет себя так.

— Он продает меня...

Она хмурится.

— Я не понимаю, почему. Знаю только, что у него крупная сделка с другими пиратами... Я действительно ненавижу то, что он использует обмен на чью-то жизнь, особенно после того, как он спас меня.

Я сглатываю, и мое тело вздрагивает, когда меня охватывает страх. Я знаю, что настоящий смысл моей ситуации не исчез. Но услышав это от нее... узнав, что это реально... меня это пугает. *Боже, меня это так пугает.*

— Я боюсь, — шепчу я, глядя вниз.

Джесс удивляет меня, потянувшись и схватив меня за руку.

— Борись, — тихо говорит она. — Борись за свою жизнь, заставь его увидеть все это в другом свете. Он не ужасный человек. Дай ему повод не

отдавать тебя.

Дверь скрипит, и она быстро отпускает мою руку и встает. Хендрикс входит и смотрит на нее прищуренными глазами, затем переводит взгляд на меня. Я изображаю нейтральное выражение лица, а затем обращаю взгляд к журналу на кофейном столике. Джесс кладет простыни на софу и быстро уходит. Как только она выходит, Хендрикс подходит ближе, останавливаясь передо мной. Я сосредотачиваюсь на его сапогах и потертостях на их боках.

— В столовой есть жаркое, — говорит он. — Тебе не обязательно проводить здесь дни напролет.

— Моему другу можно прийти? — спрашиваю я, поднимая взгляд.

— Нет, но ты можешь взять ему еды.

Я качаю головой и вскакиваю на ноги.

— Тогда мне это не интересно.

Я прохожу мимо него и направляюсь к двери.

— Я хотел спросить на днях, но... эти шрамы у тебя на... теле. Они от него?

Я делаю усилие и разворачиваюсь.

— Мое тело — не твоя забота. Я для тебя всего лишь товар, пират. Не пытайся разглядеть что-то большее. Или ты сейчас беспокоишься о том, что мой новый владелец подумает о подпорченном товаре?

— Я хочу знать, — изрыгает он, — потому что хочу убить суку, которая приложила к тебе руки.

— Зачем? — рывкаю я, схватившись за дверь. — Ты не лучше его.

И тогда я выхожу, хлопнув дверью.

Я слышу, как он матерится, пока слова Джесс прокручиваются у меня в голове.

«Дай ему повод не отдавать тебя».

~ * ~ * ~ * ~

— Ты же не всерьез подумываешь о том, чтобы присоединиться к ним? — спрашивает Эрик, проводя пальцами по своим спутанным светлым волосам.

Хендрикс позволил ему принять душ, но он все еще ужасно выглядит. Я переступаю с ноги на ногу.

— Я должна попытаться, Эрик. Если я смогу заставить... понравиться ему...

— Ты собираешься его соблазнить? — вздыхает он. — Не так ли?

— Я этого не говорила, но мне нужно дать ему повод оставить меня или, по крайней мере, пересмотреть его выбор.

— И ты готова спать с ним, чтобы добиться этого?

Я скрещиваю руки и смотрю на него.

— Спать с ним будет небольшой ценой за мою жизнь, ты так не думаешь? И я никогда не говорила, что собираюсь, так что перестань делать необоснованные выводы.

— Это глупый план, он просто рассердится и причинит тебе боль. Что тогда? Или, что еще хуже, он навредит мне. Это то, чего ты хочешь?

— Не смей, — выплевываю я. — Я променяла свою свободу на тебя, Эрик.

— А я застрял в камере из-за тебя!

Мое тело деревенеет, а сердце начинает сердито стучать. Я чувствую, как сужаются от ярости мои глаза. Я наклоняюсь и берусь за решетку.

— Как ты смеешь, — едва не рычу я.

— Если бы ты соблюдала закон, нас здесь не было бы.

— Ты серьезно? — кричу я.

— Ты должна была позволить полиции разобраться с Кейном, и мы никогда бы не почувствовали необходимость попасть на ту яхту. Я говорил тебе оставить это полиции, но ты отказалась...

Мой рот открывается, и я чувствую, как из моих глаз текут слезы.

— Ты мой лучший друг, Эрик. Я заложила ради тебя свою жизнь, чтобы ты был в безопасности, но знаешь что? Иди ты на хер! Сейчас я все сделаю по-своему.

Я поворачиваюсь и направляюсь к двери, мои плечи напряжены, а в сердце боль.

— Индиго!

Я выставляю средний палец через плечо и поднимаюсь по лестнице.

Да пошел он.

Пошло оно все.

Я собираюсь немного оторваться.

~ * ГЛАВА 9 * ~

Грабь, разбойничай, тащи и играй!

— Вы же не испугались девчонки, а? — фыркаю я, стоя перед тройкой пиратов, которые смотрят на меня, будто я рехнулась.

— Еще не родилась та, что нас бы напугала, — говорит один из них, что постарше.

— Тогда могу я присоединиться к вам?

Все поднимают брови, а затем переглядываются.

— Разве ты не пленница? Мы, так сказать, не танцуем с заключенными, — говорит самый старый из них.

— У нас с Хендриксом сделка. Кроме того, это он пригласил меня сюда сегодня вечером.

Они поднимают брови.

— Правда, — киваю я. — Ну а теперь, кто-нибудь даст мне ром?

Они снова смотрят друг на друга, а потом один из них сует мне бутылку. Жидкость булькает в горлышке, а от ее запаха в носу жжет. *Господи, что там?*

— Уверена, что справишься, девочка?

Я насмешливо усмехаюсь и прикладываю губы к бутылке, запрокидывая голову назад и делая большой глоток. Он прожигает всю дорожку вниз, и желание кашлять душит, но я не позволяю себе показать этого. Жидкость попадает мне в живот и... *дерьмо, кажется, мне конец*. Но я вручаю бутылку обратно, подмигиваю пиратам, а затем хватаю стул и присоединяюсь к ним.

— Ну, и как вас зовут? — говорю я, скрещивая ноги.

У них делаются странноватые выражения лица, потом они пожимают плечами и отвечают.

— Джок, — произносит первый, с длинными седыми волосами, в синей бандане и с пирсингом гораздо большим, чем должен иметь мужчина его возраста. Он у него в носу, в губах, в бровях, черт, даже в веках.

— ДжиДжи, — говорит второй. Он самый молодой, у него волосы с проседью, покрытое татуировками тело и яркие зеленые глаза, которые выделяются на загорелой коже.

— Ленни, — представляется третий. Он самый красивый из всех троих, с большими карими глазами, волнистыми каштановыми волосами с проседью и бородой, которая почти касается его груди.

— А я Индиго, но вы можете называть меня Инди, или девочка, или крошка, или как вам, черт возьми, нравится.

Они скалят зубы.

Я сломала лед.

— Хочешь добавки? — говорит Ленни, суя мне бутылку рома.

Мой живот крутит от этой идеи, но я все равно принимаю предложенное и проглатываю еще одну смертельную дозу. *Ой. Е-мое.* Всего два глотка, а моя голова уже кружится. Нехило градусов в этом роме.

— Ну, и что вы вообще делали в океане на лодке без яхты? — спрашивает ДжиДжи, прикуривая сигарету.

— Я направлялась в Великобританию. Яхта загорелась, и нас отнесло от нее. А что вы, пираты, делали в этих водах?

— Мы просто пополняли запасы и должны были пройти мимо. Это опасные воды, и обычно их нужно пересекать побыстрее. Мы рисковали, подбирая вас, — говорит Джок.

— Что ж, вам повезло, что все закончилось хорошо, — подмигиваю я.

— А ты деловая, а, девочка Инди? — говорит ДжиДжи, ухмыляясь.

— Могу быть. Скажи, вы, в самом деле, пираты?

Все поднимают брови.

— Серьезно, — я замолкаю на мгновение, — в смысле, я думала, что пираты вымышленные.

ДжиДжи хихикает.

— Мы абсолютно реальные, девочка Инди.

— Ладно, так... что там у вас за история? Ваши прадеды были пиратами... это в вашей крови...

Все качают головами.

— Мы не так уж отличаемся от байкерского клуба на суше. Мы похожи на них, только, скажем, в океанском стиле.

— Океанские бунтари, — усмехаюсь я.

Джок смеется:

— В точку. Мы просто ведем свой бизнес отсюда: меньше законов.

— Хитрый ход, умник.

ДжиДжи фыркает и снова вручает мне бутылку рома. Я беру, на этот раз сделать глоток намного легче.

— И давно вы с Хендриком? — спрашиваю я, откидываясь назад и чувствуя, что меня покачивает.

— Лет десять, может быть, больше, — говорит ДжиДжи.

— Давно. Вы все старше его. Разве это не странно?

— Хендрикс собирал свою команду; взяв нас с собой, он дал нам свободу. У всех нас есть свои проблемы, собственные секреты, и благодаря ему, мы можем избегать их. Молодой он или нет, Хендрикс дал нам то, что мы не смогли найти на берегу.

Веский аргумент.

— Итак, вы, типа, говорите, пираты?

ДжиДжи приподнимает брови:

— Нет, мы — милашки.

— Не смешно. Думаю, мне нужно использовать другое слово — прохвосты.

Они хохочут.

— Вижу, ты решила присоединиться, как я и предлагал, — раздается из-за спины хриплый сексуальный голос. *Вот черт.*

Я поворачиваюсь и улыбаюсь Хендриксу.

— Да, я последовала совету и присоединилась к этой вечеринке.

Он поднимает брови.

— Что, серьезно?

— Да, блин, серьезно.

ДжиДжи так смеется, что хрюкает, и Джок подхватывает это.

Хендрикс поднимает на меня брови, и, *о, какой же он великолепный!* Стоит там, глядя на меня сверху вниз. Его темные волосы взъерошены, и я хочу запустить в них свои пальцы и потянуть, чтобы услышать, как он зарычит. Он такой, черт возьми, аппетитный; неприлично быть таким совершенным.

— Пила?

— Ар-р-р, хлопнула стопку-другую с этими прохвостами (*прим. восклицания «А-р-р-р!» у американцев ассоциируется с пиратами, которые так выражают свое счастье и просто сильные эмоции*). И они еще не превратились в головорезов и не отправили меня в сундук Дейви Джонса (*прим. вымышленный персонаж, появляющийся в серии фильмов «Пираты Карибского моря» в исполнении актера Билла Найи*).

Губы Хендрикса дергаются, и мое сердце спотыкается. Может, Джесс права. Может быть, есть шанс заставить его передумать. Джок хохочет так сильно, что роняет стул, и он с грохотом падает на пол. Я наблюдаю, как в комнату входит еще одна компания пиратов, те, что задирали меня на палубе. Они смотрят на меня, а затем на смеющихся мужчин, и выражение их лиц, похоже, смягчается. Дрейк замечает меня, и я вижу, как оживляются его глаза. Я машу ему, как чокнутый лунатик.

— Привет, Дрейк!

Хендрикс поворачивается и смотрит на Дрейка, затем поворачивается ко мне.

— Думаю, ужин будет в тему. Тебя слишком быстро развезло.

— Не-а, кэп. Я только начала, ага.

Он качает головой и вытаскивает сигарету, прикуривая ее. Хендрикс

поворачивается и подходит к большому столу в дальней части комнаты, садится за него. Спустя мгновение wpłyвает Сэнни, одетая в слишком узкие джинсы и топ, из которого выпирает ее бюст. Я наблюдаю, как она скользит на стол перед Хендриксом и говорит что-то, что заставляет его посмеиваться. *О, Бог мой, когда он улыбается, у него появляются эти убийственные ямочки.* Мое сердце начинает колотиться, а голова кружится, из-за чего возникает легкое чувство парения.

— На этом корабле есть какая-нибудь музыка? — спрашиваю я, поворачиваясь к парням.

ДжидЖи кивает, встает и подходит к большому стерео в углу. Он щелкает по нему, и через несколько мгновений раздается какая-то забавная музыка, словно из семидесятых. Я в ужасе спрашиваю:

— Семидесятые, серьезно?

ДжидЖи пожимает плечами:

— Это радио, девочка Инди. Это не мы выбираем.

— Блин!

Я встаю и иду к двери. Мне срочно нужно пописать.

— Уже уходишь? — произносит Хендрикс, как только я дохожу до него.

Я поворачиваю голову, встречаясь с ним взглядом.

— О, я вернусь, не забивай этим свою красивую голову.

Его губы снова подергиваются.

Мой панцирь трескается...

Я едва вписываюсь в дверь и иду по коридору, пока не нахожу каюту Хендрикса. Вхожу и, прежде чем дойти до ванной, кажется, бьюсь о каждую из четырех стен. Закончив, мою руки, и, откинув голову, вижу Дрейка, стоящего у двери. Он улыбается мне.

— Босс послал тебя, чтобы я не выпала за борт? — ухмыляюсь я.

Дрейк подходит и берет меня за руку.

— Ага, что-то в этом роде.

— Что ж, тогда, мальчик Дрейк, давай начнем вечеринку. Хочешь анекдот?

Он фыркает.

— Вообще-то, нет.

— Ну, я все равно расскажу. Почему пират не может смотреть фильм ужасов?

Он качает головой, ухмыляясь.

— Расскажи мне.

— Потому что у них рейтинг «Р-р-р» (прим. фильмы 18+, т. е. для

взрослой аудитории)!

Он хихикает.

— Это худший анекдот про пиратов, который я когда-либо слышал.

— Ой, ой, ой, у меня есть еще один. Почему пираты потрясающие?

Он не отвечает, просто пожимает плечами.

— Они просто «Р-р-р»!

Смеясь, мы возвращаемся в столовую. Когда мы входим, Хендрикс появляется перед нами.

— Она доставляет проблемы, приятель? — спрашивает он Дрейка.

— Если назвать проблемой шутки про пиратов, тогда да.

Хендрикс сосредотачивает свой взгляд на мне.

— Неудачные шутки, а?

— Хочешь послушать? — восклицаю я, отнимая руку от Дрейка и цепляясь ею за Хендрикса. Он напрягается, будто шокирован, но я не даю ему возможности отреагировать.

Мы присоединяемся к другим парням, и я сажусь посередине на полу. ДжиДжи вручает мне еще одну стопку, и я хлопаю в ладоши, опрокинув ее, прежде чем снова начать рассказывать анекдоты.

— Мальчики, хотите услышать лучший анекдот?

ДжиДжи кивает, посмеиваясь:

— Давай, добей нас.

— Зачем пираты используют повязки на глаза?

ДжиДжи пожимает плечами.

— Потому что не могут позволить себе iPad (*прим. игра слов, повязка на глаза — «патч», она же программка для исправления ошибок*)!

ДжиДжи фыркает, а Дрейк усмехается.

— Это самое смешное, что ты знаешь, *inocencia*? — бормочет Хендрикс.

Я щелкаю пальцами.

— Я только начала, пират.

Хендрикс закатывает глаза.

— Я заставлю тебя смеяться, пират, — обещаю я. Я покачиваюсь на полу и скрещиваю ноги.

— Какая любимая кукла у пирата?

Глаза Хендрикса светятся удовольствием, когда он пожимает плечами.

— БАПРРБИ!

Он фыркает, и на его лице появляется ленивая полуулыбка.

Работает.

Есть контакт.

~ * ~ * ~ * ~

— Боже мой! — хныкаю я, вставая и чувствуя головокружение. Я настолько пьяна, что не могу смотреть прямо, но мне не было так весело годами.

Я не должна развлекаться, знаю, но еще я должна поверить, что могу на что-то надеяться, если поближе познакомлюсь с командой. Возможно, Хендрикс изменит планы. Может быть, он отпустит меня или, черт возьми, оставит здесь. Я бы предпочла провести свою жизнь здесь, чем чей-то рабыней. У меня появятся больше шансов на спасение.

— Люблю эту песню!

Я кружусь посреди столовой, пока остальная часть экипажа ест. Я танцую и верчусь, совершенно не обращая внимания на окружающих. Я наслаждаюсь моментом. Начинаю подпевать, размахивая руками. Я поворачиваюсь слишком быстро и спотыкаюсь так, что с размаху приземляюсь на задницу. Выпаливаю проклятие и падаю спиной вперед, плюхаюсь на пол, словно пьяная в хлам. *Мы, девочки, быстро пьянеем.*

— Кажется, тебе пора ложиться спать, — говорит Хендрикс, внезапно появившись надо мной.

— Ты прекрасен, знаешь это? Ах, да, ты, «а-р-р-р», — невнятно проговариваю я, щурясь и впитывая его образ. — Ох, какой красивый.

Он качает головой и наклоняется, хватая меня за руки и тянет вверх одним быстрым движением.

— Ты пьяна, уходи, прежде чем ты сделаешь себе хуже.

— Ты спасешь меня, к... к... кэп? — посмеиваюсь я.

— Вряд ли, ты ж пьянчужка.

— Потанцуешь со мной, пират? — я хихикаю, поворачиваюсь и обнимаю его. Он застывает и отклоняется от меня, сжав мои руки и наклоняясь ближе.

— Нет, сейчас, давай-ка, иди вперед, пока можешь.

— Забавно.

Он смотрит на меня, а затем разворачивает нас обоих и выводит меня из столовой. Не могу лгать и говорить, что мне не нравится ощущение его рук, обнимающих меня, пьяна я или нет. Когда мы добираемся до его каюты, он заводит меня внутрь, ведет до самой софы и осторожно опускает меня. Я плюхаюсь на спину, хихикая.

— Как тебе мои шуточки про пиратов? — усмехаюсь я.

Он улыбается мне.

— Ты должна была стать комиком, теперь ложись спать.

— Я не хочу. Это, может, последняя веселая ночь, которая у меня когда-либо будет.

Его взгляд становится серьезным, и он смотрит на меня.

— Спи, inosencia.

Я мотаю головой и откидываюсь назад, глядя на него.

— Как ты стал пиратом?

Он наклоняет голову набок и мгновение вглядывается в меня, прежде чем вытащить фляжку и сделать глоток.

— Когда мне было пятнадцать лет, я вляпался в кое-какое дерьмо и все пошло наперекосяк. В конце концов, когда мне было около двадцати пяти, я начал сколачивать свою команду. Выйдя в океан, подальше от всего этого, я почувствовал себя свободным. Я также понял, что нелегальный бизнес вести отсюда проще, поэтому мы здесь.

— И для тебя в порядке вещей жить на корабле?

— Жизнь настолько хороша, насколько ты ее такой сделаешь.

— Как мудро, — хихикаю я.

Он качает головой, копаясь в карманах, пока не находит сигарету. Он прикуривает, сжимая ее губами и втягивая в себя воздух. *Почему он так хорошо выглядит, когда делает это?*

— Тебе нужно отдохнуть, — говорит он, когда опускает сигарету.

Он тушит ее в пепельнице, стоящей на кофейном столике, а затем поворачивается и идет к двери.

— Шрамы оставил он, — выпаливаю я.

Он останавливается и поворачивается, глядя на меня.

— Долго?

Я знаю, о чем он спрашивает: как долго он избивал меня.

— Больше двух лет.

— Его посадили?

— Да, — я икаю. — После того, как я подстрелила его. Когда вышел, он угрожал мне, поэтому я села на яхту и сбежала... и вот я здесь.

Хендрикс смотрит на меня, но я не могу прочитать выражение его глаз своим пьяненьким умом.

— Он придет за тобой?

Я пожимаю плечами.

— Я не знаю. Если и так, здесь он меня не найдет.

Он застывает, а затем снова отворачивается.

— Хендрикс? — зову я, мой голос звучит громко и пронзительно.

Он снова поворачивается.

— Я уверена, что ты настолько плохой, как ты думаешь.

Его взгляд отыскивает мое лицо, и он сжимает челюсти.

— Ты меня не знаешь.

— Ты позволишь мне узнать тебя?

Он изучает мое лицо, а затем поворачивается и подходит к двери. Только добравшись до нее, он бормочет:

— Нет, — затем выходит и закрывает ее за собой.

Ну, он может говорить мне «нет», сколько захочет.

Я не сдамся.

~ * ГЛАВА 10 * ~

Разрази меня гром!

Я моргаю, и голова начинает кружиться. Темно, ничего не видно. Мне нужно пописать, но идея встать с софы совсем не греет. Мне удастся принять сидячее положение, и я пытаюсь дотянуться до стоящего впереди журнального столика. Но вытягиваюсь слишком далеко и в неправильном направлении, так что в конечном итоге грохаюсь на пол с громким визгом. Неловко шарю руками по полу. Черт возьми, ну и темнотища. Моя голова все еще кружится, и я полностью дезориентирована. Похлопывая по полу, пытаюсь найти что-то, чтобы понять, где я.

Нащупываю пару ступней.

Ой.

Хендрикс.

Если бы я была трезвой, уверена, что не сделала бы того, что сделала, но я пьяна, так что... оно само. Я тянусь вверх, будто ищу руку пирата, но вместо этого хватаю его... за член. Я буквально хватаюсь за него и сжимаю пальцами. Хендрикс шипит, до меня доходит, что произошло, и я взвизгиваю. Шарахаюсь назад и с криком приземляюсь возле журнального столика. Хендрикс находится через секунду, поднимая меня в воздух. Потеряв опору для ног, я начинаю падать на него, цепляясь за его руки.

Я перестаю дышать.

И почти уверена, что он тоже.

Мужское тело прижато к моему, и в одно короткое мгновение я оказываюсь вынужденной прочувствовать каждый его дюйм. Его твердая обнаженная грудь теплая под моей щекой, и он божественно пахнет. Пресс

Хендрикса прижимается к моему животу, и я чувствую, как сокращаются мышцы. Руки мужчины под моими пальцами твердые и сильные, и его... ой... о, мой... у него эрекция. Голова кружится, и все тело окатывает жаром, когда я чувствую, как он надавливает на мои бедра. И когда он нажимает сильнее, мой мир переворачивается. *Дерьмо. Бл*дь.*

Я хочу его.

Я приподнимаю и поворачиваю голову, потом склоняю ее и прижимаюсь губами к его груди. Я не знаю, почему делаю это. Я знаю, что не должна. Я должна лишь притвориться, чтобы соблазнить его, а не наслаждаться им. Хендрикс напрягается всем телом. Его кожа настолько, черт возьми, горячая, что я не могу удержаться от соблазна, поэтому высовываю язык и пробую его плоть. *О! Восхитительно.* Хендрикс кладет руку мне на бедро. Я даже не замечала до сих пор, но его рука скользила, пока он не хватает меня за задницу. Пальцы впиваются в мою кожу, когда он дергает меня на себя, склоняясь ровно настолько, чтобы моя киска оседлала его эрекцию.

Я стону.

Он рычит.

А затем он начинает тереться об меня.

Все вокруг замирает. Голова идет кругом, тело покалывает, а моя киска настолько, блин, влажная, что я чувствую, как мое возбуждение пропитывает трусики. Хендрикс крепко держит мою задницу и трется своей эрекцией вверх и вниз по тонкому слою хлопка над моей киской. Все, что на мне надето, — длинная майка и трусики. Видно, мне удалось переодеться вечером. Я чуть раздвигаю ноги, и моя сердцевина начинает воспламеняться с каждым трением бедер.

— Я чувствую тебя, ты такая чертовски влажная, — шепчет он. Я едва слышу его.

Я хнычу, и он нажимает сильнее, быстрее, его бедра вращаются, а его член скользит вверх и вниз по моей щели, создавая идеальное трение. Я хочу кончить. Мне нужно кончить. Мои ногти сильно впиваются в его руки, и я чувствую, как прорывается его кожа, но это только делает его еще более диким. Он издает хриплый, шипящий звук, и я откидываю голову назад. Я почти, я так, черт возьми, близко. Не могу ни о чем думать, кроме жара, собирающегося внизу живота. Я хочу перешагнуть через эту грань...

Хендрикс вращает бедрами, а затем так сильно надавливает, заставляя свою эрекцию крепко прижаться к моему клитору, так жестко. Я кончаю позорно громко. Я кричу, меня трясет, когда моя плоть начинает конвульсивно сжиматься. Каждое содрогание проходит по моему телу и

заставляет его дергаться. *Так хорошо, Боже, так, бл*дь, хорошо.*

Хендрикс отодвигается, и я слышу шорох. Он хватает меня за руку, и неожиданно мои пальцы оказываются обернутыми вокруг твердого и очень большого члена. Он кладет свою руку поверх моей и вынуждает меня ласкать его вместе.

Пять непрерывных накачивающих движений спустя, он выпускает гортанный стон, и я чувствую, что горячие брызги попадают мне на руку и катятся вниз по моему запястью. Я хнычу, и моя киска сжимается от знания, что он был так возбужден. Я поднимаю голову, и мои колени угрожают подкоситься. Я чувствую запах алкоголя в своем дыхании, или это в его? Я не знаю. Мы оба выпили слишком много. Он отступает, ругается вслух, а потом — я больше не чувствую его. Я стою в темноте, дрожу, и я одна.

— Х... Хендрикс? — шепчу я.

Я слышу, как хлопает дверь.

И знаю, что он ушел.

Вот дерьмо.

И что все это значит?

~ * ~ * ~ * ~

Я точно знаю, что моя голова в жизни никогда так не болела. Когда я просыпаюсь утром, в висках стучит. Я собираюсь сесть, но голова кружится, заставляя меня со стоном отступить. *Иисусе, зачем, черт возьми, я так много выпила? Чья это была гениальная идея?* Я растираю виски и стараюсь ободрить себя после глупой идеи встать. Мне нужна вода... и аспирин. Уверена, они оба жизненно необходимы.

Слышен звон стакана, поставленного на кофейный столик рядом со мной, и, поворачивая голову, я вижу, как Дрейк смотрит на меня. Он приподнимает брови, когда я выпускаю стон и закрываю глаза.

— Хендрикс сказал, что тебе может понадобиться вот это.

Хендрикс.

О.

Боже.

Прошлой ночью мы... пошалили. *Черт, это звучит так по-детски.* Пошалили. Но это ведь и не было серьезным, мы просто спьяну потерялись друг о друга. Мы оба этого хотели, это было ясно. Сработала ли моя попытка соблазнения? У меня вообще есть шанс соблазнить Хендрикса и

заставить его пересмотреть свое решение продать меня? Мое сердце переполняется надеждой, но она быстро лопается. Он умчался прочь, и его не было здесь сегодня утром. Скривившись, я открываю глаза, чтобы посмотреть на Дрейка, все еще наблюдающего за мной.

— Где он?

Дрейк озадаченно смотрит на меня.

— Хендрикс?

— Да, Хендрикс.

— На палубе.

Я киваю и медленно поднимаюсь с софы. Дрейк наклоняется и сгребает стакан, приподнимает его и протягивает мне руку. Я принимаю ее с благодарностью и тянусь за аспирином, кладу его в рот и запиваю водой. Боже, живот крутит. Как же мне хреново. Я никогда больше не буду пить этот токсичный ром. Я снова роняю голову на руки. Мой Бог, она раскалывается.

— Душ и свежий воздух всегда помогают при похмелье, ну и, может быть, приличная еда.

Я приподнимаю голову и смотрю на Дрейка.

— Спасибо.

— Твой друг спрашивал о тебе сегодня утром, когда я приносил еду; он сказал, что это что-то срочное.

Я только вздыхаю. Я знаю, что Эрик хочет поговорить со мной после нашей стычки, и знаю, что не могу избегать его вечно.

— Я поем, а потом схожу к нему.

— Завтрак все еще в столовой.

Я поднимаюсь на ноги, колени подгибаются. Моя голова словно пульсирует, а глаза, кажется, вот-вот выскочат из орбит.

— Спасибо, — бормочу я.

— Это штука убийственная.

Я смотрю на него и клянусь, он выглядит так, будто хочет поржать.

— Да неужели?

И тут он ухмыляется, а его лицо полностью преображается. Меняются его глаза, и на щеке появляется милая ямочка. Странно, у большинства людей они на обеих щеках. Я не могу не ответить на его необычную улыбку, но без лишних слов, мы поворачиваемся и расходимся. Я направляюсь в душ и провожу там следующие полчаса, избавляясь от боли в моем многострадальном от похмелья теле. Закончив, надеваю джинсы и майку и направляюсь в столовую.

Кок (прим. кок (иначе — кук) — морской термин, судовой повар) как

раз прибирает со стола, когда я вхожу, но он предлагает мне пиалу с фруктами. Я беру ее, благодарю и, когда направляюсь вниз, чтобы повидаться с Эриком, выбираю кусочки сочной зеленой дыни. Вообще-то, я не спешу навстречу очередной ссоре, но знаю, что идти нужно. Прекрасно представляю, что в камере он чувствует себя не слишком хорошо, и знаю, что это, очевидно, слегка сводит его с ума. Он нуждается во мне, и независимо от того, что мы оба чувствуем, я не оставлю его в трудное время.

На середине коридора с потолка внезапно откидывается лестница, и появляется ДжиДжи. Я взвизгиваю и отпрыгиваю назад, а затем еще раз вскрикиваю от того, что моя голова снова взрывается болью от резкого движения. ДжиДжи усмехается и склоняет голову на сторону.

— Дерьмово выглядишь, девочка Инди.

Я прикладываю руку к сердцу и всматриваюсь в небольшую дыру, ведущую сквозь потолок.

— Откуда ты, черт возьми, сейчас выскочил?

ДжиДжи усмехается и складывает лестницу, снова пряча ее в потолке.

— Это пожарный выход.

Пожарный выход.

Пожарный выход.

Даже голова закружилась.

— А куда он ведет? — я пытаюсь спрашивать небрежно.

— В навигационную рубку.

На палубу. Ого. Когда мы приблизимся к какому-нибудь острову, я могла бы забрать Эрика, и вдвоем мы сбежали бы через этот люк. Мы могли бы перепрыгнуть через борт за навигационной рубкой. Вот он — наш выход? Надежда расцветает у меня в груди, и я стараюсь небрежно кивать, когда ДжиДжи закрывает щеколду, а потом скрещивает руки и поворачивается ко мне.

— Ты направляешься к своему дружку?

Я киваю, выбирая еще один кусочек дыни, хотя у меня в желудке бурлит. Я беру его и тихо вздыхаю.

— Ага, он спрашивал меня.

— Потом сходи, проветришься, это помогает.

— Что-то вы все об этом говорите, — я заставляю себя улыбнуться, пробираясь мимо него.

— Есть такой опыт.

Я посмеиваюсь и продолжаю идти к двери камеры. Открываю ее легким толчком и спускаюсь вниз. Сегодня утром Эрик выглядит свежим,

будто ему разрешили принять душ. Он сидит на матрасе, которого раньше не было, и у него чистая одежда. Хендрикс позаботился о нем. Почему? Он никогда не обещал сделать ничего, кроме как кормить его. Неужели наш «момент» действительно окупился? Эрик поднимает взгляд, когда я вхожу в поле его зрения, и, кажется, вздыхает с облегчением.

— Ты здесь. Я так волновался, — говорит он, вставая и подходя к решетке.

— Дрейк сказал, что ты хотел меня видеть, — говорю я, кладя в рот кусочек ананаса.

— Слушай, то, что я сказал прошлой ночью, это было неправильно. Я не это имел в виду, Инди. Ты же знаешь. Я рассердился, испугался и выплеснул это все на тебя. Я беспокоюсь о тебе и о том, что с тобой происходит. Я не хочу, чтобы тебя продали, и одна только мысль об этом заставила меня запаниковать.

— У меня все под контролем, я же говорила тебе, — шепчу я.

— Ты действительно думаешь, что твой план по соблазнению сработает? — он почти шипит эти слова.

Я хватаюсь рукой за решетку и наклоняюсь к нему.

— Уже работает. Сегодня утром у тебя появились дополнительные удобства, не так ли?

Вся кровь отливает от лица Эрика.

— Ты... ты... переспала с ним?!

Я наклоняюсь ближе.

— Нет, — тихо говорю я. — Не переспала, но я создаю... связь.

— Это плохая идея, Инди.

— Единственная, что у меня есть. Я нашла путь с корабля, но если по какой-то причине это не удастся, мне нужен резервный план. У него есть чувства ко мне — вот мой второй план. Я должна быть уверена, что если другого выхода нет, то он меня все равно не продаст.

— Это рискованно, — бормочет он, глядя в пол.

— Можешь предложить что-нибудь лучшее?

Он трясет головой, а потом внезапно тянется через решетку и сжимает мои запястья.

— Я забочусь о тебе, Инди, ты знаешь это. Мне не нравится идея о вас... о тебе, соблазняющей его, чтобы спастись.

— Он не так уж и плох, — мягко говорю я.

У Эрика глаза лезут на лоб

— Он понравился тебе, так?

— Я... нет...

— Ты что дурочка, Индиго?! Он монстр. Он продаст тебя как сексуальную рабыню. Как, черт возьми, ты видишь в нем что-то, кроме отвратительной свиньи?

— У него есть причина делать то, что он делает, но он не плохой человек. Я убедилась в этом.

— Тебе, наверное, его внешность глаза застит, но смотри глубже. Он не собирается смягчаться, а ты только потратишь время.

Я вытягиваю свои запястья из его рук.

— Ты — мой лучший друг, Эрик, и я люблю тебя, но не заставляй меня сожалеть о решении спасти тебя.

Он открывает рот и спотыкается назад.

— Как ты могла это сказать?

— Наверное, так же, как и ты, когда смог высказать мне все эти гадости.

— Инди...

— Я ухожу и больше не хочу ни о чем говорить. Я сказала, что выведу нас отсюда, тебе нужно поверить, что я смогу.

Я разворачиваюсь на пятках и выхожу, никто из нас не произносит ни слова. Мне нужно на свежий воздух.

Мне нужно все обдумать.

~ * ГЛАВА 11 * ~

Чтоб меня!

Как только соленый ветер ударяет меня в лицо, я вздыхаю и закрываю глаза. *О, они были правы, так хорошо.* Я иду дальше по палубе и среди соленых потоков ветра чувствую прикосновение дождя. Открываю глаза и вижу клубящиеся темные облака, накатывающиеся из-за горизонта. *Шторм?* Мое сердце начинает быстро стучать, и я чувствую, как свистящий порыв ветра щекочет лицо. До меня доносятся голоса из навигационной рубки, и я подхожу ближе.

— ...сильный, нам нужно пришвартоваться на ночь, — слышен голос Хендрикса.

— Мы в двухстах милях до ближайшего острова, кэп, — добавляет Дрейк.

— И у нас может быть только несколько часов до того, как он ударит,

— говорит Ленни.

— Нам нужно как можно ближе подойти к земле на случай опрокидывания.

Опрокидывания.

Что?

Душа уходит в пятки, и я быстро моргаю. *Конечно, нет?* В смысле, они же плавали здесь годами, мы не перевернемся... *ведь так?* Я обхватываю себя руками и растираю плечи, почувствовав внезапный холод. Слышу скрип двери и поворачиваюсь, чтобы увидеть, как расходятся парни. Хендрикс замечает меня, и его глаза на секунду делаются шире, затем он впивается в меня взглядом. Так много проходит между нами в эту длинную обжигающую паузу, перед тем как он произносит:

— Я так понимаю, ты слышала?

Я киваю.

— Тебе лучше оставаться под палубой.

— Мы можем... затонуть? — шепчу я.

— Нет, насколько я могу судить об этом. Мы направляемся к маленькому острову на северо-востоке от нас. Расстояние приличное, но с хорошим ветром мы можем это сделать. Ступай под палубу.

— Я хотела поговорить...

— Вниз, Индиго. Прямо сейчас.

Я чувствую, как округляются мои глаза. Он серьезен. Его взгляд предупреждает меня не спорить, и мало того, он говорит, что мне же лучше не ворошить прошедшую ночь. Я киваю и отворачиваюсь, направляясь к двери. Ветер издаёт воющий звук, и мою кожу покалывает. Надеюсь, Хендрикс прав, надеюсь, мы сможем добраться до земли, пока не ударит шторм. Идея застрять в шторм на корабле, который может еще и опрокинуться, это совсем не то, что хочется испытать в жизни.

Я спускаюсь под палубу и какое-то мгновение думаю о том, чтобы предупредить о шторме Эрика, но решаю этого не делать. Дело не в том, что меня это не волнует. Просто сейчас я смущена и даже немного обижена, и мне легче оставить его в покое. Ему нужно пространство, и, честно говоря, я боюсь того, что происходящее испортит нашу дружбу. Он злится на меня, а я ставлю на кон свою жизнь, чтобы спасти его. Вот только хоть я и злилась и даже ненавидела его, но никак не могла допустить, чтобы его жизнь была кончена из-за меня.

Рядом с комнатой Хендрикса я натыкаюсь на Джесс, и она тепло мне улыбается. Она выглядит такой спокойной, неужели она не знает о шторме? Должно быть, я выгляжу хуже, чем думала, потому что она прищуривается

и кладет простыни, которые держала, на пол, подходит и берет меня за плечи.

— Ты в порядке?

Я слабо качаю головой.

— Я...

Мой голос срывается, и я понимаю, как много держала в себе. *Блин, Джесс, зачем ты вытащила это из меня.* Это все ее большие зеленые глаза и нежные черты лица. Она просто такой человек, из-за которого тебе хочется свернуться в клубок и плакать, просто, чтобы она обняла тебя. Она будто вызывает привыкание. Я позволяю своему телу немного расслабиться в ее объятиях, а она мягко потирает мне плечи, даря чувство успокоения.

— Что такое? Давай, пойдем в мою каюту и поговорим, у меня есть немного свободного времени.

Я киваю, и она ведет меня по коридору. Войдя, я осматриваюсь. У нее маленькая каюта, как и у большинства парней, но чище и уютнее. В углу стоит узкая полуторная кровать, а у небольшого круглого окна старый деревянный стол. Я направляюсь к кровати и присаживаюсь. Кровать застелена выцветшим розовым стеганым покрывалом, и у меня появляется внезапное желание завернуться в него.

— Это из-за Хендрикса? — спрашивает она, устраиваясь рядом со мной.

— Прошлой ночью... я напилась и... Боже...

— Что случилось? — спрашивает она, поворачиваясь ко мне и сядясь по-турецки. Я делаю то же самое, пока мы не оказываемся лицом друг к другу.

— Ну, я приняла твой совет и решила присоединиться к команде и познакомиться со всеми. Я немного перебрала, и Хендрикс отвел меня в свою комнату. Мы не спали вместе, но...

— Но... — настаивает она, округляя глаза.

— Мы... вели себя, как подростки.

— Как?

Мои щеки начинают гореть, и я перевожу взгляд себе на руки.

— Я... о Боже, я не могу выговорить это.

— Вряд ли есть что-то на этом корабле, о чем я не слышала или не попробовала, Инди.

— Это были все руки...

Ее глаза расширяются.

— Ты ласкала его... руками?

— Что-то вроде. И мы терлись друг о друга. Это был так эротично, а

потом он повернулся и сбежал.

— Ты его пленница, — мягко говорит Джесс. — Он запаниковал. Не сдавайся, тот факт, что он позволил тебе приблизиться к нему...

— Не похоже, чтобы это было так сложно, — перебиваю я.

Джесс качает головой.

— Так и есть, Инди. Единственная причина, по которой он трахает Сэнни, потому что ему нужно с кем-то это делать. Но между ними нет связи, и я абсолютно уверена, ему нет до нее никакого дела. Она легкодоступная, вот и все.

— По-твоему, он думает, что я тоже доступная?

Она качает головой.

— Нет, он смотрит на тебя иначе.

— Как иначе?

Она пожимает плечами, убирая длинную широкую прядь волос за ухо.

— Просто по-другому. Он наблюдает за тобой, и его глаза будто затуманиваются. Он заинтересован, в нем есть искорка. Не сдавайся.

Я цепляюсь за ее слова, и они дарят мне слабую надежду.

— Я виделась с ним, но он отказался говорить об этом. Хотя надвигается шторм, так что я думаю, у него все мысли о другом.

— Надеюсь на это.

Я морщю лоб.

— В смысле?

— Если будет шторм, мы пришвартуемся у одного из замечательных островков. У нас будет несколько дней, чтобы поплавать и отдохнуть до того, как должны будем вернуться на корабль. Жду не дождусь этих деньков.

— Звучит неплохо, но я боюсь...

Она берет меня за руку.

— Не беспокойся, Хендрикс всегда вытаскивает нас еще до шторма.

— Он сказал, что плыть к острову — хорошее решение.

Она улыбается.

— Все нормально, поверь.

Я слышу вопль ветра за бортом, убираю руки от Джесс и обнимаю себя. Надеюсь, она права, я не большой поклонник грома. Это, вроде как, моя слабость.

— Я должна вернуться к работе. Пройдись по моим рундукам и найди себе куртку, чтобы не замерзнуть. Ветер будет леденящим.

— Спасибо, Джесс.

Она улыбается.

— Ты всегда можешь обращаться ко мне.

Когда она уходит, я подбираюсь к иллюминатору и наблюдаю, как надвигаются тучи.

Надеюсь, она права на счет шторма.

И Хендрикс тоже.

~ * ~ * ~ * ~

Ветер завывает, и корабль бросает из стороны в сторону. Я обхватываю себя руками, и мое сердце дико колотится. Я боюсь. Последние два часа я наблюдала, как буря все приближалась и приближалась, как волны поднимались и обрушивались на борт корабля. Я видела, как молния била по воде, и звук был таким громким, что у меня в ушах пульсировало от боли. Эрик уже не в трюме, мы все находимся в столовой, ожидая, когда корабль достаточно приблизится к острову.

Джесс теснится рядом со мной, она крепко держит меня за руку. Эрик обнимает меня обеими руками так сильно, что я едва могу дышать. Не знаю, это потому, что прошло больше недели с тех пор, как мы дотрагивались друг до друга, или потому, что он боится. Даже другие пираты выглядят серьезно озабоченными. Некоторые из них расхаживают, пьют, некоторые подчеркнуто непринужденно болтают между собой. Мы все ждем вестей от Хендрикса, который уже минут двадцать как в навигационной рубке с Дрейком, пытается подвести нас поближе к острову.

— Как думаешь, с ним все в порядке? — шепчу я Джесс.

— Он в порядке. Он обычно не возвращается, по крайней мере, пока не решит вопрос.

— Надеюсь, ничего не случилось...

Я обрываю фразу, потому что ДжиДжи кричит:

— Вот он!

Мы поворачиваемся и смотрим, как Хендрикс входит в дверь столовой. Он весь промок и дрожит, вероятно, от смеси адреналина и холода. Он подходит ближе и быстро осматривает помещение. Его взгляд падает на меня, и на какое-то время мы смотрим только друг на друга, прежде чем он обращает внимание на остальных и объявляет о наших планах.

— Мы достаточно близко, чтобы сойти с корабля, но это будет непросто. Так, ребята собираемся, спускаемся с левой стороны. Все, возьмите что-нибудь с собой: одеяло, мешок, палатку — не важно, просто возьмите что-нибудь. Якорь бросаем достаточно близко к берегу, но все равно придется пробираться по воде. Если повезет, у нас есть десять, может

быть, пятнадцать минут до того, как шторм ударит по острову. Сейчас мне удалось подобраться к южному берегу острова. ДжиДжи, ты забираешь пленника.

Я чувствую, как Эрик весь напрягается рядом со мной:

— Я заберу с собой Инди, она меня знает.

Хендрикс разворачивается к нему, на его лице написана чистая ярость.

— Ты не в том состоянии, чтобы спорить со мной, мальчик. Девчонка идет со мной.

Девчонка.

Девчонка.

Это обжигает. С чего бы?

— Я пойду с кем-нибудь другим, не с тобой, — говорю я, а голос дрожит.

Хендрикс стремительно подходит ближе, наклоняясь и ловя мой взгляд.

— Мы танцевали этот танец раньше, *inocencia*, — негромко произносит он. — Пришло время для новых па. У нас нет на это времени. Ты идешь со мной, потому что со мной тебе будет безопаснее всего. Твой герой-недоросток утопит тебя там в доли секунды.

Он поднимает голову, оставляя меня в смятении.

— Шевелитесь!

Пираты бросаются врассыпную. Дрейк забирает с собой Джесс, а ДжиДжи Эрика, и они все дружно расходятся. Хендрикс берет меня за руку и вытаскивает из столовой. Он тащит меня по коридору, и я сосредотачиваюсь на том, чтобы вовремя переставлять ноги. Он останавливается только в своей каюте, выхватывает из-под кровати свернутый спальный мешок и забрасывает его на плечо. Освещение моргает, и меня начинает бить дрожь.

— Я боюсь, — внезапно вырывается у меня.

Хендрикс останавливается и поворачивается ко мне. Неожиданно для меня он склоняется и обхватывает ладонями мое лицо.

— С тобой все будет в порядке, ясно? Просто делай, что я говорю. С тобой ничего не случится.

Я киваю, кусая свою нижнюю губу. Он поворачивается и тянет меня на палубу. Как только мы выходим, то попадаем под дождь и промокаем до нитки. Меня снова трясет, и я стараюсь уклоняться от людей, когда Хендрикс тащит меня вперед к спуску. Я слышу, как шумят ветви деревьев, когда по ним стегает ветер, и понимаю, что остров справа от нас. Хендрикс вытаскивает фонарик и включает его. Он, очевидно, водонепроницаем,

потому что светит ровно.

Мы идем к борту корабля, но я ничего не вижу. Только слушаю. Я слышу, как волны набрасываются на борт корабля, и он яростно раскачивается. Пираты спускаются по штормтрапу (*прим. веревочный трап, которым пользуются во время сильного волнения*) и бредут по воде, и я почти уверена, что мельком вижу Эрика. Хендрикс обнимает меня и, прежде чем я понимаю, что происходит, перебрасывает нас за борт. Я стараюсь изо всех сил двигаться в ногу с ним и следовать его указаниям, но это почти невозможно.

Ветер слишком сильный.

Волны просто смертельны.

Мы попали в воду по отдельности, но Хендрикс каким-то образом сумел обнять меня. В этот раз я сама хватаюсь за него. Я больше не забочусь о том, чтобы быть сильной. Я цепляюсь за него руками и ногами. Вода ледяная до такой степени, что обжигает кожу, как будто кто-то колет меня булавками. От соли жжет глаза, когда волны падают нам на головы. Мы выныриваем на поверхность, и я с трудом откашливаюсь. Я уверена, что скоро выплуну легкое.

— Хорошая девочка, — кричит он сквозь ветер. — Держись за меня.

Я так и делаю.

Держусь изо всех сил. Он пробирается по воде, загребая рукой по волнам. Все, о чем я могу думать, это то, что в любую секунду молния может ударить в воду и убить нас всех. Я считаю про себя минуты, мою грудь сковывает страх, вот только я не знаю, произойдет ли это и когда. Мои слезы смешиваются с солью, а легкие горят от количества воды, которую я вдохнула. Мне так холодно, что я трясусь, и ветер такой громкий, что оглушает.

— Почти на месте, хорошая моя, — успокаивающе произносит Хендрикс мне на ухо.

Он успокаивает меня.

О Боже. Он успокаивает меня.

Когда я чувствую песок под нами, я опускаю ноги и тут же наступаю на что-то острое. Я взываю, отдергивая ногу. Жгучая боль поднимается вверх, и нога начинает пульсировать.

— Черт, ты порезалась?

— Да, — плачу я.

— Просто обними меня ногами, не становись на них, Индиго.

Я обхватываю ногами его талию, а он продолжает сражаться с ветром и дождем, пока мы, наконец, не оказываемся на песке. Он не

останавливается. Он бежит к деревьям с фонариком в одной руке, а другой рукой удерживая меня. Каким-то образом у него за плечом все еще висит спальный мешок, хотя он, безусловно, промок. Он шагает мимо деревьев, и я слышу голоса впереди.

— Там есть для нас укрытие, босс, пещера, — окликает его кто-то.

— Спасибо, бл*дь! — кричит он в ответ. — Здесь все? Кричите свои имена!

Один за другим они все отзываются. Когда я слышу голос Эрика, мое тело разом ослабевает. Я слышу хруст сапог и вижу впереди слабый свет. Время от времени замечаю проблеск лиц, когда на них падает луч фонарика Хендрикс. Еще несколько человек бегут к пещере.

— Мне нужна рубашка, чтобы перевязать ее ногу. Она порезалась, — говорит Хендрикс.

— Вот.

Через мгновение рубашка летит к нам из темноты. Хендрикс ловит ее, а затем направляет фонарик в сторону тусклого света, виднеющегося вдалеке. Он бежит к нему как раз тогда, когда первый удар молнии попадает в дерево позади нас. Я кричу, а он только бежит быстрее, пока практически не впихивает нас в маленькую пещеру. Как только струи дождя прекращают бить по моей коже, дрожь становится сильнее. Хендрикс опускается со мной у стены пещеры, пока мы оба не оказываемся на земле. Я слышу шуршание и разговоры вокруг нас, но не могу сосредоточиться на этом, так сильно я дрожу.

— Твою мать, ты совсем посинела, — бормочет Хендрикс, подтягивая меня к себе под бок.

— У нас есть одеяла, кэп.

— У меня тоже, — отвечает он.

— Оно... п-промокло, — хриплю я.

— Водонепроницаемый чехол, — говорит он, опуская фонарик и сбрасывая спальный мешок с плеча, а затем тянется за рубашкой.

Я слышу звук разрывающейся ткани, потом он светит фонариком мне на ногу. Я вижу кровь, как только луч вспыхивает на моей коже, и быстро отвожу глаза.

— Глубоко, — говорит он, поворачивая мою ногу из стороны в сторону.

Я ничего не говорю, просто сижу, дрожа, пока он бинтует порванной рубашкой мою ногу. Закончив, он светит вокруг по своей команде.

— У всех есть что-то теплое?

Все бормочут «да».

— Давайте спать, это надолго.

Он подхватывает меня и все наши вещи и направляется прямо в дальний левый угол, где тише. Ветер завывает снаружи, и дождь так сильно стучит, что я слышу капли даже через камни. Гром раскатывается по небу, и я слышу невнятные голоса членов экипажа, которые пытаются его переговорить.

— Снимай рубашку, — внезапно произносит Хендрикс.

— Что? — мой голос хрипит.

— Тебе нужно снять одежду, поверь мне. Здесь ее не высушить, а сама замерзнешь.

— Но...

— Просто делай, как тебе, черт возьми, сказано, — резко говорит он.

Я быстро хватаю подол рубашки и тяну ее через голову, затем отбрасываю промокшие джинсы. Хендрикс тоже срывает с себя рубашку и стаскивает джинсы, прежде чем открыть чехол и вытащить спальный мешок. Он раскатывает его, расстегивает молнию и приоткрывает для меня.

— Я... ты... хочешь, чтобы я туда залезла... с тобой вместе?

— Вопрос выживания. Поверь мне, я тоже от этого не восторге, но это сработает.

Мои зубы клацают, пока я колеблюсь.

— Не играй со мной, Инди, просто залазь.

— Давай, Инди, — я слышу, как говорит Джесс откуда-то из темноты.

— Пожалуйста.

— Инди, — умоляет Эрик. — Не надо.

— Твою ж мать, — ворчит Хендрикс, хватая меня за руку и таща к себе.

Я легко поддаюсь. Трудно сопротивляться, когда тебе настолько холодно. Он притягивает меня к себе, а затем накрывает нас одеялом. Какое-то время я остаюсь напряженной, не чувствуя ничего, кроме его прохладного тела рядом с моим. Но вскоре начинаю согреваться, и дрожь проходит. Меня одолевает усталость, и я опускаю голову ему на плечо, чувствуя запах морской воды на его коже.

— Не такая глупая идея, не так ли? — бормочет он.

— Да, — шепчу я.

Его пальцы скользят по моей спине, и он начинает поглаживать там меня.

— Нога болит?

Я на мгновение сосредотачиваюсь на боли в ноге, но все не так уж плохо.

— Не очень.

— Попробуй поспать. Этот шторм сегодня не прекратится, и у нас обычно еще будет день напряженной работы, чтобы привести в порядок корабль.

Я киваю ему в плечо и закрываю глаза. В полудреме я начинаю скользить пальцами по твердым теплым мышцам его живота. Я не думаю, что делаю, это всего лишь бессознательное движение. Мои веки отяжелели, но пальцы все продолжают двигаться, скользить вверх, вниз и по кругу. Только когда Хендрикс издаёт хриплый звук, на который я моргаю несколько раз, понимаю, что мои пальцы живут своей жизнью. Я мгновенно останавливаюсь, и мои щеки начинают гореть. *Дерьмо.*

— Не останавливайся, — шепчет он так тихо, что я едва слышу его.

Я снова начинаю нежно поглаживать, кружок, еще кружок, пока не чувствую, что он задыхается рядом со мной, его плоть плотная и твердая. Он наслаждается этим, а когда я немного сдвигаюсь и ощущаю пульсацию уже у себя между ног, то понимаю, что я тоже. Заворочавшись, я чувствую его раскрытую ладонь на моем животе. *О Боже. Мы занимаемся этим? В проливной дождь, в пещере, полной пиратов?* Я прикусываю губу, зная, что должна остановить его, но не могу.

Его пальцы скользят вниз, нащупывая мои трусики. Я задерживаю дыхание и продолжаю гладить его жесткий живот. Когда он пробирается пальцами под ткань, мое тело напрягается, и я сильнее закусываю губы, чтобы не вскрикнуть. Он тянется мне между ног, раздвигая складочки пальцами, ища клитор. *О. Боже.* Его большой палец рисует настойчивые круги вокруг ноющего комочка, а указательным пальцем опускается ниже, и я понимаю, что мой вход уже влажный для него. *О, дерьмо, я должна прекратить это. Я должна, но...*

О Боже.

Он скользит пальцем внутрь меня.

Я напрягаюсь сильнее, второй рукой он сгребает мою голову, поворачивая лицом так, чтобы оно прижалось к его груди. Он держит меня так, убедившись, что я не закричу и не позволю всей пещере узнать, как глубоко он проник в меня. Хендрикс вытаскивает палец и погружает его обратно. Мои спина выгибается, а ноги начинают подрагивать. Мне приходится собрать в кулак всю силу воли, чтобы не вскрикнуть. Я так сильно кусаю губу, что чувствую кровь, но мне все равно. *Боже, мне все равно.*

Его большой палец делает большие круги, и я, как безрассудный, сексуально перевозбужденный подросток, ныряю рукой в его боксеры,

чтобы добраться до его эрегированного члена. Теперь напрягается его тело, и он глубоко вдыхает, но ни одного звука не выходит из его горла. Он начинает сильнее трахать меня пальцами, кружа по клитору все быстрее и быстрее. Я подхватываю этот темп. Моя рука на его члене двигается вверх-вниз исступленно, отчаянно, желая гораздо большего. Я на краю, готова сорваться с него. Все мое тело наполняется теплом, и я не могу больше сдерживаться ни единой секунды.

Я поворачиваю голову, открываю рот и впираюсь зубами в его грудь. Я кончаю так сильно, что мое тело дергается, а зубы пускают ему кровь. Я чувствую, как он напрягается и издает шипящий звук, а потом он тоже кончает, горячие всплески спермы заполняют мою ладонь. Его тело каменеет, меня бьют судороги, но мы оба не издали ни звука. Я освобождаю его грудь и медленно, рвано выдыхаю, когда вынимаю руку из его боксеров. Я нахожу свободный уголок одеяла и вытираю свою руку.

Он вытаскивает руки из моих трусиков, и я слышу, как он слизывает мою влагу. Я хочу застонать и перекатиться к нему, оседлать и трахать его, черт возьми, до потери сознания, но знаю, что не могу. Просто не могу. Я должна поступить правильно. Я должна знать, что он хочет именно *меня*. Мы оба лежим молча, и я снова ложусь ему на грудь, прислушиваясь к стуку его сердца, постепенно замедляющего биение, и я знаю... Я просто знаю...

То, что начиналось, как способ сбежать, стало для меня чем-то большим.

Чем-то еще.

Как, черт возьми, я должна продолжать игру, если больше не забочусь о выигрыше?

~ * ГЛАВА 12 * ~

Поднять флаг!

Уже утром я просыпаюсь и чувствую, как ко мне прижимается горячее тело. Мою кожу начинает покалывать от осознания присутствия Хендрикса. В животе что-то переворачивается. Я позволяю своим мыслям вернуться к тому, что произошло прошлой ночью, и мои щеки вспыхивают. Мы тискались в спальном мешке, как подростки. Ощущение, что мы делали то запретное, что делать не должны были. Возможно, так оно и есть.

Вот почему это ощущается именно так: неправильно и одновременно так верно; калейдоскоп эмоций, смешивающихся самым причудливым образом.

Я осторожно отодвигаюсь, и рука Хендрикса соскальзывает с моего живота. Он обнимал меня. А я его. Я — мелкая сошка, мы оба это знаем. Так почему он защищает меня? Просто потому, что хочет ту сделку и не желает, чтобы она пошла насмарку, если со мной что-то случится, или потому, что беспокоится больше, чем сам это допускает? Неужели мое обольщение работает? Или это та связь, которая должна была образоваться, и не важно, при каких обстоятельствах? Я почувствовала искру в то же мгновение, когда посмотрела на него. А он это почувствовал?

Я осторожно выбираюсь из спального мешка и встаю на колени, осматриваясь. Я нашла рубашку, что была на мне прошлой ночью, и натягиваю ее и джинсы. Все спят, и я позволяю себе бросить взгляд на спящего Эрика. Он прислонился к скале, выглядящей ужасно неудобной. Я наклоняю голову и прислушиваюсь к дождю. Снаружи моросит, но желание выйти и подышать свежим воздухом намного сильнее, чем мои опасения промокнуть. Я встаю и очень аккуратно, на цыпочках, выхожу из пещеры. В то мгновение, когда я выпрямляюсь, у меня перехватывает дыхание.

Потрясающе.

Других слов для описания нет. Даже несмотря на мелкий дождь и клубящиеся серые облака в небе, вид абсолютно великолепный. Вокруг частая поросль деревьев, покрытых мелким пушистым слоем мха. Деревья разные: высокие и тонкие, короткие и ветвистые. Воздух наполняет щебет птиц и жужжание пчел. Я чувствую смесь запахов хвои, соли и чистого свежего воздуха. Я вздрагиваю и обхватываю себя руками, делая шаг вперед. Хочу увидеть больше.

Я иду мимо деревьев и смотрю на корабль, увязший в песке. Он выглядит брошенным и забытым. Глядя на него, я понимаю, насколько он прекрасен. Я думала, что судно старое и потрепанное. Это не так. Корабль — настоящее произведение искусства. Такой массивный, а темное дерево, из которого он построен, придает ему нечто особенное, некий прекрасный аккорд, так же как и белые флаги, и изысканные детали из дерева, а русалка на носу венчает все это. Божественно. Я потираю руки и оглядываю пляж. Трудно рассмотреть что-либо из-за внушительного слоя тумана, покрывающего воду, но я уже знаю, что вода будет голубой и кристально чистой.

Какое-то время я вожу пальцами по сырому песку, затем

поворачиваюсь и возвращаюсь под деревья. Когда направляюсь на звук текущей воды, боль в ноге возвращается, но это меня не останавливает. Любопытство сейчас перевешивает боль. Ориентируясь на журчание, я прохожу мимо деревьев. Отмахиваюсь от комаров и каких-то мошек и пробираюсь все дальше. Я приближаюсь к воде, и когда, наконец, вижу кристально чистое озеро, увенчанное водопадом, забываю, как дышать.

О.

Боже.

Я не понимала до этого, насколько тесно мне было на корабле. Внезапное желание сорвать с себя одежду достаточно сильное, чтобы я невольно начала оглядываться на деревья, чтобы убедиться, что вокруг никого нет, а потом схватить полу рубашки и потянуть ее вверх. Я снимаю ее и роняю на землю, отбрасываю джинсы. Я колеблюсь насчет лифчика и трусиков и решаю оставить их. Не стоит рисковать, если кто-то решит спуститься сюда. Я нахожу местечко, где можно зайти, и медленно погружаюсь в прохладную живительную воду.

О, небо.

Я окунаюсь, позволяя прохладной воде успокоить слегка пульсирующую в голове боль. Я бреду к водопаду и когда подхожу ближе, мне на лицо брызжут капельки воды и тумана. Я перелезаю через несколько валунов, несколько раз оскальзываясь, пока, наконец, не становлюсь под поток. Струи, бьющие по моему телу, словно массаж для всего тела. Я стону и закрываю глаза, откидывая голову назад и позволяя воде омыwać меня. Это почти эротично, не хватает только прижавшегося тела, чтобы сделать это чувство абсолютно реальным.

Я думаю о Хендриксе и о том, как прошлой ночью он трахал меня пальцами. Дерьмо, если он так хорошо делал это пальцами, то не могу дожидаться, чтобы узнать, что он делает своим членом. Я содрогаюсь от этой мысли и понимаю, что пальцами поглаживаю свои соски. Они твердые, и по всему телу распространяется покалывание, когда я сжимаю их. Короткий стон выскальзывает из моих губ, а между бедер нарастает боль. Боже, я так давно не занималась сексом. По крайней мере, год. Мое тело отчаянно нуждается в этом.

— Тебе лучше убраться от этих симпатичных сосков, прежде чем я сделаю то, о чем пожалею.

Хриплый голос заставляет меня с визгом отпрыгнуть назад. Я скольжу по камню и чувствую, как падаю, но вокруг меня оборачивается пара крепких рук и тянет обратно. Я знаю, что это Хендрикс, но чего я не знаю, так это: как, черт возьми, ему удалось подкрасться. Я открываю глаза и

смотрю на него. Он мокрый, волосы темной массой прилипли к его лицу. *Черт бы его побрал!* Он высовывает язык и слизывает с губ капельку воды, и меня внезапно озаряет: я касалась его, а он даже не пытался меня поцеловать.

Ни разу.

— Я знаю, что ты делаешь, — бормочет он, прижимая руку к моей пояснице и притягивая меня к себе.

— Что? — шепчу я.

— Ты пытаешься соблазнить меня.

Я замираю. Дерьмо. *Он знает?* Я пристально всматриваюсь в его лицо:

— Не льсти себе, может, я правда хочу этого.

Он усмехается и зарывается рукой в мои волосы.

— Я обычно не падок на это дерьмо, но, черт возьми, знаешь, ты меня зацепила.

О. Да.

— Я тебя ни на что не подталкиваю, — бормочу я, уставившись на его губы.

— Ты здесь, полуобнаженная, играешь со своими сосками и выглядишь до боли ох*ительно. И будешь говорить, что ты не заигрываешь со мной?

— Вот именно, — говорю я, встречая его взгляд. — Я не знала, что ты здесь, и я... ласкала себя только потому, что было приятно чувствовать на теле воду.

— Ты возбуждена, маленькая *inocencia*? — мурлычет он.

Я на минуту задумываюсь об ответе. Он либо продвинет нас дальше или, наоборот, все остановит. Хендрикс только что признался, что я подобралась к нему, а значит, есть нечто, что может стать моим шансом на свободу. Я не собираюсь профукать его, скрываясь от желаний своего тела. Я наклоняюсь к нему ближе и шепчу:

— Я не трахалась больше года, так что да, пират, я возбуждена.

Он шипит и тянет меня за волосы.

— Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя, *inocencia*?

— А ты хочешь трахнуть меня, пират?

— Ты, черт возьми, прекрасно знаешь об этом. Но есть несколько условий...

Я хмурюсь.

— И что за они? — говорю я, наклонившись так, чтобы наши губы почти соприкасались.

Кажется, что воздух между нами накаляется, и все мое тело оживает. Хендрикс тянет меня за волосы и отодвигает мои губы от своего рта.

— Во-первых, никаких поцелуев.

Я смущенно встряхиваю головой.

— Что?

— Я не целуюсь. Это личное, я не делаю этого, если только я с кем-нибудь не ради обычной похоти.

Ой.

— Ну и отлично, — удается выдавить мне.

— Второе, мы трахнемся сегодня и только сегодня. Я не буду играть в твои игры и точно знаю, что ты пытаешься сделать. Хотелось бы сопротивляться, но я, бл*дь, не могу. Мне нужно попробовать тебя. Только в этот гребаный день. Ты не моя, чтобы предъявлять на тебя права, и у меня все еще есть долг, который нужно оплатить.

Дважды ой.

— Так зачем беспокоиться? — шиплю я. — Не утруждайся трахать меня, раз уж это не больше, чем быстрый сброс напряжения.

— Ты хочешь сказать мне, что твое тело не кричит об этом гребаном освобождении? — рычит он.

Черт бы его побрал! Он прав. Я так хочу, что меня, действительно, не заботит, что он предлагает себя только на раз. Я ожила из-за него, все мое тело покалывает от этой нужды. Кроме того, если этот единственный раз будет жарким, он просто может передумать продавать меня.

— Отлично, — говорю я, приближаясь к нему. — Никаких поцелуев, один славный трах. Договорились.

Он усмехается.

— Сделка на крови?

— Ага, укуси меня, пират.

Он хохочет, а затем внезапно разворачивает меня и прижимает спиной к своей груди.

— В-третьих, мы сделаем это по-моему.

Я вздрагиваю вместо ответа. Он скользит пальцами вниз по моим прикрытым тканью грудям, и я дрожу под его прикосновением.

— Хочешь, чтобы я трахнул тебя прямо здесь, прямо сейчас? — хрипло говорит он мне на ухо.

— Да.

Больше не нужно слов. Он отступает и расстегивает мой лифчик, а потом снова прижимает меня к себе. Его руки обнимают меня с обеих сторон, а пальцы находят соски. Он нежно покручивает и тянет,

перекатывая твердые бутоны между пальцами. Я хнычу, колени слабеют. Если он думает, что я смогу удержаться в вертикальном положении, он очень ошибается.

— Тебя когда-нибудь трахали у каменной стены с водопадом, обтекающим твоё тело? — бормочет он, губами прижимаясь к моим плечам.

— Н... нет... нет, — заикаюсь я.

— О, *inocencia*, тебе понравится.

Я чувствую, как дрожат мои колени, отклоняюсь назад и крепко вцепляюсь в его руки, чтобы устоять.

— Я... я не уверена, что смогу стоять на ногах.

Он подталкивает меня к каменной стене, и когда мы добираемся до нее, Хендрикс разворачивает меня так, что я прижимаюсь к ней спиной. Он наклоняет голову и ловит ртом мой сосок. Я взываю, и колени подгибаются. *О Господи!* Кончик его языка трепещет, закручивается вокруг соска и посылает искорки удовольствия по всему телу. Он вытягивает руку, нащупывает мои трусики и медленно спускает их, скользя ртом по животу, одновременно опускаясь передо мной. *О... да.*

Когда Хендрикс становится на колени, а трусики оказываются на земле, он поднимает взгляд. Его глаза горят огнем и стали почти черными от жажды. Он обхватывает одно мое бедро и мягко сдвигает его влево так, что теперь мои ноги раздвинуты. Он издает рычащий звук, проводя пальцем вверх прямо по моей влажной сердцевине.

— Здесь так чертовски сладко, да, *inocencia*?

Я не отвечаю ему. Я просто откидываю голову назад на каменную стену и закрываю глаза, позволяя себе насладиться каждым моментом. Хендрикс еще шире раздвигает мне ноги, и я чувствую, как вода стекает с моего живота и щекочет неприкрытый клитор. *О небеса, это потрясающе.* Хендрикс склоняется еще ближе, и я чувствую его горячее дыхание на моей самой чувствительной плоти перед тем, как он погружает в меня свой язык.

Я кричу.

Это происходит так неожиданно, что мое тело невольно выгибается. Хендрикс вытягивает руки вверх и хватает меня за бедра, удерживая от скольжения вниз и падения кучей на землю. Он глубже погружает язык в мою плоть, находит клитор и быстро, безжалостно щелкает по нему. Затем прикусывает клитор зубами и начинает перекатывать его между ними. *Черт!* Стрела удовольствия простреливает меня, оно настолько интенсивное, что я выкрикиваю слова, которые обычно не использую:

— С*ка, — стону я.

Хендрикс прикусывает и перекатывает, лижет и сосет, пока я не начинаю дрожать и отчаянно хныкать его имя. Он убирает одну руку с моего бедра, кладет ее между ног, ища вход в мое тело и погружая внутрь. Я кончаю так сильно, что чувствую, как закатываются глаза. Я даже не понимаю, что падаю, пока не чувствую, что Хендрикс встает и тянет меня за собой и снова прижимает спиной к скале. Я слышу, как расстегивается пряжка его ремня, и открываю глаза, встречая его прямой взгляд.

— Ты готова к этому, *inocencia*? — его голос резкий.

— Да, — почти умоляю я.

Он отступает на секунду и отпускает пояс, расстегивает джинсы и дергает их вниз. Когда освобождается его член, я задыхаюсь. Он большой. В смысле, я знала, что это так, но, видя его перед собой, это просто... ничего себе! Он обхватывает его пальцами и начинает мягко поглаживать, одновременно вытаскивая из кармана джинсов пакетик с презервативом и разрывая его зубами. С широко открытыми глазами и ноющей киской я наблюдаю, как он раскатывает презерватив от головки члена к основанию. Голым мужчина выглядит так, будто он должен быть хреновой статуей. Он великолепен до невозможности.

Надев презерватив, Хендрикс шагает вперед. На нем не было рубашки, и теперь, совершенно обнаженным, он выглядит умопомрачительно. Я несколько раз моргаю, чтобы убедиться, что то, что передо мной, реально. Перед глазами становится яснее, когда Хендрикс прижимается и кладет руки на мои бедра. Он обхватывает их и приподнимает меня так, что ногами я обнимаю его талию. Он тянется вниз между нами, берет в руку член и направляет его к моему входу. Мои глаза снова закатываются, и я опускаю голову ему на плечо.

— Смотри на меня, когда я трахаю тебя, *inocencia*, — приказывает Хендрикс.

Я безвольно поднимаю голову и встречаюсь глазами с ним. Никогда не наблюдала за мужчиной во время секса. Но, видя, как меняется выражение его лица, как оно смягчается, когда он скользит внутрь меня, я никогда этого не забуду и не пожалею. Он медленно наполняет меня, растягивая изнутри. Мы оба стонем, и он отпускает одно мое бедро, чтобы упереться рукой в камень у моей головы. Я перевожу свой взгляд на эту руку и смотрю, как она сгибается и выпрямляется, как напрягаются на ней мускулы. *Черт побери. Как же вкусно он выглядит.*

— Охренеть, так тесно, — его голос звучит резко, он сжимает челюсти.

— О, да, — вскрикиваю я, когда он делает последний толчок, входя в

меня до упора.

— Иисусе, — стонет он.

Когда он двигает бедрами, выскальзывая из меня и погружаясь обратно, весь мир исчезает. Буквально. Я чувствую только его. Не вижу ничего, кроме него. Я ни разу в жизни не чувствовала такого. Никто не овладевал мною до такой степени. Он изменил буквально все. Мои глаза тускнеют, в то время как тело, наоборот, наполняется жизнью. У меня никогда раньше не было оргазма во время секса, никогда не было этого чувства, нарастающего внутри меня.

— Я... о, Боже... что это? — вскрикиваю я, хватаясь за его спину и впиваясь ногтями в кожу.

— Ты никогда раньше не кончала, сладкая? — выдыхает он сквозь стиснутые зубы.

— Я не... о, Боже... Хендрикс...

— О, детка, черт. Позволь мне быть первым, позволь мне провести тебя за грань.

Моя голова качается из стороны в сторону, в то время как стрелы удовольствия прошивают мое нутро и оседают в животе. О. Боже. Чувствую, как вся сжимаюсь вокруг него, натягиваясь струной, повисая на том самом краю. Это оно? Чем все восторгаются? Хендрикс опускает голову к моей шее и начинает мягко посасывать. О, черт! О, мой Бог! Я хриплю его имя, а мое отчаянное хныканье превращается в жалобные вскрики о большем. Хендрикс быстрее двигает бедрами, заполняя меня еще глубже, пока я не оказываюсь на грани, готовая перейти ее, нуждаясь только, чтобы меня подтолкнули.

Кончики моих пальцев теплые от крови на его спине. Я расцарапала ее, но мне все равно. Он опускает между нами руку и обводит клитор большим пальцем. Он растирает влажный комочек, кружит вокруг него снова и снова, нажимает и отпускает, поднимая меня к грани и вновь отпуская. Что он делает? Я чувствую себя такой напряженной, и перед глазами все плывет, а он перестает двигать бедрами. Я сердито вскрикиваю, поднимая голову и глядя на него смущенным и отчаянным взглядом.

— Хендрикс, пожалуйста...

Его глаза сканируют мое лицо, а его собственное выражает мучительное удовольствие.

— Мне нужно услышать, как ты просишь, *inocencia*. Умоляй меня...

— Пожалуйста, — шепчу я.

— Еще.

— Пожалуйста, Хендрикс, трахай меня.

— Еще, сладкая.

— Заставь меня кончить. Будь для меня первым. Пожалуйста, я так сильно этого хочу. Трахни меня, сделай так, чтобы я никогда не забывала, каково это.

Он рычит и двигается, снова скользя членом глубоко внутрь меня. Я всхлипываю от ощущения вновь вспыхнувших к жизни оголенных нервов. Он нажимает большим пальцем на клитор и снова начинает раскачивать бедрами. Удовольствие возвращается за секунду, обжигая меня, словно огонь. Я выкрикиваю его имя и толкаюсь бедрами, встречаю его глубокое погружение, желая большего, желая почувствовать его еще глубже. Он рычит и отнимает руку от стены рядом со мной, чтобы запутаться ею в моих волосах и сильно потянуть.

Я кричу.

— Тебе так нравится, верно? — стонет он.

— О! Да! Еще!

Он снова тянет меня за волосы, отводя их в сторону, чтобы зубами найти мою шею. Он начинает мягко пощипывать, но прикосновения превращаются в легкие укусы, когда его толчки становятся более отчаянными. *Ой, он кусается. О. Боже. Да.* Его зубы сдавливают мою плоть снова и снова, язык кружит по коже, пока его бедра исступленно работают, а палец прижимается к клитору. Ощущений становится слишком много, и я, наконец, падаю за грань. Я чувствую, как первая волна оргазма проходит по моему телу, и будто со стороны слышу собственный отчаянный крик, пока упиваюсь наслаждением, какого никогда не чувствовала.

— Бл*дь, я кончаю, — рычит он перед тем, как снова укусить меня за шею, когда все его тело конвульсивно дернулось, и я почувствовала, что он пульсирует внутри меня.

Каждое сжатие моей киски вокруг его члена заставляет нас обоих выражать свое удовольствие вслух. Он стонет, я стону, оба мы подстегиваем последние содрогания тел друг друга. Когда перестаем вздрагивать, он медленно опускает меня, пока его член не выскальзывает наружу. Хендрикс снимает презерватив, завязывает узлом и тянется вниз, чтобы взять джинсы. Не глядя на меня, он натягивает их.

— У тебя есть одежда, Инди?

Я киваю, когда он поворачивается, чтобы взглянуть на меня, но мои ноги все еще ватные, и я держусь за стену, слишком боясь сделать хоть шаг. Всю мою нижнюю половину тела покалывает. Он дарит мне ленивую полуулыбку.

— Ты собираешься двигаться в ближайшее время?

— Заткнись, — невнятно бормочу я.

— Не верится, что ни один мужик, попав в эту сладкую киску, ни разу не заставил тебя хорошенько кончить.

Я встряхиваюсь и опускаю взгляд себе на ноги. Мой единственный парень недолго был ласковым до того, как начал меня избивать. Ничего удивительного, что я не считала секс отличным времяпрепровождением. Он всегда был грубым и пугающим. Хендрикс хватает меня за подбородок и приподнимает голову, пока наши взгляды не пересекаются.

— Единственный мужчина, с которым ты была, это тот тип, что колотил тебя, да?

Я напрягаюсь и отнимаю голову от его рук.

— Не важно. Мы здесь не для того, чтобы обсуждать, что я делала, а что нет. Помнишь, мы просто разок перепихнулись. Ты ясно дал это понять. Мне пора.

Я отворачиваюсь и наклоняюсь, сгребая бюстгальтер и трусики, и сердито натягиваю их, прежде чем повернуться и направиться обратно через водопад, чтобы уйти отсюда. Я не могу справиться с этим прямо сейчас.

— Инди! — кричит он, но я не останавливаюсь.

Все вокруг меня будто вращается, в голове плывет, и я в замешательстве. Я смущена, потому что не понимаю, что чувствую сейчас. Есть глубоко во мне нечто, что затрагивает все внутри. Я ненавижу это чувство, не хочу его принимать или даже признавать его. Оно обжигает.

Это против правил.

Нельзя влюбляться в своего похитителя.

~ * ГЛАВА 13 * ~

Что будешь делать с пьяным матросом?

Я отыскиваю Джесс и беру себе чистую одежду. Затем все собираются,

чтобы позавтракать тем, что приготовили на костерке и гриле. Хендрикс еще не вернулся с озера, и я абсолютно не хочу думать о том, чем он занят. Сожалеет ли он о том, что мы только что сделали? Каждый раз, когда я двигаюсь, у меня дрожит между бедрами, как слабое напоминание о том, что он был там и что мы перешли ту самую черту.

— Ты в порядке?

Поворачиваюсь и вижу, что Эрик садится рядом со мной на тонкое бревнышко, на котором пристроилась я. Киваю ему и слабо улыбаюсь.

— Я в порядке, просто устала и чувствую себя немного разбитой.

— Может, ты простыла прошлой ночью?

Я качаю головой:

— Нет, думаю, просто устала.

По его лицу разливается беспокойство.

— В пещере никого нет, ты должна пойти и поспать.

Я обдумываю это и понимаю, что идея неплохая.

— Да, может, после завтрака.

Он наклоняется ближе, чтобы никто нас не подслушал.

— А как дела на самом деле?

— Все в порядке, Эрик. Я же жива.

— Как ты думаешь, он тебя отпустит?

— Откуда я знаю? — шиплю я.

Я устала от его расспросов вроде: не надрываю ли я задницу впустую?

— Почему пленник на свободе?

Мы слышим хриплый голос Хендрикса и поднимаем глаза, глядя, как он возвращается. Он все еще без рубашки, и я невольно окидываю взглядом его тело. У него четко очерченная грудь, мышцы пресса в идеальном тонусе, а то, что спрятано в его джинсах, заставляет сжиматься все внутри меня. Я перевожу взгляд вверх и вижу, что он наблюдает за мной с жарким выражением лица. *О. Боже.* Дрейк встает и подходит к Эрику, снова надевая на него оковы.

— И куда, черт возьми, я мог бы сбежать? — ворчит Эрик.

— Без разницы, — рычит Хендрикс. — У нас с твоей подружкой сделка.

Я смотрю на него, но наши взгляды быстро разделяются, когда он поворачивается, чтобы дать указания ДжиДжи. *Ох. Дерьмо.* На его спине парные красные отметины, которые, я точно знаю, от моих ногтей. А еще я знаю, что каждый сидящий в этом лагере теперь знает, что это моя работа. Мы — единственные, кто исчезал сегодня утром. Мои щеки вспыхивают, я отвожу глаза и сразу вижу, как на спину Хендрикса смотрит Эрик. Он

поворачивается ко мне, и его ноздри раздуваются.

Я вскакиваю.

— Мне нужно, э-э, в смысле, мне нужно отдохнуть.

Джесс встает вместе со мной и идет следом, когда я, избегая всех потешающихся взглядов, спешу в маленькую пещеру. Как только входим, я поворачиваюсь к ней в панике.

— Ты переспала с ним, да? — тихо произносит она.

Я закрываю лицо руками:

— О, Боже, Джесс. Я думала... Я просто подумала...

— Я понимаю, о чем ты, — тихо говорит она, затем подходит и берет меня за плечи. — Я знаю.

— Я такая дура.

— Вовсе нет, ты просто делаешь все возможное, чтобы защитить свою жизнь. Это не делает тебя душой.

Я поднимаю глаза и встречаю ее взгляд. Она слегка улыбается мне.

— И что делать? Теперь все знают. Он сделал это нарочно, хотел выставить напоказ.

— Милая, мы здесь тесная компания, они бы и так поняли. Я практически уверена: все думали, что это уже было и раньше.

— Мне нужна минутка или просто... Мне нужен перерыв.

— Иди на корабль. Если хочешь отдохнуть, там на это у тебя будет больше шансов.

— Правда? — шепчу я.

— Да, пойдем, я отведу тебя.

Она берет меня за руку и выводит наружу. Когда мы проходим мимо небольшой компании, я избегаю зрительного контакта.

— Куда направляешься, *inocencia*? — голос Хендрикса почти мурлычет.

Мудак.

— Она идет отдыхать. Она устала, а на корабле тише, — отрезает Джесс.

Она не дает ему шанса ответить, а просто продолжает тянуть меня мимо него и деревьев.

Корабль все еще сидит в песке, но он не поврежден, так что это безопасно. Мы обе направляемся к лестницам и поднимаемся. Когда мы залазим на палубу, я осматриваюсь вокруг. Повсюду разбросаны веревки, цепи и самые разные обломки палубы. Полагаю, именно поэтому им потребуется целый день, чтобы прибраться здесь. Кроме того, им надо все это еще и отремонтировать, что тоже не пустяк.

— Мне нужно забрать еще кое-что из одежды, но если ты хочешь, я останусь. Или будешь отдыхать? — говорит Джесс, когда мы добираемся до трюма.

Я качаю головой, слабо улыбаясь:

— Я в порядке, мне просто нужно поспать.

— Хорошо, слушай, давай поговорим, когда проснешься, ладно? Нам надо поговорить.

Я киваю и обнимаю ее:

— Спасибо, Джесс.

— Все будет хорошо, — мягко говорит она.

Я чувствую, что мои глаза жжет от слез.

— Я в этом не уверена. Я в ужасе, Джесс. Я просто... — мой голос ломается. — Я просто хочу домой.

Ее взгляд застывает, и она теснее обнимает меня.

— Все будет хорошо, мы обдумаем это.

Потом она отступает и снова улыбается мне, прежде чем исчезнуть за поворотом коридора. Я иду дальше, пока не добираюсь до каюты Хендрикса. Войдя, смотрю на свой уголок на софе. Я измучена, и мне нужна пауза. Подхожу и сажусь, поджимая ноги, и громко вздыхаю. Я не могу вытравить из разума образ Хендрикса, занимающегося со мной сексом. Эти картинки преследуют меня. И я даже не уверена, что хочу перестать думать об этом.

Я ложусь, позволив моему телу медленно утонуть в мягкости дивана. Я смотрю на потолок, а мысли все кружат. Так много соображений и чувств, витающих вокруг меня, что я не могу сосредоточиться ни на одном из них. Я слышу скрип двери, поднимаю голову и вижу, как входит Хендрикс. Он закрывает за собой дверь и запирает на замок. *Вот дерьмо.* Я сажусь, и мы не отводим взгляда друг от друга, пока он подходит и останавливается передо мной. Зачем он здесь? Я дала понять, что мне нужен перерыв, мне нужно подумать, так почему он здесь и смотрит на меня так, будто хочет съесть живьем?

— Вставай, *inopencia*, — хрипло говорит он.

— Что? Я не...

— Сейчас же, — твердо приказывает он, но его голос все еще полон неприкрытого сексуального желания.

Будто потеряв контроль над собственным телом, я медленно встаю. Все мое тело дрожит от... *возжеления? Или чего-то еще?* Когда я выпрямляюсь, Хендрикс хватает меня за руки и вытаскивает на середину комнаты. Он оставляет меня там, а сам подходит к софе. *Какого черта?* Он

садится, откидывается назад и кладет руки за голову, из-за чего мускулы на руках играют. Я наблюдаю за ним в замешательстве.

— Утром я с тобой не закончил. Я сказал «один», но не имел в виду один раз вставить тебе. Я имел в виду, что проведу с тобой целый день. День еще не закончился. А теперь снимай одежду.

У меня отвисает челюсть, и я чувствую, как мои пальцы нервно вздрагивают.

— Я... я...

— *Inocencia*, — раздраженно говорит он, — сейчас же, детка.

Все мое тело вспыхивает, и я не хочу этого отрицать. Мысль о том, что он снова погрузится в меня, затмевает все логичные мысли в моем сознании и заменяет их глубокой сильной потребностью, настолько властной, что я не могу бороться с ней. Я хватаю подол рубашки и начинаю тянуть его вверх, но Хендрикс поднимает руку, останавливая меня. Он встает, подходит к своему столу и нажимает несколько кнопок на колонках. Через мгновение раздается знакомая песня. Я наблюдаю, как он поворачивается, возвращается на свое место и садится, снова принимая ту же позу.

— Снимай ее медленно, — низким голосом произносит он.

Он хочет, чтобы я... показала стриптиз? Я слышу, как песня становится оживленнее, и мои щеки краснеют. Так, это песня для стриптиза. Слова «она мой вишневый пирожок» заполняют кабину, и требуется вся сила воли, чтобы не начать встряхивать волосами и не пуститься в дикие танцы. Эта песня действует на меня. Но вместо этого я снова берусь за рубашку и медленно начинаю покачивать бедрами из стороны в сторону. Раньше я никогда так не раздевалась перед мужчиной, и одна мысль об этом очень возбуждает. И хоть все тело покалывает от стыда, я не могу остановиться.

Когда я встречаю жаждущий взгляд Хендрикса, он только подстегивает меня.

Это может стать отличным шансом заставить его так отчаянно хотеть меня, чтобы он даже опомниться не мог.

По крайней мере, я убеждаю себя в этом.

Я продолжаю покачивать бедрами, одновременно мои пальцы медленно поднимаются вверх. Когда я добираюсь до груди, мотаю головой и описываю телом дугу, заставляя волосы взметнуться, а сама изгибаюсь в высшей степени сексуально. Я выпрямляюсь, покачивая бедрами и одновременно поднимая рубашку над головой. Глядя на Хендрикса, я вижу, что он так чертовски тверд, что джинсы натянуты над его членом. У него

сжаты кулаки, а взгляд совсем дикий.

— Продолжай, — его голос скрипит.

Я роняю рубашку на пол и поворачиваюсь к нему спиной. Я обнимаю себя и покачиваю задницей, пока расстегиваю бюстгальтер, стягиваю и бросаю его на пол. Я слышу, как Хендрикс втягивает воздух, и мои щеки краснеют еще сильнее. Я скольжу руками по телу, все еще мягко покачивая бедрами, и хватаюсь за шорты. Показывая мой лучший маневр, я стягиваю шорты и неспешно веду руками вместе с ними вниз по телу, наклоняясь и оставляя задницу в воздухе. Хендрикс издает рычание, и я знаю, что он наслаждается этим видом.

Я выхожу из своих шорт и медленно веду руками по телу вверх, прежде чем оглянуться на него через плечо. Он впивается пальцами в бедра и глубоко дышит. Боже, он выглядит таким чертовски вкусным, сидя там с отчаянным видом. Он поднимает руку и показывает пальцем:

— Покрутись, детка. Дайте-ка мне рассмотреть.

Я делаю, как он просит, и медленно поворачиваюсь. Я вижу, как он напрягается всем телом, когда я смотрю на него, и мое сердце ускоряется. Мои пальцы у груди, наполовину прикрывая их.

— Опустит руки, *incoscienza*, — он уже рычит.

Медленно я отвожу руки. Его глаза раскрываются шире, и он издает глубокий хриплый стонущий звук.

— Танцуй, детка. Мне нужно, чтобы ты танцевала.

Я снова начинаю покачивать бедрами и позволяю пальцам медленно скользить по телу. Я закрываю глаза, мысленно переносясь в другое место, но зная, что его взгляд на мне. Боже, это чувство, которое я не могу описать. Он делает так, что внутри меня все оживает, но прежде всего, он заставляет меня чувствовать себя... красивой, сексуальной, обольстительной... Черт возьми, он заставляет меня чувствовать себя женщиной. Я никогда за всю мою жизнь не чувствовала этого.

— Смотри на меня, милая, — тихо произносит он.

Я открываю глаза и встречаю его взгляд. И мы не отводим глаз, пока я медленно двигаю пальцами и подцепляю ими трусики. Я начинаю шевелить бедрами и снова наклоняться, только на этот раз я смотрю на него. Его взгляд не блуждает по моему телу, он неотрывно смотрит мне в глаза. Он просто наблюдает за мной, своими темно карими глазами прожигая меня. Я выступаю из своих трусиков, как только они достаточно опускаются, а затем медленно поднимаюсь вверх, пока не выпрямляюсь. Мои щеки горят огнем, и я отвожу взгляд от Хендрикса.

— Ты стыдишься? — бормочет он, вставая и подходя ко мне.

— Нет, я...

— Ты офигенно восхитительная, *inocencia*. Как гребаный сон.

От его слов мое тело бьет дрожь. Я обнимаю себя, но он протягивает руку и останавливает меня. Пальцами обхватывает мои запястья и поднимает их вверх, заставляя приподниматься грудь. Его взгляд опускается, а челюсти сжимаются, когда он наблюдает, как твердеют под его взглядом мои соски. Медленно, он склоняет голову, все еще удерживая руки сверху, и захватывает рот сосок. Я задыхаюсь, и мои ноги дрожат, когда он начинает кружить языком еще и еще, заставляя тихое жалобное хныканье срываться с моих губ.

Когда он сильнее сжимает зубы, и этот легкий укус пронизывает мою грудь, у меня подгибаются колени.

Он мягко опускает меня на пол, и его твердое тело опускается сверху. Я чувствую, как его эрекция надавливает мне между ног, когда я раздвигаю их, чтобы вместить его. Его джинсы нажимают на мою сердцевину, и когда я сдвигаюсь, он шипит.

— Ты такая чертовски горячая, я чувствую это через джинсы. Черт, *inocencia*, мне нужно снова быть внутри тебя.

Я всхлипываю и опускаю голову на пол, когда его губы находят мою шею. Отчаянная потребность попробовать его превосходит все, что я когда-либо ощущала. Я хочу, чтобы его губы были на мне, хочу, чтобы его язык танцевал с моим. Я просто хочу узнать, каков он на вкус. Потребность узнать это сильнее всего на свете, я отчаянно хочу прижаться к нему губами. Ощущение, как он скользит по моей шее, чтобы прикусить мое ухо, усиливает нужду. Как может мужчина быть настолько невероятно желанным?

— Я хочу, чтобы ты объездила меня на диване, но сначала хочу твой сладкий рот вокруг моего члена, — бормочет он мне на ухо, прежде чем обнять меня и поднять нас обоих.

Он разворачивает нас, подходит к дивану, садится и дергает меня к себе. Я сажусь на него, наши тела вздрагивают, а лица оказываются рядом. Медленно, не задумываясь, я придвигаю губы еще ближе. Но прежде чем я это сделаю, его рука скользит вверх и запутывается в моих волосах, останавливая меня. Мы так близки, что чувствую, как его теплое дыхание щекочет мои губы. Наши взгляды соединяются, а жар, пылающий между нами, настолько сильный, что мое тело переходит в состояние боевой готовности.

— Ты знаешь правила, — бормочет он. — Никаких поцелуев.

Я прикусываю нижнюю губу и опускаю взгляд на его губы. Такие

полные, такие мужественные. И я страстно желаю почувствовать, как потрется щетина о мои губы, когда я скользну по его коже.

— А как насчет других мест? — шепчу я, поднимая взгляд.

— Все остальное можешь целовать, — хрипло отвечает он.

Я придвигаюсь ближе, наклоняю голову в сторону и прижимаюсь к нему сразу за уголком его рта. Он отпускает мои волосы и издает громкий рычащий звук. Я высовываю язык, рисуя кружок, прежде чем пройти по его челюсти. Я могу ощутить его вкус: легкий привкус соли на его коже тоже возбуждает. Маленькие шипы щетины, которые время от времени задевает мой язык, будоражат меня. Когда добираюсь до уха, я скольжу по мочке. У него вырывается проклятье, а руки скользят мне между ног, раздвигая их, так что я сажусь на него верхом, а потом его пальцы скользят дальше, отыскивая мой влажный клитор.

Я стону и поднимаю руку, прижимаясь к другой стороне его лица, пока двигаюсь губами вверх по щеке. Он откидывает голову назад, закрыв глаза. Его пальцы все еще скользят по моей киске. Ему это нравится, и он позволяет мне быть рядом с ним пусть даже на мгновение. Я поднимаюсь вверх, целуя его кожу, затем осыпаю маленькими поцелуями его веки, а потом провожу по его носу и оставляю еще один поцелуй на кончике. Он стонет, когда я отодвигаюсь от его губ и слегка приподнимаю подбородок.

— Дермо, *inopencia*, мне нужно трахнуть тебя.

Я опускаю голову и ищу губами его шею. Я поцелуями прокладываю путь вниз, время от времени останавливаясь, чтобы нежно пососать кожу. Он находит мой вход пальцами и вталкивает их в меня. Я хныкаю и поворачиваю бедра так, чтобы почувствовать его еще больше. Опускаю рот к его ключице, здесь я чувствую его запах сильнее. Он пахнет мускусом, очень мужественно. Я стискиваю его кожу, прежде чем спуститься ртом к его плечам. Он умело трахает меня пальцами, согнув их под таким идеальным углом, что заставит меня кончить за пару минут. Я толкаюсь ближе, уткнувшись лицом в его плечо, вздрагивая от ощущения маленьких осколков удовольствия, проникающих из моей киски прямо в позвоночник.

— Теперь, детка, — выдыхает он, — пососи мне.

О.

Да.

Медленно сползаю с его коленей, и пока я двигаюсь, он хватается джинсы и сдергивает их, стаскивая достаточно, чтобы освободить член. Когда я становлюсь на коленях перед ним, опираясь локтями на его бедра, несколько мгновений не отвожу взгляда от большого и чрезвычайно эротического зрелища передо мной. У него красивый член, такой толстый,

такой длинный, идеальной формы. Я вытягиваю руку, обхватывая его пальцами, а затем медленно опускаю голову. Сначала я высовываю язык, позволяя ему покружить вокруг вершины. Он шипит, а его бедра дергаются вверх.

— Не дразнись, *inocencia*, — стонет он.

Я прижимаю его к щеке, чувствуя горячую гладкую кожу. Затем поворачиваю голову и опускаюсь на него ртом. Он так громко рычит, что я останавливаюсь, задаваясь вопросом: не причинила ли я ему боль.

— Не останавливайся, — тяжело выдыхает он.

Ободренная, я опускаю губы дальше, посасывая и кружа языком. Когда я взяла его настолько глубоко, насколько могу, начинаю осторожно поднимать голову, а затем повторяю это снова и снова, пока не добиваюсь нежного, но твердого покачивающегося движения. Руки Хендрикса зарываются в мои волосы, он подергивает бедрами и выдыхает мое имя, когда я начинаю двигаться быстрее, используя мою руку, чтобы накачивать основание члена, пока мой рот занят остальным.

— Дерьмо, бл*дь, остановись, — внезапно рычит он, сжимая плечи и отталкивая меня назад.

Он подтягивает меня вверх, достает презерватив из своих джинсов и рывком открывает его, а потом почти отчаянно шарит, чтобы вытащить его из пакетика. Его грудь напряжена, мускулы на ней играют. Это выглядит больше, чем горячо. Я наблюдаю, как он раскатывает презерватив по члену, который краснеет и набухает, будто вот-вот взорвется. Он хватается меня и тянет вперед. У меня нет даже секундошки, чтобы подумать, потому что он нажимает рукой мне на поясницу и толкает на себя, прежде чем я могу сказать хоть что-нибудь.

Но мне не нужно ничего говорить.

Все, что ускользает с моих губ, пока он медленно наполняет меня, — рваный стон. Моя киска сжимается вокруг него, и чувство настолько сильное, что я ощущаю, как начинает кружиться голова. Я закрываю глаза и откидываю голову назад.

— Глаза, *inocencia*, — рычит он, хватая мой подбородок и поворачивая лицо к себе. Я открываю глаза, и снова все, кроме нас, исчезает. Будто ничего вокруг не происходит, будто никого больше не существует, пока он так смотрит на меня.

— Это будет недолго, — тихо произносит он. — Слишком, черт, хорошо.

Он хватается меня за бедро и начинает двигаться подо мной, прерывая мое движение вверх и вниз. То, как он двигается, ощущается лучше, хотя...

о, так еще лучше. Он делает небольшие круговые движения, благодаря которым член прижимается к моим внутренним стенкам, отыскивая то самое сладкое местечко. Я всхлипываю и начинаю двигаться сама. Глубокое трение продолжается, а он поднимает руки вверх и захватывает мои груди, большими пальцами кружка вокруг сосков.

— Хендрикс, — мой голос сипит. — Я... о, Боже...

— Кончи для меня, *inocencia*. Кричи мое имя.

Я вздрагиваю и, когда его палец скользит вниз, чтобы отыскать мой клитор, я кончаю. Это было лучше, чем ранее в водопаде, по-другому, но определенно лучше. На этот раз я кричу так громко, что мое горло перехватывает, и мой крик заканчивается задышающимся вздохом.

— Х... Хендрикс, — я заикаюсь, все еще сжимаясь и содрогаясь внутри.

— Я кончу, о, черт возьми, сейчас, — ревет он, а затем внезапно дергает бедрами, и чувствую, как он пульсирует, пока я сжимаюсь вокруг него. Наши крики удовольствия смешиваются, создавая самый красивый звук.

Я тяжело оседаю на него, голова падает ему на грудь. Его кожа блестит от пота, и мой язык безотчетно выскальзывает, чтобы почувствовать его вкус. О да. Хендрикс обхватывает мое лицо, отнимая его от груди.

— Хватит, *inocencia*, или я снова трахну тебя.

Ну, может, я хочу, чтобы он это сделал.

Я отдергиваю подбородок и снова кладу голову ему на грудь, громко выдохнув. Он удивляет меня, положив руку мне на талию и оставив ее там, а мне кажется, будто он удерживает меня. Это приятное чувство.

— Расскажи мне о своей жизни, — тихо шепчет он над моей головой.

— Моей жизни? — произношу я тонким обессиленным голосом.

— Ага, твоей жизни.

Я поуютнее устраиваюсь на нем, искренне чувствуя этот момент с ним.

— Я не уверена, что это по большому счету действительно важно, верно?

— Нет, — бормочет он. — Наверно, нет. Расскажи мне все равно.

Желая продлить этот момент, и возможно, укрепить связь, я решаю поговорить с ним.

— Ну, о Кейне ты знаешь...

— Это его имя? — хрипло ворчит он, и я чувствую гул под моей щекой. — Кейн?

— Да, так его зовут.

— И как ты встретила с ним?

— Я познакомилась с ним в приемной семье. Мы были, так сказать, приемными братом и сестрой. Мы сблизились и уехали вместе, как только я стала достаточно взрослой. Все было прекрасно довольно долго, пока я не рассмотрела его жестокую сторону. Началось рукоприкладство. И не останавливалось. Я так устала от этого, была так эмоционально травмирована, что в конечном итоге стала опасаться за свою жизнь. В ту ночь он сильно избил меня... Я должна была защитить себя. Я пряталась в шкафу, когда он нашел меня, и мы долго боролись за пистолет. Он так много раз направлял его мне в лицо, что я была уверена, что это конец. Но выстрелить удалось именно мне. Я сильно ранила его, а он угодил в тюрьму. Его выпустили как раз перед тем, как я отплыла на яхте. Я знала, что должна начать свою жизнь заново, поэтому решила покинуть страну. В ночь перед отъездом он связался со мной, угрожал мне, и я поняла, что должна убраться оттуда.

— Мудак не захотел бы пересечься со мной. Я бы его убил.

Я фыркаю.

— Ну, сейчас он бы меня не нашел.

— Черт побери, и не найдет.

Мы на минуту замолкаем, и он начинает вырисовывать на моей спине маленькие круги.

— Что насчет твоих родителей?

— Мы хорошо жили, пока мой отец не стал вести себя странно и исчезать. Однажды ночью он ушел и больше не вернулся. Моя мама умерла, у нее был рак, и после этого меня просто отослали в приемную семью.

— Значит, твой отец все еще жив?

— Думаю, что он... Ну, он просто исчез. Как человек может просто исчезнуть? Это бессмысленно. Иногда я надеялась, что он мертв, потому что так легче принять боль от того, что он не возвращался.

— Ты когда-нибудь пыталась его найти? — спрашивает он, сдвигаясь и крепче обнимая меня.

Как мило.

— Нет, у меня не было возможности.

— Как его зовут? Я мог бы помочь.

Мое сердце заколотилось. *Он мог бы помочь? То есть, он передумал продавать меня?* Внутри меня все переполняется теплом.

— Чарльз Уотерс.

Хендрикс дергается, будто его ударили.

— Что ты сказала?

— Я сказала... так зовут моего отца.

Внезапно меня отбрасывает от него, будто я тряпичная кукла. Хендрикс быстро выскальзывает из моего тела, оставляя на некоторое время странное ощущение. Он резко встает, рывком натягивает джинсы, устремляется к своему столу и смахивает с него бумаги. *Что, черт возьми, происходит?*

— Ты знаешь его? Ты сможешь мне найти его? Ты передумал продавать меня? — выпаливаю я, прежде чем могу заткнуться. Его безумное поведение заставляет меня задаться вопросом, знает ли он моего отца, и надежда разгорается в моей груди.

Он резко разворачивается, его глаза наполняются чем-то, что я не могу понять... *страх? Ярость?* Он устремляется ко мне, стискивая мое плечо.

— Ты здесь не останешься, так что, бл*дь, перестань думать, что все это что-то изменит.

А потом он поворачивается и практически выбегает из комнаты.

Что, черт возьми, только что произошло?

Мое сердце проваливается в желудок, и внутри разливается боль.

Опять все с начала.

~ * ГЛАВА 14 * ~

Сухопутная крыса!

Я привожу себя в порядок перед тем, как убраться с корабля. Уже далеко за полдень, и солнце, наконец, выглянуло. Так что я иду вдаль по пляжу, не желая возвращаться в лагерь, и нахожу себе на медленно подсыхающем песке местечко, чтобы присесть. Песок липнет к ногам и ступням, и я понимаю, что это причиняет боль, но мне все равно. Я растеряна. У нас с Хендриксом было что-то, а потом он просто сбежал. От его слов больно. Все время я думала, что, может быть, мы что-то создавали. А он просто меня трахнул. И ничего больше. Может быть, он понял, что слишком близко подошел к тому, чтобы действительно помочь мне попасть домой.

— Я искала тебя, — слышу я голос Джесс и вижу, что она стоит, улыбаясь мне. — Хендрикс сказал, что не может тебя найти...

Я отворачиваюсь и сглатываю. Я не буду плакать. Я не буду показывать слабость. Я так хорошо держалась все время, что если сейчас раскисну, это сломает меня. Джесс садится рядом со мной и обнимает меня за плечи.

— Он... вел себя странно. Рывкал приказы и с глазу на глаз разговаривал с Дрейком. Выглядел напуганным, а когда не смог тебя найти, просто взорвался. Я сказала ему, что пройду и посмотрю, где ты, — она гладит меня по плечам и притягивает ближе к себе.

— Между нами был момент взаимопонимания, и на какое-то время я даже подумала, что у меня есть шанс вырваться на свободу, но он все перевернул с ног на голову. Он и не собирается передумать продавать меня. Я не хочу, чтобы меня продали. Я не хочу, чтобы все было так, к чему и идет.

— Я помогу тебе, — шепчет она. — Я не дам ему продать тебя, Инди. Я поднимаю голову, встречая ее взгляд.

— Как?

— Тебя не продадут...

— Выхода нет, Джесс, ты знаешь. Я пробовала. Я не могу забрать Эрика и незаметно сбежать. Вдвоем мы не...

— Можешь.

Я качаю головой:

— Я не понимаю.

Она сглатывает слюну, оборачивается и смотрит назад. Когда она поворачивается ко мне снова, я вижу, как она взволнованна. Не знаю почему, но чертовски уверена, что скоро узнаю.

— Что происходит, Джесс?

— Эрик будет здесь через час. Я сказала Хендриксу, что отведу его к тебе. Капитан к тебе расположен, так что разрешил.

— Что? Зачем?

— Я позвонила в морскую полицию, Индиго.

Я таращусь на нее:

— Я не... я не понимаю.

— Я не могу позволить ему сделать это с тобой, а чем дольше ты будешь в океане, тем меньше шансов у тебя сбежать.

— Но как...

Она наклоняется ближе:

— Я сказала ему сегодня днем, что нам нужно еще кое-что из лекарственных запасов. Из-за наступления сезона штормов он согласился, не раздумывая. Он мне доверяет. Хендрикс знает, что у меня нет причин предавать его... поэтому, когда он протянул мне телефон, а сам вышел, я позвонила. Я знаю, где мы находимся: прислушивалась к разговорам о координатах этого острова...

— Джесс, — я задыхаюсь, — это опасно...

— Это единственный способ. Он не собирается где-либо останавливаться с вами на борту: слишком беспокоится о побеге. Я слышала его разговор, что обмен будет сделан в океане. Вы не сможете улизнуть, здесь просто некуда бежать.

— Хендрикс убьет их, Джесс. Ты же знаешь, он так и сделает.

— Стоит рискнуть.

— Что, если они убьют его? — шепчу я.

Она меняется в лице:

— Я сказала им подплыть с севера острова. Я постараюсь, чтобы ты с Эриком была на противоположном конце острова от лагеря. Если Хендрикс как-то узнает, вы будете слишком далеко к тому времени, когда они доберутся сюда.

Я чувствую, как начинает колотиться мое сердце.

— Джесс, если он узнает, что это ты...

Она хватается меня за руку и сильно сжимает.

— Я не могу позволить продать тебя.

Меня бьет дрожь, и я растираю руки. Это правда? Неужели это свобода? Я прокручиваю в голове слова Хендрикса и понимаю, что мои попытки заставить его передумать — просто попытки. Это у меня зародились чувства, а он дал понять, что у него их нет. Если я останусь, станет только больнее, когда наступит момент оставить его. Это сломает меня, и я не смогу жить с этим.

Я поворачиваюсь к Джесс.

— Бежим со мной, — умоляю я, хватаясь за ее руки.

— Ты знаешь, что не могу, моя жизнь здесь. На суше я должна буду жить в постоянных бегах.

Она выглядит печальной, в ее зеленых глазах пустота. У нее действительно нет выбора.

— Ты на самом деле не хочешь быть здесь, да?

Она отводит взгляд.

— То, что я хочу, и то, что у меня есть, — разные вещи. Но я благодарна и за это.

— Значит, ты лучший человек, чем я.

— Джесс?

Я напрягаюсь, когда слышу голос Хендрикса, доносящийся откуда-то из-за спины. Мы обе поворачиваемся и видим Хендрикса, уже полностью одетого, стоящего и рассматривающего нас. Джесс оборачивается ко мне, беззвучно, одними губами показывает «через час», а затем встает. Она рискует жизнью ради меня, даже не знаю почему, но точно знаю, что буду

всегда благодарна ей за это. Когда она исчезает среди деревьев, Хендрикс подходит ко мне и опускается рядом со мной. У него в руках аптечка. Понятно, что он нас не слышал, потому что он ведет себя совершенно обычно.

— Нужно почистить твою рану.

Я смотрю на океан. Он становится прозрачнее, потому что мягкая дымка исчезает, и показывается аквамариновая вода. Ошеломляюще прекрасно.

— Инди?

Я поворачиваюсь и смотрю в глаза Хендрикса:

— Зачем ты пришел?

Он смущенно качает головой.

— Чтобы обработать ногу.

— Зачем? Мы оба знаем, что я для тебя всего лишь товар. Так что перестань притворяться, что моя жизнь имеет значение.

Он издает рычание и берется за мою ступню, подтягивая ее к себе. Вчера вечером я потеряла лоскут рубашки, которым он перевязал ногу, и теперь глубокая рана на виду. Она не слишком чистая, и мне стыдно, что я не позаботилась об этом раньше. Нет, вместо этого я позволила Хендриксу соблазнить меня... снова. Я вообще не контролировала ситуацию. Никогда. Хендрикс открывает аптечку и приступает к обработке. Резкий укол боли пронзает ногу, и я стискиваю зубы, чтобы не вскрикнуть.

— Я не дам тебе страдать от боли.

Я качаю головой.

— Что?

— Пусть ты думаешь, что всего лишь товар, но я не позволю тебе терпеть боль.

— Тебе на самом деле неважно то, что произошло? — шепчу я. — Неужели так легко просто трахнуть кого-то и уйти?

Он напрягается и поднимает свой взгляд на меня.

— Я уже сказал тебе, что это значит.

— Вот я и спрашиваю: это все было неправда? — неожиданно кричу я, чувствуя, как задрожали руки.

Он накладывает повязку на ногу и отпускает ее. Мне нужно знать. Если я собираюсь сбежать и больше никогда не видеть его, мне нужно знать. Я должна услышать ответ, потому что большая часть меня надеется: он признается, что это что-то значит и что он не хочет меня продавать. Потому что крошечная часть меня хочет остаться здесь, с ним, и я не понимаю себя. Мне нужен повод уйти... У меня не хватает воли сделать это

самой.

— Это к делу не относится.

— Тогда просто ответь мне на один вопрос, — я понижаю голос, вставая на обе ноги. — Ты хотя бы подумал о том, чтоб не продавать меня после всего? Был ли хоть один чертов момент, когда ты подумал о том, чтобы изменить свой план?

Он напрягается, и его глаза ищут мой взгляд.

— Не делай этого, Индиго.

— Просто ответь мне, черт возьми, ответь ты, бесхребетная свинья! Самое меньшее, что ты можешь, бл*дь, сделать, это дать мне ясный ответ.

— Нет, — огрызнулся он. — Я не собирался менять план, потому что всего лишь хорошо провел с тобой время.

Мое лицо бледнеет, и колени подгибаются. Весь мой мир переворачивается. Он... он ничего не чувствует. *Ничего*. Я живу среди фантазий. Я обманывала себя, думая, что он когда-нибудь увидит во мне нечто большее, чем оплата долга. Меня всю колотит до такой степени, что зубы клацают. Я открываю рот, но не могу выдать ни слова. Только злое шипение. Я медленно отворачиваюсь, чувствуя, что в любой момент рухну на землю.

Он меня не останавливает.

И, наверное, от этого еще больнее.

Почему мы всегда так по-человечески глупо надеемся, что что-то изменится, даже зная ответ? Мы уходим, сломленные, разбитые на куски, и все равно все еще надеемся, что случится что-то и все пройдет. Но на самом деле ничто не сможет унять мучительную боль от жестоких слов. Ничто. Я бреду по пляжу и не сдерживаю слезы. Я была дурой, и это только моя вина.

Я добираюсь до северной части острова, где, по словам Джесс, будет Эрик, и буквально падаю у дерева. У меня кружится голова, я чувствую в теле боль. Болит и в худшем, и в хорошем смысле. Я чувствую запах Хендрикса на себе, чувствую ломоту между ног, но это накладывается на боль в сердце. И эту боль, я уверена, никогда не забуду. Эту смесь чувств — предательство, отчаяние и что-то еще, что я не могу назвать, или, может быть, слишком боюсь признать его.

Я слышу шелест листьев и поворачиваюсь к идущим Эрику и Джесс. Сейчас я просто переполнена благодарностью к ней. Она спасает мою жизнь, даже если этого и не знает. Эрик замечает меня, и выражение его лица смягчается. Он подходит и притягивает меня к себе.

Я не сопротивляюсь, потому что нуждаюсь в нем.

Джесс берет меня за руку, а я прижимаюсь щекой к груди Эрика. Он похудел, я чувствую под щекой кости грудной клетки. Эрик отступает и всматривается мне в лицо, убирая прядку волос с моего лица.

— Мы едем домой, все скоро закончится.

— Я могу только предполагать, но они скоро должны быть здесь, — говорит Джесс, оглядывая линию горизонта.

— Мне нечем отблагодарить тебя за это, Джесс, — мой голос хрипнет.

Она вытягивает меня из рук Эрика и крепко обнимает.

— Я вижу в тебе что-то и не могу позволить тебе быть отданной какому-то изгою-пирату из-за того, что у Хендрикса образовался долг.

— Он сказал мне, что я ничего не значу, — шепчу я, вздрогнув.

— Я не верю этому, но биться об заклад не буду. А тебе нужно вернуть свободу. У меня никогда не было выбора, и я всегда буду жалеть об этом, но у тебя выбор есть, Инди. Я не могла просто сидеть сложа руки и позволить тебе лишиться его, зная, что есть шанс сбежать...

От слез жжет под веками, когда я крепче обнимаю ее.

— Я вечно буду тебе благодарна.

Мы все сидим молча около двадцати минут. А о чем тут говорить? Мы думаем о разных вещах и все до чертиков боимся.

— Это... корабль там? — неожиданно произносит Эрик.

Мы поднимаем головы и видим вдалеке маленький кораблик, приближающийся к острову. Мое сердце неистово бьется, и я встаю. Это он. Я выталкиваю из головы мысли о Хендриксе. Я должна. *Я не могу...* Просто не могу... Я должна защитить себя и своего друга. *Хендрикс исчезнет, он исчезнет.* Я говорю себе это снова и снова, когда мы идем к океану. Джесс поднимает руки и подает какой-то сигнал. Маленький корабль приближается к нам.

— Они не смогут пришвартоваться, вам придется до них доплыть, — говорит она.

— Чт... но...

— Это единственный способ, — говорит она в отчаянии.

— Все будет в порядке, — говорит Эрик, хватая меня за руку и подталкивая к воде.

Я поворачиваюсь, слезы градом катятся по моим щекам. Я протягиваю руки, и Джесс подходит и обнимает меня.

— Я никогда не забуду этого, Джесс, никогда.

— Береги себя и найди ту жизнь, которой ты достойна.

Я обнимаю ее крепче, а потом отпускаю, берясь за руку Эрика. Он стискивает ее, и мы делаем первый шаг в воду, наш первый шаг к свободе.

Холодная вода оmyвает мою ногу, и я вздрагиваю. Кожу покалывает, сердце стучит, а голова кружится. Адреналин заполняет мои вены. Нам нужна только капелька времени, и она же может легко все изменить.

Когда мы заходим в воду по пояс, а корабль уже ясно виден, мое сердце начинает так ускоряться, что я едва могу дышать. Я вижу мужчин в белой форме, стоящих на борту и машущих нам. Свобода. Так близко. То, за что я боролась с того момента, как я попала в плен, так почему, черт возьми, это ощущается настолько неправильно? Почему у меня болит сердце? Почему я мне так тяжело дышать?

Мы пускаемся вплавь, потому что становится слишком глубоко, чтобы идти, и вот тогда все меняется. Мужчина, стоящий к нам ближе всего, который наклоняется и показывает нам приблизиться, внезапно дергается, и кровь брызжет из его головы, когда он скользит вперед и падает в воду. Придушенный крик вырывается из моего горла, и мои ноги превращаются в желе. Я изо всех сил стараюсь плыть, но обращаю взгляд к берегу. Я вижу Хендрикса, держащего пистолет. Рядом с ним Дрейк, тоже с оружием в руках.

Еще один выстрел.

Падает второй мужчина.

Кровь расплывается в океанской воде, кружащейся вокруг и оmyвающей нас, а тела медленно начинают тонуть. Потерянные жизни. О, Боже. Эрик хватает меня, заставляя двигаться вперед, толкая изо всех сил.

— Плыви дальше, Инди!

— А... они мертвы, — рыдаю я.

— Вернись, Индиго, или я убью их. Ты моя, черт возьми! Не заставляй меня вынуждать тебя вернуться! — кричит Хендрикс, но это звучит как далекий гул.

— Не слушай его, Инди, плыви.

Снова раздается выстрел, на этот раз с корабля. Я в отчаянии поворачиваю голову, но вижу, что на берегу все на ногах.

— Бл*дь, Инди, вернись сюда, ты моя, — орет Хендрикс.

Ты моя.

Он не то имеет в виду.

Не то.

— Не слушай, — кричит Эрик, подталкивая меня дальше.

Мы плывем быстрее, и корабль все ближе и ближе. Мужчины выстраиваются в линию, направляя оружие. Раздается еще один выстрел, и еще один человек падает в воду. Я громко кричу, и морская вода наполняет рот, а я начинаю захлебываться. Он возлагает вину за это на меня, и я

осознаю, что если не остановлюсь, он продолжит убивать. Я кашляю и отплеываюсь, а ноги так устали, что каждое движение приносит боль. Я прилагаю больше усилий, но в мыслях начинаю сомневаться в собственных действиях.

— Не позволяй ему сделать этого. Пистолет у него в руках, это он их убивает, — кричит Эрик, не отпуская меня.

— Я... я должна вернуться, я не могу позволить ему убивать и дальше.

— Ты, черт возьми, доплывешь, — кричит он, толкая меня дальше.

— Эрик, пожалуйста!

— Нет, мы не вернемся.

— Плывите, — кричит один из мужчин. — Вы уже рядом.

Перед глазами все плывет, я икаю и рыдаю так сильно, что похожа на раненое животное. Эрик тянет, гремят выстрелы, Хендрикс кричит, а у меня начинается гипервентиляция. Следующие несколько минут проходят как в тумане. Мы пробираемся мимо, по меньшей мере, шести тонущих тел. Вода окрашивается красным, который постепенно бледнеет до почти рыжеватого. К тому времени, как мы добираемся до корабля, я полностью покрыта ею. Эрик принимает на себя мой вес, потому что сил у меня не осталось.

Я слышу более частые звуки выстрелов.

Чувствую, что меня тянут вверх.

И тогда все становится черным.

~ * ~ * ~ * ~

— Эй, Инди, очнись.

Мои веки поднимаются, и я вижу лицо Эрика. В тот момент, когда до меня доходит, где я и что случилось, болезненное чувство придавливает мою грудь, а желудок переворачивается. Я скатываюсь с кровати, вскрикивая от боли, когда я приваливаюсь на бок, и меня рвет. Все эти люди. Мертвы. Из-за меня. Было достаточно тяжело, зная, что Джон, владелец яхты, умер по моей вине, теперь это? Я знала, что единственная вещь, от которой я никогда не смогу оправиться, это стать причиной смерти кого-то. Меня рвет до сухих потуг, и я хватаю ртом воздух.

— О, Инди, — утешает меня Эрик, поглаживая по волосам.

— Это я во всем виновата, — рыдаю я.

— Нет, это не так. Он сделал это, именно он принял решение стрелять в них.

— Если бы я вернулась...

— Инди, он бы все равно стрелял по ним. Он же проклятый пират. Неужели ты действительно веришь, что он никогда не делал ничего подобного в своей жизни?

— Прекрати! — плачу я, закрывая лицо.

— Мы свободны, мы вернемся домой и...

— И что? — кричу я. — И жить в страхе? Прятаться до конца жизни? Что, Эрик?

— У нас все будет хорошо.

Черный и белый. Черный и гребанный белый. Он не видит больше ничего.

— Индиго?

Я поднимаю голову и вижу, как в комнату входит высокий темноволосый мужчина. Он одет в кипенно-белую форму матроса. У него добрые голубые глаза.

— Это я, — шепчу я, садясь.

— Вы больны?

— Нет.

Он кивает и проходит дальше.

— Я заставлю кого-нибудь прибрать этот беспорядок. Если у вас есть минутка, я хотел бы обсудить наши планы.

— Планы? — хрипло повторяю я.

— Очевидно, вы не будете в безопасности, пока мы не пересадим вас с корабля на самолёт домой, но до этого нам понадобятся некоторые заявления. Сейчас с нами вы под защитой, но когда мы прибудем на маленький остров в док, нам нужно будет скрыть вас, пока мы не отыщем безопасный транспорт. Даже после того, как вы приедете домой, я бы предложил вам постоянное наблюдение в течение, по крайней мере, нескольких месяцев.

— М... мы останавливаемся на острове?

— На самом деле это маленький город. Мы полностью защитим вас, но вам нужно будет следовать инструкциям. Мы еще не знаем, с чем имеем дело, и подвергаетесь ли вы опасности или нет.

— Они же пираты, — огрызаюсь я. — Конечно, я в опасности.

— Вы говорите — пираты?

— Послушай, я не буду писать заявление, ладно? Я не буду давать показания, потому что вы не сможете ничего сделать, чтобы остановить их. Я не пойду на это, потому что смысла нет. Они там уже более десяти лет, и вы ничего не измените. Я просто хочу вернуться домой и забыть об этом.

— Инди, — кричит Эрик. — Тебе нужно дать показания против него.

— Зачем, Эрик? — кричу я. — Что изменится?

— Он должен заплатить.

— Он не заплатит, и ты знаешь об этом так же хорошо, как и я, как и он, — огрызаюсь я, указывая на офицера.

— У нас есть собственные способы, поэтому нам и нужны ваши полные показания, чтобы обеспечить вашу безопасность. Когда мы прибудем на остров, мы зарегистрируем вас в отеле и будем держать там под наблюдением, пока мы не отыщем самый безопасный способ добраться домой.

— Как бы то ни было, — шепчу я, ложась и поворачиваясь на бок, — не могли бы вы оставить меня?

— Если вам что-то нужно, не стесняйтесь спрашивать, — говорит офицер, прежде чем покинуть комнату.

Я чувствую, как Эрик придвигается ко мне.

— Почему ты его защищаешь?

— Я не защищаю его, Эрик, — шепчу я. — Я просто указываю на факты.

— Он собирался продать тебя, а ты, по существу, отказываешься дать информацию.

— Он чертов пират, — я рычу, поворачиваюсь и смотрю на него. — Ему ничего не будет, потому что в океане он сам себе гребаный закон.

Выражение лица Эрика меняется, и он поднимает руку, пробегаясь по волосам.

— Ты беспокоишься о нем, не так ли?

— Нет!

— О... мой... Бог, — раздраженно выпаливает он. — Ты, черт возьми, заботишься о сволочном ублюдке, который собирался продать тебя! Что, черт возьми, с тобой не так, Инди?

— Не надо, Эрик.

— Не надо? — кричит он. — Не надо что? Скажи, ты действительно такая дура? Какого черта, ты ведешь себя так глупо? Что он мог такого сделать, чтобы ты почувствовала к нему что-то кроме ненависти?

— Может, он меня трахнул, — рычу я.

Мои руки дрожат, и в душе я ужасаюсь собственным словам, но сейчас у меня нет эмоций. Я просто онемела.

Эрик откидывается назад и кладет руку себе на грудь.

— Я знал это!

— Ага, — бурчу я, — уверена, что знал. И, Эрик еще ты должен знать: это было потрясающе.

Эрик дает мне пощечину. Он вытянул руку и хлестнул меня по лицу. Я взвизгиваю и падаю назад, с ужасом прижимая руку к лицу.

— Я сидел, гнил в чертовой камере, а ты трахалась с мужчиной, из-за которого мы попали в такое положение?

— Я пыталась спасти твою чертову жизнь! — кричу я. — Я делала все, что нужно, чтобы вытащить нас оттуда.

— Только потому, что ты, бл*дь, хотела это сделать, так что не преподноси это как благое дело, — плюется он.

— Убирайся, — хриплю я. — Убирайся к черту!

— С удовольствием, — рывкает он, прежде чем развернуться и устремится вон из комнаты.

Дверь хлопает, и я, разрыдавшись, падаю на кровать.

Боже, помоги мне.

В жизни не чувствовала хуже, чем сейчас.

Все потеряло смысл.

~ * ГЛАВА 15 * ~

Полундра!

До тех пор пока мы не причаливаем, я с той кровати вообще не встаю. Мы останавливаемся у крохотного городка на маленьком острове, и я просто следую инструкциям. Эрик не разговаривает со мной, пока они перевозят нас с корабля на сушу. Меня пошатывает, когда я следую в город за офицерами, идущими по обе стороны от меня. Эрик идет позади меня, ему также предоставлена полная защита до возвращения домой. Мысль об этом вовсе не так волнующа, как я думала. Я чувствую скорее... пустоту. Как и моя жизнь, уже ничто не будет прежним.

— Мы поселим вас в гостиничные номера, чтобы вы отдохнули, пока не найдем самый безопасный способ отправить вас с острова, — произносит темноволосый офицер, которого я видела предыдущей ночью.

Я не отвечаю ему. И Эрик тоже.

Я просто шагаю.

Я разглядываю городок. Он старый. Похоже, построен в начале 1900-х годов. Дома и магазины сплошь деревянные и не скрывают запущенности. Немногочисленные дороги — дрянные и требуют серьезного ремонта. Впереди идет большая группа пожилых людей, а слева находится внушительный причал с сотнями яхт и кораблей. Что ж, думаю, это и есть

его основное предназначение — дать людям пришвартоваться. Я вижу несколько крупных складов, которые, наверняка, наполнены припасами.

Мы проходим еще несколько улиц, пока не добираемся до мотеля. Он старый, с выцветшей желтой краской на фасаде и деревьями, которые видали лучшие дни. Однако он скрыт от посторонних взглядов, а это то, что нужно. Темноволосый офицер ведет нас к регистрационной стойке, где нас встречает рыжеволосая леди в очках:

— Здравствуйте, чем я могу вам помочь?

— Я звонил вам ранее, меня зовут Лайл.

Лайл.

Рыжеволосая дама переводит взгляд на нас, и ее глаза округляются. Почему? Лайл сказал ей, кто мы такие? Она знает, что мы — те самые пропавшие без вести? Сколько еще людей знают об этом?

— Конечно, у меня готовы два номера.

— А присутствие моих офицеров не вызовет проблем у других гостей?

— Ни в коем случае.

— Спасибо, — говорит Лайл, забирая у нее два набора ключей.

Словно два зомби, мы с Эриком поворачиваемся и следуем за ним. Мы бредем по старой никудышной цементной дорожке, пока не доходим до двух дверей, старых, коричневых и обшарпанных. Лайл открывает первую и поворачивается ко мне:

— Этот — ваш, Индиго.

Я ступаю в комнату и морщу нос. Она не очень-то... привлекательна. В центре комнаты стоит старая двуспальная кровать. Слева находится рабочий стол и дешевый пластиковый стул. Я не видела ванную, но думаю, она за дверью справа от кровати. Там же небольшой холодильник с напитками, микроволновка, а еще изодранный кожаный диванчик и крошечный телевизор.

— Я знаю, он не слишком хорош, но надеюсь, что вы здесь только на ночь. Обслуживание номеров доступно круглосуточно, оплачиваем мы, так что заказывайте, что вам нравится.

Я киваю и поворачиваюсь к нему:

— Спасибо, — бубню я.

— Ваша охрана будет стоять у каждого входа в комплекс, и вот мой номер, если вас что-то беспокоит или испугает.

Он вручает мне карточку. Я беру ее и тут же перевожу взгляд на него:

— У меня нет телефона.

— В номере есть. Вы можете воспользоваться им в любое время.

Я киваю и складываю руки на груди:

— Это все?

— Да, — говорит он, слегка улыбаясь, прежде чем повернуться и выйти из комнаты.

Когда он выходит, я подхожу к кровати и падаю, обхватив себя руками.

Я чувствую себя опустошенной.

Онемевшей.

И я этого не понимаю.

* ~ * ~ * ~ *

Я запираю дверь и за всю ночь ни с кем не связываюсь. Я ложусь спать пораньше, и мое истощенное тело погружается в глубокий сон. А проснувшись утром, я не чувствую себя лучше. Внутри меня все еще болит. Я скучаю по нему, но это бессмысленно. Все так запуталось, и я ненавижу, что жажду кого-то, у кого нет никаких чувств или заботы обо мне или моей жизни.

Я принимаю душ и натягиваю новую пару одежды, которую мне дали на корабле.

Затем заказываю завтрак, снова забираюсь на кровать и включаю телевизор. Тут же я вижу лица, мое и Эрика, буквально во весь экран. Я сижу и в шоке пялюсь на него. Наши фотографии во всех новостях с надписями вроде: «чудом выжившие после аварии на яхте». Я встаю с кровати и подхожу ближе, прислушиваясь к репортажу женщины с мышиными каштановыми волосами, говорящей в микрофон с таким компетентным видом.

Да она даже понятия не имеет, о чем рассказывает.

— Индиго Уотерс и Эрик Джордж были найдены вчера поздно вечером, после того, как пропали без вести более двух недель назад. Они были на яхте, затонувшей после взрыва. Несколько дней продолжались поиски на воде, но исчезнувших не обнаружили. Как было сказано, капитан яхты хотел сократить путь и отклонился от привычного маршрута. Найденные здоровы, их жизни ничего не угрожает. Больше информации через час.

Джон сокращал путь? Он довез нас туда? Это то, что они говорят? Я качаю головой и потираю руками живот, чувствуя себя подавленной. Теперь весь мир знает, и в то же время — нет. Они так далеки от истины. Я встаю с кровати и почти дохожу до телефона, чтобы спросить Лайла о СМИ, у которых есть наши фотографии, когда в дверь стучат. Со слабым вздохом я

подхожу, распахиваю ее и вижу Эрика. Он бледен и дрожит. Может, он тоже видел новости?

— Эрик, что...

Прежде чем я заканчиваю свое предложение, в поле зрения появляется Кейн. Весь мой мир останавливается. Я открываю рот и шокировано вздыхаю, пока смотрю на мужчину, от которого бежала, мужчину, который каким-то образом проследовал сюда за мной. Он выглядит по-другому, но все же, это он. Его глаза такие же холодные и синие, как и всегда, а его когда-то короткие светлые волосы отросли и стали завиваться на шее. Для посторонних Кейн чрезвычайно привлекательный мужчина. Для меня он — монстр.

— К... Кейн, я не...

— Привет, Индиго, давно не виделись.

Он проходит дальше и поднимает пистолет. Мои колени подгибаются, я протягиваю руку и хватаюсь за дверь, чтобы устоять, когда страх пронзает мое тело.

— Что, не пригласишь меня?

Я отступаю, не могу ничего с собой поделать. Эрик перехватывает мой полный ужаса взгляд и начинает дрожать еще сильнее. Кейн вталкивает его через дверной проем, захлопывает дверь, а затем поворачивается к нам обоим, указывая пистолетом в нашем направлении.

— Садитесь, ну.

Мы оба делаем несколько шагов назад к кровати и медленно опускаемся на нее. Кейн начинает вышагивать по комнате, похлопывая пистолетом по ладони.

— К... как ты сюда попал? — шепчу я.

Он поворачивается ко мне и издает негромкое хриплое хихиканье.

— Да легко. В СМИ рассказывали о вас, а на прошлой неделе, когда появилась информация о затонувшей яхте, в новостях замелькали ваши фотографии. Было обнаружено только одно тело, а спасательный катер исчез. Я и подумал, что вы выжили. Либо так, либо вы умерли, но я не рискнул упустить свой шанс убить тебя, как ты того заслужила, поэтому полетел и начал обшаривать эти островки.

Он останавливается и холодно хихикает.

— А вчера, я снова увидел ваши лица во всех новостях. Они нашли вас, и вы были благополучно доставлены на остров, пока вас не отправят домой. В этом районе есть только один остров, и я узнал предысторию интервью у репортера, который говорил напрямую с ВМФ. Я сел в самолет и был здесь меньше, чем через два часа. Я прилетел сегодня утром,

задаваясь вопросом, что делать дальше. И тут появился Эрик, в том же магазине, где был я. Словно все, что я запланировал, складывалось само собой. Я пригрозил пистолетом его яйцам и сказал ему притвориться, что я его брат, и отвезти меня в свой номер. Ваши друзья-идиоты даже не допросили его.

О.

Боже.

Я пытаюсь перейти в режим выживания и подумать обо всех тех приемах, которым нас учили в подобных ситуациях. *«Продолжайте говорить с ними, не сердите их, пытайтесь получить помощь»*. Я нахожу глазами телефон на кухне. Мне просто нужно добраться до него... и позвонить Лайлу. Сначала мне нужен отвлекающий маневр, что-то, чтобы мысли Кейна занялись не мной.

— Иди и убей меня, Кейн. Мне все равно, — бормочу я монотонным голосом.

Его лицо меняется от замешательства, а потом он фыркает.

— Даже не пытайся, Индиго. Я не позволю тебе легко уйти. Нет, я собираюсь сделать это болезненным. Я собираюсь заставить тебя смотреть, как кричит твой друг. Вот тогда я убью тебя медленно, мучительно, пока ты будешь проживать каждую минуту гребаного ада, через который ты заставила меня пройти.

— Ты это заслужил! — выплевываю я.

Это переполняет его чашу терпения.

Он подлетает ко мне и так сильно бьет меня по щеке прикладом пистолета, что я запрокидываю голову. Я валюсь назад и скулю в агонии, чувствуя, как сильная боль начинает пульсировать в щеке и разливается в голове. Синяк будет устрашающим.

— Вставай, — рявкает Кейн.

— Пожалуйста, хватит, — кричит Эрик.

— Заткнись, маменькин сынок, или я отрежу твой член и засуну его тебе в горло.

Эрик всхлипывает, а Кейн хватается за меня и швыряет вниз. Я кричу и со стуком приземляюсь на пол перед ним. Ковер царапает мои колени, а щека будто огнем горит. Я вынуждена хорошенько поморгать, чтобы остановить головокружение, которое грозит потерей сознания. Пальцы Кейна впиваются мне в волосы, и он, прикрикнув, поднимает меня с пола.

— Отпусти меня! — кричу я, набрасываясь на него и ударяя его по голени.

Он ревет от боли и отшатывается назад. Я бегу к двери, но раздаётся

выстрел, и, прежде чем я могу сделать что-нибудь еще, обжигающая боль впивается мне в ногу. Я снова падаю на пол. Я кричу, кричу так громко, что Кейн орет на меня, чтобы я заткнулась. Кровь заливает мне ногу, ощущение, будто бедро проткнули насквозь раскаленной кочергой. Я разворачиваюсь, хватая ртом воздух, потому что боль становится слишком сильной.

— Пожалуйста, — шепчет Эрик, — хватит.

— Ах ты, гребаная сука, — ругается Кейн, упираясь ногой мне в ребра. — Я, бл*дь, убью тебя за все то, через что я прошел из-за тебя.

Он атакует меня, но в последнюю минуту я изворачиваюсь. Я прикладываю все силы, чтобы двигаться, потому что боль невыносимая, но так я не умру. Я не позволю ему убить меня. Когда я откатываюсь, он поворачивается вслед за мной, а я двигаю кулаком ему в пах, и он падает на колени со страдальческим ревом. Пистолет выпадает из его руки. Я бросаюсь на Кейна, вбивая кулак в его лицо так, что его голова откидывается в сторону. Он кричит от боли и хватается меня за запястья, заезжая мне кулаком в щеку. Мир перед глазами вращается, и я быстро моргаю, пытаюсь сосредоточиться. Эрик несколько раз вскрикивает, но ни разу не пытается помочь.

Я перевожу взгляд на пистолет, когда Кейн снова бьет меня кулаком. Я сплевываю кровь изо рта и выворачиваюсь из его хватки, мое запястье горит, но я бросаюсь за пистолетом. Кейн делает то же самое, но Эрик хватается оружие первым. Он весь побледнел и смотрит на холодный металлический предмет в руке, будто никогда до этого не видел. Оружие ужасает его, я знаю это, одна мысль, что ему, возможно, придется использовать его, заставляет сомневаться в себе.

Кейн запрыгивает на меня сверху, садится мне на спину и вдавливают меня в ковер. Мое лицо вбивается в пол, и я чувствую, как из моего носа течет кровь. Я кричу и пытаюсь сбежать вперед, но он прижимает меня сильнее.

— Я убью тебя на хер, чертову шлюху! — ревет он. Я вижу краем глаза мерцание ножа и знаю, что у меня секунды, прежде чем Кейн воткнет его мне в спину и убьет меня.

— Эрик, стреляй в него! — кричу я.

Следующее мгновение моей жизни проходит в замедленном темпе. Нож Кейна, который он, очевидно, вытащил, направляется прямо на меня в тот же момент, как Эрик нажимает на курок. Громкий треск заполняет комнату мотеля. Кейн дергается, его тело скатывается с меня, и я слышу его крик боли. Я в шоке оседаю, не могу двинуться, не могу даже отползти.

Эрик подбегает и опускается на колени рядом со мной.

— Индиго, ты как? — в отчаянии кричит он.

Я чувствую, что в норме, несмотря на жгучую боль в ноге.

— Тебе нужно пойти и привести помощь, Эрик. Сейчас же.

— Я...

— Эрик, сделай это до того, как он перестанет кричать и решит заставить меня заплатить за то, что ты в него стрелял.

— Я просто хочу убедиться, что ты в порядке.

Я закрываю глаза, чувствуя, как они горят. Открываю их через мгновение и хватаю Эрика за руку. Я знаю, что вижу его в последний раз, пусть он этого и не понимает.

— Я люблю тебя, Эрик, хорошо? Ты такой смелый. Пойди и приведи помощь, я буду в порядке.

Эрик лихорадочно кивает и сует пистолет мне в руки, пока я встаю на ноги. Затем он поворачивается и открывает дверь. У меня только пара минут. Я смотрю на Кейна, и в моей груди разрастается гнев. Он пришел сюда, зная, что один из нас не выйдет живым. Я тоже это знаю, и в тот момент, когда пуля вонзилась мне в ногу, решила, что это буду не я. Я смотрю, как он поднимает голову. Кровь капает с его шеи, и когда он улыбается этой больной, злобной улыбкой, его зубы тоже в крови.

— Ты не сможешь этого сделать, — рычит он. — Ты не сможешь жить с этим.

— Посмотрим, — выпаливаю я, целясь в него из пистолета. — Вот, где ты всегда ошибался во мне. Когда дело доходит до монстров, у меня нет никаких сомнений.

— Но ты должна будешь жить с этим, — скрежещет он. — Каждый раз, засыпая, ты будешь в мыслях видеть мое мертвое лицо.

— Я бы не сказала, что это страшный сон.

— Ты заслужила все это, Индиго! Ты бесполезна. Даже твой отец не хотел тебя.

Я знаю, что он пытается сделать, но это не сработает.

— Твои слова больше ничего не значат для меня, Кейн.

— Ты, бл*дь, слабачка, кото...

Его голос замолкает, когда я нажимаю на курок. Пуля попадает ему прямо между глаз, и его тело падает на пол. Я стою на месте в полном шоке.

Не уверена, что ожидала почувствовать, когда заберу жизнь Кейна. Я даже не уверена, что осознаю, что же чувствую сейчас. Я слишком напугана и знаю, что у меня есть всего лишь несколько минут, поэтому

быстро отбрасываю пистолет и, развернувшись, кидаюсь к двери мотеля. Добежав до нее, приоткрываю, быстро осматриваясь. Охранники сгрудились в передней части отеля, и Эрик отчаянно кричит им.

Я смотрю налево, там густые деревья. Я должна идти туда, это моя единственная надежда. Мне нужен план, но для этого, надо уйти отсюда. Я не размышляю о своих действиях: если начну, то запаникую.

Я выбегаю из мотеля, и нога начинает пульсировать от боли, но этого недостаточно, чтобы остановить меня. Адреналин растекается по венам, когда я добираюсь до низкой проволоочной ограды и прыгаю через нее, приземляясь на другую сторону с глухим ударом. Я слышу хруст под сапогами и крики и знаю, что они вскоре обнаружат мертвого Кейна в моей комнате.

Я вбегаю в частую поросль деревьев, отталкивая ветки и сучья, чтобы двигаться как можно быстрее. Заросли такие густые, земля мокрая, но я упорно продолжаю продираться сквозь них. Деревья сгущаются еще больше, и, кажется, что я бегу больше часа, прежде чем они начинают редеть. Я прищуриваюсь от пота, заливающего лоб, и разглядываю просвет впереди. Слава Богу. Я пробираюсь сквозь деревья дальше, и когда, наконец, добираюсь до открытой местности, выбегаю, даже не пытаясь осмотреться.

Как только я оказываюсь на виду, мой взгляд падает на большой и очень знакомый корабль. *О. Дерьмо.* Я отчаянно обвожу взглядом палубу корабля и вижу знакомое лицо. Дрейк. Его глаза округляются, когда он замечает меня. Он что-то кричит. Я не могу вернуться к ним, хотя они, скорее всего, единственный шанс избежать жизни в тюрьме. Я не могу рисковать быть проданной после всего, через что я прошла. Просто не могу. Паника распирает мне грудь, и осознание ситуации поражает меня, как удар кирпичом.

Я убила человека.

О, Боже.

Я — убийца.

Я быстро разворачиваюсь и бегу обратно.

— Инди, остановись! — кричит Дрейк.

Я возвращаюсь к деревьям и, когда добираюсь до них, оглядываюсь назад только чтобы увидеть, как Хендрикс буквально перемахивает через борт корабля. Ублюдок приземляется на ноги и бросается за мной. *О, черт!* Я увеличиваю темп, проталкиваясь обратно сквозь гущу деревьев. Я добегаю до гигантского пня и перепрыгиваю через него, вот только приземляюсь лицом вперёд в грязную лужу. Я вскрикиваю и отталкиваюсь

руками и коленями, устремляясь вперед, но через несколько мгновений другое тело впечатывает меня снова в ту же лужу. Я извиваюсь и пинаюсь, кричу и борюсь.

— Индиго, стой! — кричит Хендрикс мне в ухо, прижав меня к земле.

— Нет, нет, нет, нет, — выкрикиваю я.

— Хватит, — командует он, вставая с земли и поднимая меня с собой.

И прежде чем у меня появляется шанс побороться, я оказываюсь в воздухе и перекинута через его плечо.

Я тычу кулаками в его спину, крича и извиваясь, пока он несет меня обратно через заросли.

— Снимайтесь, мы отплываем сейчас же, — рычит он.

— Отпусти меня, пожалуйста, Хендрикс, пожалуйста.

— Молчи, — рявкает он.

Он несет меня к трапу и подталкивает вверх. Дрейк наклоняется, хватая меня за плечи и без усилий поднимает. Он обхватывает меня своими большими руками и крепко прижимает, хотя я кричу и царапаюсь. Хендрикс появляется через несколько мгновений, и я закрываю глаза, не желая его видеть.

— У нее кровь идет, води ее вниз.

— Нет, пожалуйста, нет! — кричу я.

Дрейк буквально тащит меня, брыкающуюся и вопящую, под палубу. Он отпускает меня, только когда мы добираемся до каюты Хендрикса, и они оба заходят внутрь. Я бросаюсь к двери, но Хендрикс в ту же секунду ловит меня, прижав к себе. Его большие руки обхватывают меня, и он держит меня так крепко, что я едва могу дышать. У меня кружится голова, и я чувствую, что у меня гипервентиляция. Я дрожу, и мои зубы клацают от шока.

— Хватит. Если ты не прекратишь, я заставлю Джесс успокоить тебя.

— Я не хочу быть здесь, пожалуйста, не делай этого со мной. Пожалуйста, мне нужно уйти. Не продавай меня. Хендрикс, пожалуйста. Я не хочу этого. Я ненавижу тебя. Я, бл*дь, ненавижу тебя, потому что люблю. Ненавижу тебя. Отпусти меня. Пожалуйста. Дай мне уйти. Я должна бежать. Я убила его. Я должна бежать. Не продавай меня.

Мой лепет становится бессмысленным, мысли кружат и кружат, и я чувствую, что вот-вот взорвусь от эмоций. Грудь сдавливает паника, и я не могу дышать.

— Ты... что ты сказала? — хрипло говорит он мне на ухо.

— Кэп, она в шоке, перепугалась. Тебе нужно ее успокоить.

— Приведи Джесс, — приказывает Хендрикс.

Дрейк покидает комнату, а Хендрикс волочет меня к кровати, бросает на нее, а сам садится на меня сверху.

— Посмотри на меня, Индиго.

— Отпусти меня, — кричу я, мотая головой из стороны в сторону. — Отпусти меня, Хендрикс, пожалуйста.

— Прекрати, — спокойно говорит он. — Малышка, остановись.

— Отпусти меня. Ненавижу тебя. Люблю тебя. Я убила его.

Моя болтовня выходит из-под контроля, и голова кружится так сильно, что я чувствую себя больной. У меня начинаются позывы к рвоте, хотя в желудке ничего нет, и Хендрикс матерится. Через несколько мгновений я слышу больше знакомых голосов.

— У нее паника и бессвязная речь, думаю, она в шоке, — слышу я, как говорит Хендрикс.

— Держи ее, я сделаю укол, чтобы она успокоилась.

Джесс.

— Джесс! — кричу я, чувствуя, как мои руки хватают пустоту.

— Я здесь, детка, все в порядке, ты в порядке. Просто держись за меня.

Я чувствую, как кто-то хватается меня за руку, а потом укус боли.

Через мгновение мой мир переворачивается, и меня снова засасывает в темноту.

~ * ГЛАВА 16 * ~

Боцман!

Заморгав, я открываю глаза и на какое-то время единственное, что вижу, — это тусклый свет. Я моргаю раз, другой, и постепенно реальность доходит до меня. Я снова на корабле Хендрикса. Как, черт возьми, я сделала оборот на 360° всего за несколько коротких дней? Как он вообще узнал, что я на том острове? *О, кого я обманываю!* Наши лица мелькали во всех новостях. Кейну удалось найти меня за день. Вспомнив о Кейне, я содрогаюсь и обнимаю себя.

Нужно решать проблемы по мере поступления.

Я не могу остаться на этом корабле. Я боролась так сильно не для того, чтобы сдать назад.

Медленно поднимаюсь и осматриваю каюту. Слава Богу, его здесь нет.

Я соскальзываю с кровати и чувствую боль в ноге. Я гляжу вниз и вижу повязку. Бьюсь об заклад, это сделала Джесс. Мои воспоминания о том, что произошло после того, как меня нашел Хендрикс, туманны. Я была в такой панике, что для меня это просто белое пятно. Я поднимаю руку, пальцами ощупываю опухшую щеку и вздыхаю. Я не могу сейчас думать о Кейне. Не могу. Просто... не могу. Отыскиваю себе одежду и натягиваю ее, а потом иду к двери и выглядываю наружу.

Коридор пуст.

Выхожу и иду по направлению к палубе. Я рискну. Я сяду в эту чертову шлюпку и рискну. Я больше не буду притворяться и не позволю себя продать. Поднявшись на палубу, я вижу Хендрикса и Дрейка, стоящих на корме и тихо разговаривающих между собой. Заметив меня, оба замолкают. Я отступаю. Дрейк смотрит на Хендрикса, но тот прожигает взглядом меня.

— Спустись под палубу и никого сюда не пускай.

Дрейк кивает и уходит, посылая мне быструю мягкую улыбку, а потом исчезает из виду. Я снова перевожу взгляд на Хендрикса, пока он медленно подходит ко мне.

— Не делай этого, — шепчу я. — Просто дай мне уйти, Хендрикс.

— Я не могу, *inocencia*, — говорит он осторожным тоном.

— Просто отпусти меня. Я все равно найду способ сбежать. Я не позволю тебе удерживать меня здесь.

Он останавливается передо мной и протягивает руку, но я отталкиваю ее и ныряю под руку, отбегая к борту.

— Отсюда нет никакого выхода. Ты это знаешь.

Я резко разворачиваюсь, меня потряхивает от эмоций.

— Я ненавижу тебя! Я, бл*дь, ненавижу тебя. Просто отпусти меня, не заставляй меня становиться чьей-то секс-рабыней. Я этого не заслуживаю.

Меня всю начинает трясти, и по щекам текут слезы. Он, кажется, шокирован моим плачем и склоняет голову на бок, будто изучая меня.

— *Inocencia*,... — начинает он.

— Иди ты на хрен! — кричу я, устремляясь к двери. Он ловит меня еще до того, как я добираюсь до нее, обхватывает своими большими руками и тесно прижимает меня к себе.

— Отпусти меня, — сипло шепчу я. — Просто отпусти меня.

— Послушай меня, — приказывает он.

— Пошел ты, пират!

— Индиго...

— Нет, — кричу я, толкая его так сильно, что он делает два шага

назад. — Я не буду тебя слушать. Все, что ты собираешься сделать, это заставить чувствовать себя неполноценной. Знаешь, что можешь заставить кого-то чувствовать себя абсолютно никчемным? Ты прикасался ко мне, как будто я важна для тебя, и все равно смотришь на меня, как на товар. Я не буду им. Я этого не заслуживаю. Я не...

Он движется ко мне до того, как я заканчиваю, и прежде чем я понимаю, что происходит, он хватает меня за плечо и дергает на себя, стремительно прижимаясь губами ко мне.

Мой мир останавливается.

Ноги подкашиваются.

Хендрикс стискивает мою талию и приподнимает меня, а потом разделяет мои онемевшие от шока губы своим языком. Мне требуется только мгновение, чтобы ответить ему. Все мое тело посылает от тепла, сердце колотится, а живот полон бабочек. Я открываю рот и позволяю его языку скользнуть внутрь. Я прижимаю свой язык к его и наконец-то чувствую вкус Хендрикса. Этого стоило ждать. Его губы, язык, рот — это как небо. Прикосновение щетины к моим щекам точно такое, как я себе представляла.

Он издает горловой звук, толкает меня к борту корабля, и безумие захватывает нас обоих. Я цепляюсь за его шею, притягивая ближе, а он наклоняется, берется за мои штаны и тянет вниз.

Я не перестаю целовать его, не могу остановиться. Я хнычу ему в рот, а теплый поток соленого воздуха заставляет взметнуться мои волосы. Он поднимает руку, сгребая густые пряди и дергая мою голову назад. Его рот ускользает от меня, и я неодобрительно стону. Он усмехается и продолжает стягивать мои штаны. И вот его губы снова на моих: жесткие, отчаянные, голодные.

Он хватается за свои джинсы, рывком стаскивает их вниз, а затем поднимает мою ногу к себе на бедро, прежде чем оттолкнуть мои трусики в сторону. Напористо и быстро. О, да. Он стискивает мою задницу, пальцы впиваются в мою плоть, а затем он пронзает меня одним быстрым движением. Я кричу, отпуская его губы и откидывая голову назад. Второй рукой он сжимает мой затылок и отклоняет голову так, чтобы он мог прижаться своими губами к шее. А потом медленно выходит и снова вбивается в меня.

— О, Боже, — всхлипываю я. — Хендрикс.

— Такая чертовски мокрая, — рычит он мне в шею, снова толкаясь в меня.

Нога, все еще стоящая на земле, начинает подгибаться, и я упираюсь в

борт корабля для равновесия. Хендрикс отпускает мои волосы, кладет руку на перила и начинает толкаться сильнее и быстрее. Я вскрикиваю, мое естество сжимается, а тело покалывает от нужды. Его рука все еще лежит на моей заднице, он использует ее, чтобы управлять каждым толчком, убеждаясь, что мои бедра под этим идеальным углом. Я чувствую, как моя киска сжимается, и разряды удовольствия все ближе и ближе, пока я не взрываюсь.

— О, Боже! — кричу я.

— А-а, черт, — рычит Хендрикс.

Мы кончаем одновременно, как будто наши тела синхронизированы. Я чувствую каждое содрогание его члена и не сомневаюсь, что он может почувствовать каждое сокращение моей киски. Он медленно отпускает мою попку, и я скольжу ногой вниз. Хендрикс обнимает меня за талию, но все еще прижимает к борту. Я опускаю голову ему в грудь и вдыхаю его запах.

— Я передумал, — бормочет он мне в волосы. — Я не продаю тебя, Индиго.

Я поднимаю голову и смотрю ему в глаза.

— Почему?

Он мгновение вглядывается в океан, прежде чем повернуться ко мне.

— Потому что ты делаешь что-то со мной, прямо здесь, — произносит он, хлопнув себя груди, прямо над сердцем. — И есть кое-что, чему я выучился за свою жизнь: когда что-то затрагивает твое сердце, не отпускай это. Не так уж и много вещей могут так повлиять на человека.

Я чувствую, что все мое тело переполняется... любовью?

Я влюблена в Хендрикса?

— Как только я увидел убегающую тебя, то понял, что совершил ошибку. Было тяжело смотреть, как ты уплываешь от меня, и в тот момент я осознал, что ты забралась глубже, чем я думал. Ты что-то значишь для меня, *inopescia*, не совсем уверен, что именно, но я не отпущу тебя.

— Почему ты так называешь меня? — шепчу я.

— Потому что ты такая и есть, Индиго, — бормочет он, убирая с моего лба случайную прядку. — Ты — невинная.

Невинная.

Я больше не невинная.

~*~*~*~

— Сядь, — говорит Хендрикс, а я смотрю на комнату полную пиратов.

Я сажусь, а он становится рядом со мной, сжимая спинку стула.

— У нас могут быть проблемы, а может, и нет. Я пока не уверен, как это пройдет, но знаю, что нужно быть начеку. Индиго сделала кое-что на том острове, что может ей аукнуться, и мы будем здесь, чтобы защитить ее.

Я вздрагиваю и обнимаю себя руками. Джесс подхватывает свой стул и садится рядом со мной, беря меня за руку. Я тут же чувствую благодарность к ней.

— Инди, нужно, чтобы ты вкратце рассказала нам, что произошло, и кто это слышал, — говорит Хендрикс, глядя на меня.

Я сглатываю слюну и отвожу взгляд. Я еще не рассказывала о Кейне. Ни слова, даже Хендриксу.

Я — убийца.

Я закрываю глаза и произношу так громко, как могу:

— Он нашел меня, потому что видел мое лицо во всех новостях. Он увидел Эрика и использовал его, чтобы добраться до моего номера в мотеле. Произошла драка, Эрик достал пистолет и выстрелил ему в шею. Я сказала Эрику пойти за помощью, а потом...

Я вздрагиваю, Хендрикс берет меня за плечо и слегка сжимает.

— Давай дальше, детка.

— Я застрелила его. Намеренно. Я знала, что должна это сделать. Я отослала Эрика, чтобы он не стал свидетелем. Сказала ему пойти за помощью, а потом выстрелила и сбежала. Я видела, как офицеры собрались все вместе, когда сбежала из мотеля, но они не заметили меня. Я убежала и тогда нашла тебя.

— Ты бросила пистолет там? — уточняет Хендрикс.

— Э-э... да.

— Есть вероятность, что они представят это как самозащиту, если уж на то пошло, но ты не оказала помощь. У меня есть источники, посмотрим, что я смогу узнать об этом деле.

— Что ж, полагаю, что теперь нам также придется иметь дело с Чоппером? — спрашивает Дрейк.

Чоппер.

Я вздрагиваю.

От одной только мысли об этом человеке мне становится плохо, а ведь я даже никогда не видела его.

Хендрикс поворачивается и смотрит на меня, и что-то есть такое в его лице... что-то... жалость? *Почему он так на меня смотрит?*

— *Inocencia*, мы должны поговорить об этом, есть кое-что, что ты должна знать.

Я качаю головой, запутавшись.

— Я думала, что... ты не будешь торговать мной?

Внутри меня все будто переворачивается, и я изо всех сил пытаюсь дышать. *Он передумал? Он все время лгал мне?*

— Эй, — говорит он, садясь на корточки передо мной. — Я не продаю тебя, но есть кое-что, что касается тебя и Чоппера.

— Какое отношение Чоппер имеет ко мне?

Он глубоко вздыхает, поднимает руку и трет лоб. Затем встает на ноги и смотрит на Дрейка.

— Что такое, кэп?

Хендрикс ни на кого не смотрит, а потом снова поворачивается ко мне.

— Помнишь, мы разговаривали перед тем, как ты сбежала на остров?

— Да.

— И ты помнишь, что назвала мне имя своего отца?

О чем он? Боже, Чоппер убил моего отца? Чувствую, как по коже бегут мурашки, когда я встречаюсь взглядом с Хендриксом.

— Я... да.

— Индиго, — начинает он. *О Боже, он использует мое полное имя. Это плохо, очень плохо.* — Чоппер... это твой отец.

Вся комната взрывается озадаченными пересудами и вздохами.

Я... я не могу сделать ничего, кроме как открыть рот.

Он только что сказал, что Чоппер мой отец?

Он ошибается. Мой отец — не грязный пират. Он добрый, красивый мужчина, который... бросил меня. Хендрикс ошибается. Он не может быть прав. Он знает либо неправильное имя, либо, может быть, это просто совпадение. Это не может быть правдой. Я смотрю на свои руки, и они дрожат. Почему они дрожат? Я не могу ему верить. Он ошибается. Он все не правильно понял.

— Ты ошибаешься, — шепотом говорю я. — Моего отца больше нет, и он не пират.

— Настоящее имя Чоппера — Чарльз Уотерс, Индиго.

— Значит они тезки, — внезапно рявкаю я, вставая на ноги.

— Я мог бы сказать то же самое, вот только, когда я думаю об этом... вы похожи. Инди, ты — вылитая он.

Мои руки дрожат, а челюсти сжимаются. *Как он посмел?* Как он смеет стоять здесь, в комнате, полной людей, и говорить эту гнусную ложь. Если он прав в том, что говорит, то отец, которого я обожала, — это мерзкий насильник, который берет женщин и продает их. Я не могу поверить в это. Я не могу в это поверить.

— Ты врешь! — кричу я. — Это так ты мстишь мне за бегство? Это твое наказание?

— Индиго, — говорит он почти нежно. — Я говорю тебе это, потому что ты заслуживаешь знать.

— Ты ошибаешься! — огрызаюсь я. — Мой папа — хороший человек. Я его знаю.

— Инди...

— Нет, — выплевываю я, поднимая руку. — Ты не можешь делать это в комнате, полной людей. Если ты хотел заставить меня заплатить, Хендрикс, ты отлично справился.

— Господи, Инди, ты, правда, думаешь, что я был бы таким козлом? Я не соврал бы тебе.

— Тогда зачем ты мне это говоришь? — всхлипываю я, ломаясь. Джесс оказывается рядом, потирает мне спину, чего я даже не замечала до сих пор.

— Потому что ты имеешь право узнать.

— Узнать зачем? Чтобы каждое представление о моем отце прямо сейчас было разбито?

— Инди...

— Давай, я заберу ее, — мягко говорит Джесс. — Я поговорю с ней.

Глаза Хендрикса умоляют меня, но я не принимаю это. Не могу. Он кивает, и Джесс берет меня за плечо и разворачивает, выводя в коридор. Она неспешно ведет меня в свою каюту, открывает дверь и подталкивает внутрь. Мы садимся на ее кровать, и она поворачивается ко мне.

— Я не думаю, что он лжет, дорогая. Хендрикс никогда не говорит, пока точно не узнает.

— Это не может быть правдой, Джесс, — шепчу я, чувствуя, как дрожат губы.

— Это может быть все не так, как ты думаешь. Может, твой отец не так уж плох.

— Он собирался продать меня ему как секс-рабыню, — вздрогнув, расплакалась я. — О каком «неплох» ты говоришь?

— Может быть, он и не продает их, или...

— Джесс, хватит. Я люблю тебя за заботу, но ты не можешь изменить реальность этой ситуации.

— Я знаю, дорогая...

— Я просто не хочу этого видеть, даже если он прав. Мой отец был для меня всем, и даже после того, как он ушел от меня, я все еще так сильно любила его. Я не хочу, чтобы этот образ был разрушен, я не хочу

видеть его таким, каким его описал Хендрикс. Я не могу...

— Но пока ты не увидишься с ним, ты не узнаешь, что реально, а что нет.

— Я знаю, — шепчу я. — Просто прямо сейчас я будто онемела. Этого всего слишком много, чтобы принять. Моя жизнь никогда не была легкой, но я справлялась с ней, и я выжала из нее по максимуму... а потом я попала сюда, и все, во что я верила, было растоптано. Я убила человека, Джесс...

Она поднимает свой взгляд на меня и кивает.

— Я знаю, дорогая.

— Я убийца, — шепчу я.

— Нет, ты женщина, защищающая себя.

Слеза скользит по моей щеке, и я изо всех сил пытаюсь сохранить самообладание.

— Я люблю его, Джесс.

— Я знаю, детка.

— Я не знаю, что делать...

— Зато я знаю, — бормочет она. — Ты должна продолжать жить и принимать каждый день таким, какой он есть.

Если бы это было так просто.

~ * ГЛАВА 17 * ~

Джсек Кетч

Теплое сильное тело проскальзывает ко мне в кровать, и я вздрагиваю, а потом вжимаюсь в него. Мне больно от того, что Хендрикс рассказал мне, но я так нуждаюсь в нем. Я чувствую, как он кладет свою большую руку мне на бок, затем обхватывает мой затылок и притягивает мои губы для поцелуя.

Интересно, целоваться с ним когда-нибудь станет привычным? Сейчас меня переполняет чувство, которое, кажется, не может исчезнуть. Оно становится сильнее с каждым разом, когда он обнимает меня.

Его губы теплые, со вкусом рома. Когда я открываю рот и позволяю нашим языкам танцевать, чувствую приятное жжение от алкоголя. Я поднимаю руки, запускаю их ему в волосы и привлекаю его еще ближе. Он издает рычащий звук и скользит рукой по моему телу, пока не обхватывает за спину и прижимает к себе. Я забрасываю ногу ему на бедра, и наши тела

соприкасаются. Член прижимается к моей киске, и трение его джинсов дарит мне замечательные ощущения.

Я никогда не думала до него, что можно хотеть кого-то так сильно. Мне все время мало того, что он может предложить. Он дает мне, а я не могу перестать принимать. Хендрикс отстраняется от моих губ, и я чувствую, как его теплое дыхание щекочет щеку, когда он прижимается к моему уху.

— Я трахнул тебя, *inocencia*, и заставил твое тело ожить, но я не дал того, что тебе нужно.

А что мне нужно?

— И что же это? — говорю я с придыханием.

— Я не занимался с тобой любовью.

О.

Милостивый.

Боже.

Я видела жесткую сторону Хендрикса, я видела, как он хладнокровно убивал, я видела монстра внутри него, но другая сторона его характера едва ли не с легкостью перевешивает все это. Есть в нем та нежная грань, такая трогательная, и в то же время у него она такая чертовски мужественная.

— Ты... хочешь заняться со мной любовью?

— Как ничего никогда не хотел, — бормочет он, а затем проводит губами по моей шее.

Никто никогда не занимался со мной любовью.

Говорят, что заниматься любовью — это не то, что заниматься сексом, это действительно определяет отношения. Хендрикс трахал меня, и это было крышесносно. И я, в самом деле, не могла себе представить, что может быть еще лучше. Тем не менее, внутренний голос говорит мне, что скоро я узнаю, что очень ошибалась. Когда Хендрикс проводит пальцами вверх мне по бокам, так медленно, так нежно, я уже знаю, что ошибалась. Без тени сомнения в моем сердце...

Я знаю, что это изменит что-то внутри меня.

Хендрикс снимает мою одежду так медленно, так бережно, что я едва чувствую прикосновения его рук. Когда я остаюсь голой, он снимает одежду с себя и щелкает тусклой лампой рядом с кроватью. Мое сердце начинает колотиться. Когда он смотрит на меня вот так, этими глазами на этом ошеломляющем лице, трудно думать о чем-то еще. Он склоняется ближе и прижимается в легчайшем поцелуе к моему носу. Я улыбаюсь, и впервые с тех пор, как я здесь, он тоже улыбается. Это не ухмылка и не усмешка, это искренняя и душераздирающе красивая улыбка.

Это только подтверждает то, что я уже поняла: Хендрикс — это все, что мне нужно.

Я беру в ладони его лицо и тихо говорю:

— Мне нужно поцеловать тебя снова. Ты слишком долго морил меня голодом.

Один уголок его рта приподнимается, и я почти задыхаюсь от желания.

— Поцелуй меня, сладкая.

Он наклоняет голову, и я ловлю его губы своими, мягко целую. Наши губы двигаются самым чувственным образом, и время от времени он покусывает мою нижнюю губу. Я позволяю ему толкнуть меня обратно на матрас, и он подминает меня под себя. Хендрикс мягко отрывается от моих губ и сдвигается вниз, скользя своим телом по моему, пока не находит ртом мою грудь. Он захватывает вершинку и сосет, иногда выпуская изо рта и щелкая по ней языком.

— Еще, — я хныкаю, выгибаясь, подталкивая соски глубже ему в рот.

Его пальцы пробегают по гладкой коже моего бедра, пока он мучает мои соски, и я кусаю губу, чтобы остановить отчаянный стон. Его пальцы рисуют круги на моей ноге, а потом медленно движутся вверх по бедру, нежно лаская, дразня меня. Он отпускает сосок и поднимает свои карие глаза, чтобы встретиться со мной взглядом. В его глазах сомнение, будто спрашивают, хочу ли я большего. Я издаю придушенный стон, и он улыбается, медленно опуская голову, и поцелуями спускается вниз по моему животу. По моей коже бегут крошечные мурашки, а ноги напрягаются. Ох уж это предвкушение.

Хендрикс заставляет мое лоно болеть от отчаянной нужды в нем, а он проходит мимо! Необходимость в том, чтобы он приложился ко мне ртом всепоглощающая.

— Пожалуйста, Хендрикс, — прошу я.

— Скоро, детка.

Он скользит вниз к пальцам ног и берет один в рот. Внезапный горловой стон, который срывается с моих губ, заставляет его смеяться. Он целует подъем стопы, а потом медленно ведет губами вверх по моим ногам, целуя, поглаживая, разминая кожу ладонями. Я закрываю глаза и опускаю голову на подушку. Это... это по-другому. Сердце заходится, тело осознает каждое его движение, а потребность поглотить его посылает меня за край.

Он проводит губами вверх по внутренней стороне бедра и делает глубокий вдох.

— Охренеть, идеально.

— Пожалуйста, — умоляю я, выгибая бедра.

— Т-ш-ш, — бормочет он, высунув язык и едва коснувшись кожи на внутренней стороне моего бедра.

Я вся сжимаюсь, и моя киска начинает пульсировать.

Он придвигается ртом еще ближе, и я чувствую горячее дыхание на моей коже. Затем он медленно погружает язык в мою обнаженную плоть и мягко скользит по ней и вокруг клитора. Я начинаю задыхаться, и мои пальцы впиваются в простынь так сильно, что их начинает ломить. Я мотаю головой из стороны в сторону, нуждаясь в большем. Хендрикс нажимает сильнее, его язык оказывает достаточное давление, чтобы клитор отправил разряд удовольствия в мой позвоночник. Я хриплю его имя и раздвигаю ноги шире, толкая бедра вверх.

— *Inocencia* любит, когда облизывают ее сладкую киску, — выдыхает он на мою кожу.

— Пожалуйста, — снова умоляю я. — Хендрикс, пожалуйста...

— Всему свое время, детка.

Он смыкает рот над клитором, и я неудержимо вздрагиваю, хнычу и выгибаюсь. Он всасывает его в рот, одновременно ударяя языком. Жар заливает мое тело, а киска начинает сокращаться и набухать. *О. Да.* Когда он мягко скользит пальцем внутрь моего, без сомнения, влажного входа, я кончаю. На какое-то мгновение, я могу только бессвязно хныкать его имя, пока он продолжает ласкать, вызывая последние содрогания моего тела. Затем он движется вверх, скользит своим телом по мне, пока снова не добирается до губ.

Он опускает голову и проникает языком мне в рот. Я смыкаю губы и посасываю, пробуя себя, пробуя то, что он делает со мной. Он рычит, скользит руками выше и берет мою голову в чашу ладоней, слегка приподнимая ее, чтобы углубить поцелуй. Возможно, Хендрикс не может высказать мне, что я значу для него, но он показывает мне. Каждым поцелуем. Каждым прикосновением. Каждой лаской руки на моей коже. Он показывает мне, что ему не все равно. Он дает мне то, что не может сказать словами.

— Займись со мной любовью, — шепчу я, кладя ладонь ему на щеку.

Он закрывает глаза, будто сама мысль причиняет ему боль в сердце. Он отпускает мою голову и скользит руками по моему телу, сжимая бедро и поднимая его выше на свое бедро. Затем он прижимается ко мне, так нежно, просто отыскивая вход, обещая удовольствие, но не переступая через край.

— Я без защиты, Индиго, — бормочет он.

— Мне все равно, я хочу тебя... всего тебя.

Он издает горловой звук и мягко скользит внутрь. Моя плоть сжимается вокруг него, когда непреодолимое чувство пронизывает тело: это что-то настоящее. Что-то чистое. Что-то только наше.

Хендрикс снова опускается к моим губам и глубоко целует, одновременно начиная мягко толкаться. Его плоть входит и выходит из меня, и я чувствую каждый дюйм его тела своей кожей. Мышцы Хендрикса напрягаются и растягиваются при каждом движении, и тонкий слой пота выступает на его коже.

Он заводит мои руки вверх за голову. Я запрокидываю голову назад, открываю рот, не сдержав тихие всхлипы. Я никогда в жизни не чувствовала ничего подобного. Это не только чувство, которое поглощает тело, но и чувство, которое переполняет мое сердце. Идеальный баланс, идеальное совпадение. Это... связь.

— Так красиво, — шепчет Хендрикс мне на ухо, скользя губами по шее.

Я вскрикиваю, когда его ладони скользят по моим щекам. Он обнимает меня, его мышцы напрягаются, челюсти сжаты, он смотрит мне прямо в глаза. Этот момент так прекрасен, просто идеален. Он скользит большим пальцем по моей щеке, убирая прядь влажных волос, упавших со лба. Мы смотрим в глаза друг другу и разделяем между нами в этот момент что-то, что-то незагрязненное прошлыми горестями и сожалениями. Я закрываю глаза, когда мое тело наполняется теплом, и я поднимаюсь ближе к краю.

— Смотри, Индиго, — хрипло произносит он, — всегда смотри на меня.

Я открываю глаза и снова встречаю его взгляд, и то, что я вижу в нем, заставляет сжаться от нужды мое лоно. В нем мягкое сопереживание, это взгляд полный любви, с которым не сравнится ни один жаркий взгляд. Он склоняется ниже, скользит языком по моей нижней губе и продолжает качать бедрами. Я чувствую, что мой оргазм приближается к краю, и знаю, что это будет непохоже на все, что я когда-либо чувствовала. Жар, которого никогда раньше не было, нарастает в моем теле.

— Х... Хендрикс, — говорю я, задыхаясь. — С... сейчас.

Он выгибает бедра и отправляет меня через край. Звезды взрываются перед глазами, и волны удовольствия, одна за другой, проходят через мое тело. Я даже не могу кричать — все, что я могу сделать, это открыть рот и выдыхать его имя снова и снова. Он шепчет мне на ухо, а его тело так напряжено, что я чувствую каждую мышцу своей кожей, но он не набирает темп и не врывается в меня, он медленно раскачивается, пока не испускает почти болезненный крик.

Хендрикс опускает голову мне на плечо, и мы вместе лежим так, задыхаясь. Наши тела перегружены от удовольствия, которое, полагаю, мы оба никогда не чувствовали раньше. Я поднимаю руку, запутывая пальцы в его густых влажных волосах. Его тело твердое и тяжелое, но это ощущение, когда он лежит на мне, и то, как его грудь поднимается и опадает, замечательное. Я скольжу ладонями по его щекам и большими пальцами рисую маленькие кружочки.

Он поднимает голову и смотрит на меня, убирая волосы у меня со лба.

— Что ж, я думал, что смогу научить тебя кое-чему, но все оказалось наоборот. Это ты научила меня этой ночью, *inopencia*.

— Чему? — шепчуя.

— Ты научила меня, как открывать свое сердце.

Я сглатываю и тянусь погладить его лицо.

— Знаешь что, пират? — шепчу я, глядя ему в глаза. — Ты научил меня этому тоже.

~*~*~*~

— Я давно тебя искала.

Я слышу голос Сэнни, поворачиваюсь и вижу ее, стоящую в коридоре со скрещенными руками. У меня не было проблем с ней с тех пор, как Хендрикс пригрозил ей, но я не надеялась, что это продлится долго. Она шагает ко мне, ее ноздри напряжены, а глаза полны ненависти. Что я сделала, чтобы заслужить такую ненависть? Когда она останавливается передо мной, то смотрит на меня сверху вниз, будто я всего лишь мусор.

— Чем-то помочь тебе, Сиенна? — цежу я сквозь зубы.

— Я хочу поговорить с тобой.

— Не верю, что нам есть о чем говорить.

— О, нам есть что обсудить.

Я скрещиваю руки на груди и прислоняюсь к стене.

— И что же?

— Я знаю, что он выбрал тебя, и мне все равно. Я трахалась с ним достаточно раз, чтобы узнать все, что он может предложить, и, честно говоря, я трахалась и лучше.

Я фыркаю. Она свирепо смотрит на меня.

— Я здесь, чтобы сказать тебе, что ты понятия не имеешь, во что ввязываешься с Хендриксом.

— Думаю, что смогу разобраться в этом самостоятельно, спасибо.

Она усмехается и вовсе не дружелюбно.

— Видишь ли, принцесса... ты понятия не имеешь, на что похожа его жизнь. Он ведь не сказал тебе, как оказался здесь или почему должен твоему дорогому папаше деньги?

Я вздрагиваю от того, что она использует слово «папаша».

Я еще не переварила это.

— Мне реально все равно. Если ты думаешь, что я настолько наивна и не знаю, что Хендрикс вел делишки вместе с моим отцом, то ты действительно меня не знаешь. Так вот, я точно знаю, что ты делаешь: пытаешься заставить меня чувствовать себя неуверенной, потому что тебя бросили. Но, дорогуша, ничто из того, что ты можешь сказать, не изменит моего мнения о нем.

Она расплывается в ухмылке, и это почти пугает меня.

— У него есть ребенок, вкурила?

Вот он, тот удар в грудь, от которого хочется упасть на землю и никогда не подниматься.

Ребенок.

Ребенок!

У меня голова кружится, но я изо всех сил стараюсь не менять выражение лица.

— Ты закончила? — говорю я, глядя на нее.

Ее улыбка вянет. Тупая сучка смешалась, потому что я не рыдаю и не бьюсь в истерике на полу.

— И еще...

— И больше я не хочу слышать об этом. Теперь, если ты закончила, я хотела бы уйти, — я едва не рычу, отворачиваюсь и ухожу.

— Ты пожалеешь, что была с ним, — кричит она. — Пожалеешь! Просто спроси, что случилось с его бывшей женой.

Еще один удар, и сильный.

Еще больший, чем новость о ребенке.

Я задыхаюсь, но продолжаю идти. Когда я захожу за угол, мои ноги дрожат, и я цепляюсь за стену для поддержки. Ребенок. Жена. Почему он ничего мне не сказал? Как я могла не знать, что он женат и у него есть ребенок? *Ребенок!* Я закрываю глаза, пытаюсь успокоиться. *Не суди, пока не узнаешь всю историю, не суди, пока не узнаешь всю историю,* — я повторяю это снова и снова, пытаюсь перевести дыхание и остановить боль в сердце.

— Инди?

Я открываю глаза и вижу Хендрикса, смотрящего на меня. Он выглядит обеспокоенным, его брови нахмурены.

— Ты в порядке?

— Это правда? — шепчу я. — У тебя есть ребенок?

Его челюсти напрягаются, и он громко вздыхает, глядя в пол.

— Так что? — говорю я так спокойно, как только могу.

— Слушай, это длинная история.

Он сжимает мою руку и тянет меня за собой, и я позволяю ему. Он ведет меня на палубу и рывкает всем, чтобы свалили, а потом подводит нас к старой скамейке, прикрученной к палубе. Мы садимся, и он поворачивается ко мне лицом.

— Я даже не знаю, с чего начать. Я не рассказывал эту историю уже много лет. Я точно знаю, кто тебе рассказал, и поверь мне, не спущу этого. Ей позже надерут за это задницу, но теперь ты знаешь, так что, думаю, мне нужно все объяснить тебе. Во-первых, он не мой ребенок, в смысле, не биологически.

Я совсем запуталась сейчас. И он видит это на моем лице и продолжает:

— Когда мне было пятнадцать, я был в заднице. Большинство моих ровесников гуляли со своими друзьями, наслаждаясь жизнью. А я дрался, чтобы выжить. Мои родители были мертвы, и я был на улице, один. В одну ночь я встретил девушку. Ей было двадцать один, и она, в общем, была проституткой. Она забрала меня как-то ночью после того, как увидела меня на улице. Должно быть, она пожалела меня, потому что позволила мне остаться, и так мы стали жить вместе. У нее был пятилетний сын. Его отец был мертв, да и не было у него ничего. В общем, у нас завязались отношения, и, в конце концов, с годами, мальчик начал называть меня папой. Я был с ними, пока мне не исполнилось двадцать пять, полные десять лет.

Он сделал глубокий вдох и продолжил:

— Я женился на Лиззи, когда мне было двадцать. Я был еще ребенком, но она была всем, что у меня было. Она и Димитрий. Мы справлялись вместе, но Лиззи употребляла тяжелые наркотики, и она запуталась в каком-то серьезном дерьме. Где-то в это время я начал плавать и сколотил свою команду пиратов, чтобы начать разгрести ее проблемы, зарабатывая в море. Здесь проще. Меньше законов. Мой старый друг поддерживал связь с некоторыми пиратами, и он привлек меня, пообещав, что это будет лучший вариант для Лиззи и Димитрия. Он был прав, стало легче. Так что, по сути, я был вовлечен в пиратский мир, чтобы спасти женщину, которая на самом деле не заботилась ни обо мне, ни о своем сыне.

— Потом все стало настолько плохо, и, в конце концов, я понял, что

больше не могу ей помочь, и ушел. Я стал пиратствовать на постоянной основе. Димитрий думал, что я его отец, потому что у него не было никого лучше на эту роль, и я любил его. Но я был эгоистом, потому что оставил его без объяснений. Я все время следил за ним, чтобы убедиться, что он в порядке, что он в безопасности, но однажды, когда ему было пятнадцать, мне сообщили, что он в больнице. Его так сильно избили и... изнасиловали... что он был в коме. Я едва не сошел с ума. Лиззи настолько увязла, что впутала собственного сына. Так что я заплатил известному пирату, чтобы он убрал ее.

— Моему отцу, — шепчу я.

— Да, он послал своих людей забрать ее. Все пошло не так, и в итоге им пришлось убить не только ее. Вот почему он преследует меня за долг: он не получил того, что причиталось за работу, которую им пришлось сделать. Я не заплатил ему за сделку. После того, как она исчезла, я пошел в больницу к Димитрию. Он был в сознании, но измучен и абсолютно раздавлен. Он ненавидел меня. Он думал, что это из-за меня у его матери не было ни гроша, и она попала так, что ее убили. Он поклялся там тогда, что однажды убьет меня за это. Я ушел и с тех пор больше его не видел.

Боже.

— Мне очень жаль, — шепчу я. — Я знаю, как это больно.

— Пусть он и не был моим сыном, но я любил его, как собственного. Я знаю, что с ним сделал, какой вред нанес ему. Я также знаю ущерб, который был нанесен в тот день, когда его избили и изнасиловали. Его душа — это тьма, и я уверен, что к этому времени она поглотила его. Я пытался следить за ним, но он исчез, и я потерял его след.

— Какие же ужасные вещи случаются с людьми, — говорю я, сжимая его ладонь.

— Да, и еще дело в том, что я мог бы взять его с собой на корабль, но думал, что ему лучше с мамой.

— Иногда мы совершаем ошибки, Хендрикс. Мы просто люди. Но пока мы учимся на этих ошибках, мы должны быть прощены за них.

Он качает головой и сжимает мое лицо, притягивая к себе.

— Когда это ты стала такой умной, мать твою?

Я улыбаюсь.

— Я этого не делала, это просто реальность.

— Хм, — бормочет он, прижимаясь губами к моим на мгновение. — Ну, ты заставляешь реальность звучать потрясающе.

Я хихикаю, а он тянет меня в свои объятия.

Столько историй, столько развязок.

Интересно, какой будет моя?

~ * ГЛАВА 18 * ~

Поднять паруса!

— Возьми-ка еще одну, девочка, — ДжиДжи ухмыляется, наливая мне еще одну стопку рома.

Я хихикаю и выпиваю залпом. Жидкость обжигает мне горло. Тепло разливается по венам, и мой смех становится громче.

— Ну, ты дождешься, — улыбаюсь я. — Хендрикс следит за тобой.

Он лыбится и приобнимает меня.

— Мне нравится, как он ревнует.

Я смеюсь в голос:

— Мне тоже.

— Потанцуй со мной, мелкая.

Я фыркаю и закатываю глаза:

— Это моя шутка!

— Ну, ты теперь одна из нас, так что я могу использовать ее против тебя.

— Хм, справедливо, — я улыбаюсь, взяв его за руку, и вывожу на середину комнаты. Мы начинаем танцевать, покачивая бедрами в такт музыке из радиоприемника.

Время от времени я мельком вижу Хендрикса, и в его взгляде чистый секс. Он усмехается мне и иногда качает головой, когда я делаю дерзкие движения. Я не спеша поворачиваюсь и, пританцовывая, двигаюсь в его сторону. Хендрикс сидит в кресле в задней части комнаты, и, когда он видит, что я приближаюсь, заводит руки за голову. Ленивая ухмылка появляется на его губах, когда я подхожу ближе. Он поднимает руку и манит меня к себе пальцем. Я качаю головой и улыбаюсь.

Его улыбка становится шире, и он похлопывает себя по ноге. Я снова качаю головой.

Итак, вызов.

Он снова манит меня, а я продолжаю танцевать вокруг него и отказываюсь делать то, что он просит. С ухмылкой он встает и начинает подкрадываться ко мне, выглядя при этом как секс на ножках. Когда он

добирается до меня, я уворачиваюсь от его протянутой руки. Посмеиваясь, он атакует меня и ловит, притягивая к себе, и затем кладет руки мне на бедра. А потом начинает раскачивать наши тела под музыку.

О да.

Его бедра движутся из стороны в сторону, руки скользят вниз к моей заднице, обхватывая и заставляя меня двигаться вместе с собой. Он улыбается мне, эти большие карие глаза не отрываются от меня. Я прикусываю губу и скольжу руками по его талии, приподнимаю рубашку и подсовываю под нее руки, чтобы почувствовать горячую упругую кожу.

— Может, пойдете в каюту? — кричит кто-то.

Я смеюсь и поднимаюсь на цыпочки, прижимая губы к нему. Он наклоняет голову, углубляя поцелуй и проникая языком мне в рот. Ммммм. Никогда не устану целовать его.

— Кэп?

Мы слышим голос Дрейка и отодвигаемся. Я поворачиваюсь и улыбаюсь подошедшему, и он слегка улыбается в ответ.

— Что такое, приятель? — говорит Хендрикс, не отрывая рук от моей задницы.

— Собрание начнется через пять минут.

Хендрикс кивает и оглядывается на меня. Он организовал его сегодня вечером, чтобы перетереть о чем-то с парнями, но девочки нарушили его планы. Ну, в смысле, я и Джесс. Хотя Джесс сидит в углу с Ленни и болтает о чем-то, что заставляет ее громко хохотать каждые несколько минут.

— Собрание, — кричит Хендрикс.

Ребята бросают свои дела, все встают, идут и рассаживаются за большим столом. Я собираюсь уйти, но Хендрикс крепче сжимает меня.

— Ты будешь сидеть на моих коленях в отместку за танец, которым ты меня дразнила.

Что же это за месть?

Мне нравятся его колени.

Он ведет меня, садится за стол сам, а потом притягивает меня к себе на колени. ДжиДжи сует мне еще порцию рома, и я с энтузиазмом улыбаюсь. Хендрикс вытягивает руку, обхватывает пальцами стопку, отодвигает ее от меня и поднимает к своим губам.

— Эй! — дуюсь я. — Это мое.

— Уже нет, детка.

Я намеренно ерзаю на его коленях, убеждаясь, что трусь задницей о его член. Он напрягается и кладет руку мне на ногу, сжимая ее.

— Веди себя хорошо, — бормочет он мне на ухо, прежде чем начать.

— Что ж, мальчики, порядок знаете, это обычная еженедельная встреча. Мне нужны идеи по запасам, о том, куда плыть, и любое другое дерьмо, которое созрело. ДжиДжи, начинай...

ДжиДжи начинает говорить, и какое-то время я прислушиваюсь. То есть, пока Хендрикс не скользит по моей ноге вверх до подола моего платья. Я напрягаюсь. Он же не сделает это здесь? Да?

Делает! Он скользит пальцами по внутренней стороне моего бедра. Когда я напрягаюсь, он обнимает меня за талию и крепко прижимает к себе. Его пальцы сжимают мои трусики, а затем он мягко расталкивает мне ноги пошире. Все это время он кивает и отвечает ДжиДжи, будто это не его пальцы на моей киске.

— Так вот, теперь по складу, — говорит ДжиДжи.

— Ленни? — спрашивает Хендрикс, скользя пальцем в мои трусики и отыскивая мою скользкую киску.

Вот. Черт.

Ленни начинает говорить, а Хендрикс продолжает действовать, будто ничего не происходит. И я изо всех сил пытаюсь сдержать себя, чтобы не начать извиваться и выкрикивать его имя. Он скользит пальцем вверх и вниз по моей щели, собирая влагу, рисуя маленькие кружки на клиторе. Я напрягаюсь, прикусывая язык, чтобы не издать ни звука. Я притворяюсь, что фокусируюсь на стакане передо мной, но вскоре он становится размытым, потому что перед глазами все плывет. Удовольствие растет в моем лоне, и я продолжаю бороться за то, чтобы молчать.

— Как насчет тебя, Инди? — спрашивает ДжиДжи. — У тебя есть все, что нужно?

Это он ко мне? О, нет.

— Да, Инди, — Хендрикс мурлычет мне на ухо. — Лучше дай нам список, или останешься не у дел.

Прямо сейчас я ненавижу его и не могу даже высказать это, потому что боюсь, что если открою рот, единственное, что выйдет, — жалкий стон.

— Ну? — спрашивает ДжиДжи.

— Я... э...

— У тебя достаточно всей этой девчачьей ерунды?

Хендрикс кладет большой палец на клитор, а указательный засовывает в киску.

— Девчачье дерьмо... — подсказывает Хендрикс.

— Я... мм... думаю, все в порядке, — шепчу я, вся сосредоточившись на стакане.

— Никакого шампуня или щетки для волос...

— Гм...

Боже, он двигает пальцем глубоко, медленно, о Боже, так хорошо.

— Да... да... да, — говорю я, хотя уверена, что это больше из-за удовольствия, чем ответ на вопрос.

— Как насчет того, чтобы просто заказать для девочек все, что и всегда, — добавляет Ленни.

— Лады, — говорит ДжиДжи, внося в список.

Хендрикс продолжает входить пальцем и потирать, пока я не начинаю отчаянно пытаться остановить оргазм, который буквально на пороге. Он там, просто ждет, чтобы его впустили, его нужно впустить, но я отказываюсь иметь его здесь перед командой пиратов. Будто понимая, что я делаю, Хендрикс начинает тереть все сильнее и сильнее. Черт возьми, я не могу сдержаться, я пытаюсь, но не могу... это так хорошо. Так, бл*дь, хорошо. С последним ударом его пальца я сильно кончаю. Я громко кашляю и прикрываю рот, притворяясь, что сдерживаю першение. Я опускаю голову и снова покашливаю, пока мое тело дрожит.

— Ты в порядке, малая? Слишком много рома? — спрашивает кто-то.

Я не могу ответить. Если я подниму глаза, они увидят удовольствие в них. Я просто киваю головой, когда последняя дрожь покидает тело. Хендрикс в последний раз потирает, а потом убирает пальцы и опускает юбку. Затем, будто в комнате больше никого нет, он поднимает руку над столом и кладет палец себе в рот. Мои щеки вспыхивают, когда я слышу мягкий сосательный звук у меня над ухом. У этого мужчины нет стыда!

— Мне надо... идти, — шепчу я.

— Я скоро приду, — низким голосом произносит Хендрикс.

Я сползаю с его коленей и на подгибающихся ногах покидаю столовую.

Черт бы его побрал!

Я ему это припомню.

~ * ГЛАВА 19 * ~

Нормы поведения

Я знаю, что Хендрикс — пират, но я никогда не видела его в действии. Я видела, как он убил человека, и видела его доминирующую сторону, но

не более. Не сомневаюсь, что он так страшен в схватке, как я себе и представляла, и часто задумывалась: сколько же людей он убил. Он здесь уже так долго, увязнув в этом нелегальном бизнесе, что должен быть целый список. Часть меня не хочет знать этого, ведь реальность может заставить нас сомневаться в себе. Но другая часть отчаянно нуждается в ответе.

И я получаю его.

Была поздняя ночь. Мы уже спали, Хендрикс прижимался ко мне. Я только задремала, когда услышала пронзительный гул. Будто по команде, Хендрикс выпрыгивает из постели. Он не останавливается и не думает, не берет паузу, чтобы окончательно проснуться. Он просто встает и рывком натягивает ближайшую одежду. Я все еще моргаю ото сна, когда он хватает пистолет и заряжает его. Еще один «бум» наполняет воздух, и он бросает взгляд на дверь. Плохо дело. Что-то подсказывает мне, что это, чем бы оно ни было, не кончится по-хорошему.

— Иди в каюту к Джесс, она знает, что делать. Возьми его, кончайте всех, кого не знаете, — быстро говорит он, указывая на пистолет и вытаскивая меня из постели.

Он держит над моей головой рубашку и трусики, а я все еще не понимаю, что происходит. Раздаются выстрелы, и в коридоре кричат. Сон быстро развеивается, а его место занимает паника. Хендрикс тянет меня к двери и открывает ее, выдвинув пистолет вперед. Дрейк проходит мимо нас как раз в тот момент, когда мы выходим.

— Чертовы пираты, кэп. Где-то десять человек, куча оружия.

— Инди, иди к Джесс, делай, как я сказал.

— Но...

— Не спорь со мной, — шипит он. — Просто делай, как тебе говорят.

Я киваю, сглатываю комок и мчусь по коридору в комнату Джесс. Стучу в дверь, и она, быстро открыв, втягивает меня внутрь. У нее испуганное лицо, а я понимаю, что здесь же находится еще и Сэнни. Она закрывает дверь и берет пистолет со стола рядом с собой. Увидев ее взгляд, мое сердце сжимается, и становится тяжело в груди.

— Я не понимаю, что происходит, — шепчу я.

— Это пираты, идиотка, — выдыхает Сэнни.

— Заткнись на хрен, Сиенна, — рявкает Джесс.

Мы обе смотрим на нее широко раскрытыми глазами. Я никогда не слышала, чтобы Джесс так говорила, но она явно боится, и это ее способ справиться со страхом. Ее взгляд не отрывается от двери, и я, в страхе, невольно подхожу к ней. Что, если что-то случится с парнями? Что, если Хендрикс умрет? Что, если корабль взорвут? Эти мысли вовсе не

успокаивают, и я в конечном итоге впадаю в состояние чистой паники.

— Все в порядке, Инди, — говорит Джесс, хотя не двигается со своего места у двери.

— Я боюсь.

— Я знаю. Скоро все закончится.

Я слышу громкие голоса и выстрелы, и даже несколько воплей. Зажимаю уши руками и тихо пою вслух. Я не могу слушать это. Я не слышу этого. Джесс начинает постукивать ногой, ее лицо полно паники, а руки дрожат. Гремит еще один массивный взрыв, и корабль качает так, что я падаю на пол вместе с Сэнни. Попали в наш корабль? Наше судно возвращается в нормальное положение, а я жду запаха пожара или фонтана воды, но ничего не происходит.

Звуки борьбы стихают, и когда наступает тишина, Сэнни встает и выходит наружу.

— Сиенна! — кричит Джесс.

— Я здесь не буду сидеть, все кончено.

— Сиенна, — вскрикиваю я. — Он сказал, оставаться здесь.

Сэнни разворачивается за дверью и смотрит прямо на меня.

— Ты ничего не знаешь, так что завали хлебало, я даже не...

Раздается выстрел — громкий треск в тишине, и вдруг Сэнни прекращает говорить. Ее рот открывается, глаза делаются шире, а затем она медленно начинает падать на пол. Джесс кричит, и оружие падает из ее рук. Лужа крови разливается вокруг спины Сэнни, как только она падает на пол, ее глаза открыты, взгляд устремлен на потолок. Я понимаю, что она мертва. Я слышу звук шагов. Кто-то появляется под палубой. Ныряю к пистолету, сжимаю его в руках, а затем бросаюсь к Джесс и прижимаю руку к ее губам. Стоя рядом с ней, я поднимаю пистолет дрожащими руками и жду. Я вижу движение тела Сэнни и понимаю, что кто-то пнул ее. Вероятно, чтобы проверить, жива ли она.

Мне хочется блевать.

Я так напугана, ничто в моей жизни не пугало меня настолько сильно. Я замираю, неспособная двигаться или дышать, или сосредоточиться. Я не отвожу взгляда от двери, и мои руки крепко сжаты вокруг пистолета. Сначала я вижу тело и тут же осознаю, что это не один из людей Хендрикса. Я даже не думаю, просто нажимаю курок. Мужчина со стуком приземляется на пол, катается и ревет от боли, хватаясь за живот.

— Беги, Джесс!

Джесс бежит мимо него и падает на колени возле Сэнни.

— Сэнни? Вставай.

— Ее больше нет, — кричу я. — Беги за помощью.

Всхлипывая, Джесс встает и выбегает наружу. Пират стонет и катается по полу, потом встает на четвереньки. Кровь капает из его живота, когда он начинает подбираться ко мне. Я знаю, что должна нажать сейчас на курок, но мои руки дрожат, и я не могу заставить себя сделать это. Я застыла от страха, и только когда он поднимает руку, чтобы дотянуться до штанов, осознаю, что либо он, либо я.

Я начинаю нажимать на курок, когда раздается еще один выстрел, и пират неожиданно падает на землю. Мои колени подгибаются, и я падаю кучей, так сильно дрожа, что мои зубы клацают друг о друга. Я слышу голоса и в ужасе понимаю, что выкрикиваю имя Хендрикса. Он жив? Он умер? Боже, что, если он мертв? Я не смогу жить, если он умер. Я не хочу.

— Тсс, Инди, я здесь.

О, слава Богу.

Я чувствую, как его сильные руки обнимают меня и поднимают с пола. Я слышу, как раздаются приказы, и голос плачущей Джесс, когда он проводит меня мимо нее. Он кладет меня на кровать в своей каюте, а через несколько мгновений Джесс оказывается рядом. Я протягиваю ей руку, и она отчаянно сжимает ее.

— Они в шоке, просто дайте им немного времени, кэп, — слышу я, как говорит Дрейк.

— Чувствую себя таким, бл*дь, беспомощным.

— Они напуганы, подруга умерла на их глазах, просто дай им это пережить.

Хендрикс протягивает руку и проводит пальцами мне по лбу.

— Иди и принеси мне успокоительные Джесс.

Его слова теряются в тумане.

Ничто не имеет больше смысла в моей голове.

Через мгновение я слышу движение возле себя, а потом чувствую укол в руку.

— Извини, детка, — это последнее, что я слышу, прежде чем уплываю.

Последнее, что я чувствую, это рука Джесс, дрожащая в моей.

~ * ~ * ~ * ~

— Пусть океан возьмет ее душу и сохранит навечно, — произносит Дрейк.

Мы смотрим с пустыми лицами, как скользит тело Сиенны по краю корабля и падает в воду. Джесс все еще рядом со мной, она тяжело и

глубоко дышит. Я знаю, что она и Сэнни не были близки, но думаю, что долго находились рядом на этом корабле. Я беру ее за руку, и она стискивает мою ладонь, когда все опускают на минуту головы, отдавая Сэнни должное уважение.

Я пытаюсь игнорировать скребущие звуки позади меня и запах отбеливателя, от которого щекочет в носу: несколько младших пиратов отчищают кровь с палубы. Я стараюсь не сосредотачиваться на этом, стараюсь не думать о реальности ситуации вокруг меня. Это не тот мир, который представляют люди, это реально. И это страшно. Есть вещи, происходящие здесь, которые большинство людей в жизни не испытают, и тем не менее эти люди живут так каждый день.

Это их мир, и теперь... теперь он еще и мой.

Не уверена, пугает это меня или дает шанс узнать, кем являюсь я рядом с мужчиной, которого обожаю. Он не тот, которого бы я выбрала для себя, но он изменил все, что я когда-либо считала важным. Этот мир страшен, и более того — он реален. Эти люди верят в то, кем они являются, и упорно работают ради того, чего они хотят. Они без сомнения преступники, но та привязанность, которую они питают друг к другу, превосходит многое, что я видела в некоторых семьях.

— Ты в порядке?

Хендрикс подходит ко мне и обнимает меня за талию.

— Да, я в порядке.

— Это трудно, я знаю, но обещаю, что буду сражаться каждый день моей жизни, чтобы убедиться, что с тобой ничего не случится, *inocencia*, — шепчет он мне на ухо.

— Я знаю.

— Пойдем, давай, пойдем внутрь, дождь идет.

— Они... — я показываю на ребят, что чистят палубу, — нужна помощь?

— Нет, не надо.

Я киваю, поворачиваясь к Джесс. Он прищуривается и глядит, как та, всхлипывая, смотрит за борт корабля, ее хрупкая фигурка дрожит. Отпустив меня, он подходит и обнимает ее, притягивая к себе. В этот момент я люблю его еще больше. Чувствую, как жжет глаза, когда наблюдаю, как Джесс рухнула в его объятия.

— Все будет хорошо, Джесс, ты с нами. Мы всегда будем защищать тебя.

Мое сердце болит за нее, болит так сильно. Хендрикс отпускает Джесс и кивает Дрейку, который подходит ближе и тоже обнимает ее. Я смотрю,

как он ведет ее, и понимаю, что эти парни гораздо больше, чем пираты. Они братья. Они семья. Они верят друг в друга. Гордость наполняет мою грудь, когда я подхожу и укрываюсь в объятиях Хендрикса.

— Пойдем под палубу. Ты мне нужен...

Он кладет свои руки поверх моих и склоняется, скользнув своими губами по моим.

— Я весь твой, всегда.

По-моему, это звучит просто отлично.

~ * ГЛАВА 20 * ~

Сейчас рванет!

— О, бл*дь, сильнее, детка, — голос Хендрикса хрипит, когда он руками сжимает мои волосы.

Я скольжу ртом вверх и вниз по его члену, провожу языком от основания до самой головки, дразню и мучаю его, пока он не начинает задыхаться и умолять меня о большем. Мне нравится слышать, как он просит: это заставляет мою киску сжиматься от жажды. Обхватываю рукой основание его члена и начинаю нежно сжимать. Он шипит и дергает бедрами, глубже вталкивая член в рот, пока не ударяет по задней стенке моего горла. Его несдержанное шипение заполняет комнату, и моя рука невольно скользит ниже, чтобы накрыть его яйца. Я вспоминаю, что слышала истории о мужчинах, которым нравится, когда играют с их попкой. Такому мужчине, как Хендриксу, хотелось бы чего-то похожего?

Я пробую, сдвигая палец ниже. Он на секунду напрягается, а его дыхание становится рваным. Я пробегаю пальцем вверх-вниз, не переставая сосать, а другой рукой поглаживать его член. Я чувствую, как он набухает, становится все тверже и тверже во рту, и понимаю, что он близко. Я опускаю палец ниже, аккуратно просовывая его внутрь. Он громко рычит и сжимает мои волосы.

— Черт, Инди, что ты такое...

Я нажимаю на твердое колечко под моим пальцем, и Хендрикс замолкает на середине предложения. Слова превращаются в рычание, и его член взрывается, изливаясь мне в рот. Его рычание первобытно и чертовски сексуально. Бедра вздрагивают, пальцы впиваются в мои волосы, а он продолжает кончать мне в горло. Все мое тело покалывает от желания, пока

Хендрикс медленно приходит в себя после своего освобождения. Он оседает на диване, и я осторожно убираю палец и рот, прежде чем скользнуть по его телу и оставить маленькие поцелуи на его животе.

— Что это было? — хрипло произносит он.

— Просто небольшой трюк. Сработало?

— Ты издеваешься, детка? Конечно, сработало.

Я хихикаю и провожу языком по твердым мышцам его живота.

— Прекрати делать это, милая, или мне придется тебя трахнуть.

— Ты не можешь, — хмуро бормочу я.

— Почему нет?

— Неделя акул.

— Что? — сконфуженно говорит он.

Я закатываю глаза.

— Это значит, что если прямо сейчас ты бросишь меня в океан, то обнаружишь акул, устраивающих пир, потому что тетя Фло в городе.

— Что, черт возьми, за тетя Фло?

— Месячные! — раздраженно говорю я.

Он молчит пару минут, а потом начинает смеяться так, что все тело дрожит.

— Я в свое время много чего слышал, но, черт возьми, это первое место.

Я улыбаюсь и смотрю на него.

— Ты меня знаешь, я — королева острот.

— Кэп?

Кто-то стучит в дверь, и со злым вздохом Хендрикс дергает свои джинсы и нежно снимает меня с себя, прежде чем встать.

— Что?

— Недалеко корабль.

Моя кожа мгновенно покрывается мурашками.

— Опознали, кто это? — говорит он, натягивая рубашку и поднимая пистолет.

— Нет.

— По дороге поговорим.

Он обращается ко мне.

— Останься здесь.

— Но...

Он бросает на меня строгий взгляд.

— Инди, оставайся здесь.

Он наклоняется и быстро целует меня в висок, прежде чем

развернуться и выскочить наружу. Я мгновение стою напуганная до чертиков, что снова повторится то, что было. С того нападения прошло дней пять, конечно же, нас не могут атаковать снова...

Я растираю руки и поворачиваюсь к ванной. Умываюсь, чищу зубы и закалываю волосы, а потом возвращаюсь на софу и просто сижу, жду, чувствуя, что меня сейчас стошнит от нервозности прямо на пол.

Такое ощущение, что я жду несколько часов, пока, наконец, до меня не доносятся крики. Я встаю на ноги, чувствуя, как колотится сердце. Крики усиливаются, и я улавливаю несколько слов. Звучат угрожающе. Не в силах остановиться, я медленно выхожу из комнаты. Я должна быть с Джесс. Я ей понадобится, ведь она будет в ужасе.

Я выхожу в коридор и тут лучше слышу сказанное.

— Пошел ты, Чоппер. У меня для тебя ничего нет.

Чоппер?

Папа?

Мои ноги заплетаются, и я хватаюсь за стену, чтобы не упасть. *Он здесь? Он здесь, о Боже!* Я делаю шаг к лестнице, которая ведет на палубу. Я могу это? Могу увидеть его снова после стольких лет? Так много времени прошло.

Столько лет я мечтала о нем, ждала его дома. Теперь я могу с ним встретиться? Зная, что, вероятно, он — настоящий монстр? Я сомневаюсь во всем, и все же иду к лестнице, будто мое тело отказывается принять эти сомнения.

Ступеньки скрипят, когда я поднимаюсь по ним, а крики становятся более громкими и нецензурными. Когда свет солнца слепит мне глаза, я поднимаю руку, блокируя его. Я вижу напротив второй корабль. Он больше, но более старый. Пиратов на другом корабле больше, и они выглядят куда страшнее. Там же я вижу мужчину в темной широкополой шляпе, наставившего пистолет на Хендрикса и изрыгающего ругательства. Он поднимает свой пистолет в тот самый момент, когда я шагаю, и мою грудь сдавливает от паники. *Он собирается убить его?*

— Остановись! — кричу я.

Мужчина поднимает глаза на меня и выпаливает:

— А ты еще кто?

Мои колени слабеют, и я прижимаю руку к сердцу. Это он. Я узнаю этот голос, я никогда бы не смогла забыть его. Я открываю рот и вскрикиваю:

— Папа?

Он озадаченно качает головой.

— Извини, что?

Он меня не узнает. Я подхожу ближе, попадая в его поле зрения более четко. Я улавливаю момент, когда он узнает меня, потому что пистолет из его руки просто выскользывает и падает на пол. Теперь я понимаю, что из-за солнца он не видел моего лица. Его, кажется, пошатывает, а рукой он тянется вверх, хватая шляпу с головы и срывает ее.

— Индиго? — хрипит он.

Слезы бегут из уголков моих глаз, и я шаг за шагом приближаюсь к нему. Я вижу, что годы были благосклонны к нему, хотя на его лице появилось несколько шрамов. У него густые светлые волосы до плеч и голубые глаза. Он такой же высокий и широкоплечий, как и был, только теперь он выглядит не как отец. Он выглядит, как пират. Темные джинсы, тяжелые сапоги, черная рубашка и пояс с пистолетом на талии.

— Пап, это действительно ты?

Я собираюсь сделать шаг вперед, когда вижу женщину в дальнем углу корабля, ее глаза широко открыты и полны страха, ее руки дрожат. Она выглядит забитой. И тогда меня как обухом по голове ударили. *Мой отец покупает женщин и, скорее всего, перепродает их!* Я издаю придушенный звук и вижу, как он переводит взгляд на девушку. К тому времени, как он снова смотрит на меня, я уже подхожу.

— Инди! — кричит он, протягивая руку.

— Ты... ты бросил меня и стал монстром! — кричу я. — Ты превращаешь женщин в секс-рабынь. Ты думал, что я одна из... ты собирался купить меня... О... Боже...

— Мою дочь, — говорит он, поворачиваясь к Хендриксу и поднимая пистолет. — Ты, больной ублюдок.

— Я не знал, что она твоя дочь, — огрызается Хендрикс.

— Отдай ее сейчас же, гребаный подонок.

— Нет, — рычит Хендрикс, поднимая пистолет.

— Прекрати! — вскрикиваю я, передвигаясь и хватая руку Хендрикса.

— Я здесь по своему выбору.

Мой отец обращает на меня свой смущенный взгляд.

— Что ты сказала?

— Я сказала, что здесь по собственному выбору.

— Он собирался продать тебя!

— А ты собирался купить меня!

Он меняется в лице.

— Инди, просто позволь мне...

— Нет! — плачу я. — Ты бросил меня, папочка. Ты бросил меня в то

время, когда у меня ничего не было, и никогда не возвращался. Потом я узнала, что ты здесь и используешь женщин в качестве сексуальных рабынь...

Он выдыхает проклятье, а потом поворачивается к своим парням.

— Опустите оружие. Никому не стрелять, пока моя дочь на борту.

— Она останется на моем корабле, Чарльз, — рычит Хендрикс.

Отец смотрит в мою сторону.

— Мне так же не рады на твоём корабле, как тебе не рады на моем. Единственный, кто может перейти, — это она, и я хочу поговорить с ней.

— Она не пойдет на твой корабль. Только через мой гребаный труп.

— Прекратите! — вскрикиваю я, вздрогнув. — Просто оставьте меня в покое.

— Инди! — кричит мой отец в тот момент, когда я разворачиваюсь и бросаюсь к лестнице.

— Я не уйду, принцесса. Не уйду, пока ты меня не выслушаешь.

Я отгораживаюсь от него и бросаюсь под палубу. Натыкаюсь на Джесс, и она тут же обнимает меня.

— Я все слышала. Мне жаль, дорогая.

Я ничего не говорю, просто иду за ней в ее каюту. Как и много раз до этого, мы садимся на ее кровать. Я смотрю на свои руки, не осознавая, что чувствую. Огромная часть меня хочет бежать наверх и обнять его, почувствовать уют его объятий. Другая часть отторгает мысль о том, чем он, возможно, занимается.

— Ты в порядке? — спрашивает Джесс.

— Я не уверена, — шепчу я. — Я не знаю, что чувствую.

— Ты с ним разговаривала?

Я мотаю головой.

— Похоже, что он не уйдет, пока я этого не сделаю. Никто из них не причинит вреда друг другу, потому что оба заботятся обо мне. Так что они просто будут сидеть там, пока я не решу, чего хочу.

— Разве ты не хочешь поговорить с ним? — мягко говорит Джесс.

— Да, но я боюсь узнать больше. Хендрикс собирался продать меня ему, Джесс. Я не уверена, что смогу жить, осознавая это, но...

— Но что? — она побуждает говорить дальше.

— У меня так много вопросов.

— Могу я кое-что сказать?

Я киваю, поднимая глаза, чтобы встретиться с ней взглядом.

— Я знаю, что часть тебя боится узнать, что твой отец — чудовище, но тот факт, что он ждет и отчаянно хочет, чтобы ты его выслушала, означает,

что у него есть, что рассказать. Иногда, как бы тяжело не было выслушать, это ставит некую точку. Если ты сбежишь сейчас и не поговоришь с ним, то проведешь всю свою жизнь в сомнениях. Я думаю, будет больно, если твои страхи сбудутся, и он делал то, что ты думаешь, но разве не будет хуже, если ты никогда не узнаешь этого наверняка?

Она права.

Она всегда права.

Я протягиваю руку, сжимаю ее плечи и обнимаю ее.

— Спасибо тебе, Джесс.

— Ты не должна благодарить меня.

Я отступаю.

— Ты рисковала своими отношениями с Хендриксом ради меня. Ты была на моей стороне и помогла столь многим мне, той, кого ты толком не знала.

Она пожимает плечами.

— Помощь людям делает меня счастливой, и я ничем не рисковала с Хендриксом... он все еще не знает, что это была я.

— Я так не думаю, — говорю я тихо.

— Хватит обо мне. Поднимись туда, получи ответы, а затем начни создавать свою жизнь заново.

Я киваю, сглатывая слюну.

— Спасибо тебе, Джесс.

— В любое время, милая.

Я встаю и на шатких ногах возвращаюсь на палубу. Джесс права, я знаю, что она права, но от этого не легче. Честно говоря, я не знаю, какотреагирую, если мой отец скажет мне то, чего боюсь, но уверена: мне нужно поставить все точки над «i». Мне хотя бы нужно знать, почему он ушел.

Я иду, шаг за шагом, дыша медленно и глубоко, чтобы сохранять спокойствие. Я выхожу на палубу и вижу, как Хендрикс рычит что-то на моего отца, который перегибается через борт своего корабля, злобно бормоча что-то в ответ.

Мой отец первым замечает меня и выпрямляется:

— Инди...

— Я хочу поговорить с тобой, но не ради тебя, это нужно мне, — говорю я строгим голосом.

Он кивает.

Хендрикс подходит, сжимает мои плечи и склоняется ко мне.

— Я не пущу тебя на этот корабль, Инди.

— И как ты думаешь, я с ним тогда поговорю? — отвечаю я.

Он поднимает голову и смотрит на моего отца, потом снова смотрит на меня.

— Есть остров в пятидесяти милях к югу. Мы можем остановиться там, это нейтральная территория...

— Согласен, — говорит мой отец.

— И не должно быть никаких драк, или я не буду говорить ни с кем из вас, — добавляю я.

— Понял, — бормочет Хендрикс, но при этом не выглядит довольным.

— Я бы никогда так не поступил с тобой, — говорит мой отец.

Хендрикс фыркает, и я смотрю на него.

— Прекрати, мне нужно это сделать.

Он поднимает голову.

— ДжиДжи, отплываем на Южный остров, остановимся на ночь.

— Ясно, кэп.

Мой отец снова смотрит на меня, и, пока он так смотрит, мне трудно встретиться с ним взглядом.

— Скоро увидимся, принцесса, — говорит он и отходит.

Меня бьет дрожь, я нахожу местечко и падаю на него. Хендрикс садится рядом со мной, сжимая мне руку.

— Ты уверена, что хочешь этого, *inocencia*?

— Да, — шепчу я.

— Тебе может не понравиться то, что ты услышишь.

— Расскажи, что ты знаешь, Хендрикс.

Он слегка вздрагивает, а затем качает головой.

— Это не мое дело, детка. Ты сама знаешь.

— Когда мы впервые встретились, ты сказал, что Чоппер любит таких девушек, как я. Скажи, что ты имел в виду.

Он вздыхает.

— О нем говорят, что он покупает девушек и продает их.

Должно быть что-то, чего мы не понимаем или упускаем из виду. Я просто не могу принять, что он этим занимается.

— И ты продавал ему девушек и раньше?

— Нет, но когда я сказал, что для него есть девушка в качестве оплаты, он был более чем готов принять тебя.

Я сглатываю слюну и отвожу взгляд в сторону, когда два корабля начинают расходиться.

— Я не понимаю, я знаю своего отца... это просто не состыковывается...

— Он пират, милая.

— Ты продавал девушек? — резко произношу я.

Он напрягается и прищуривается.

— Нет, ты же знаешь, что я бы не стал.

— Быть пиратом не равно оправданию быть монстром.

Он смотрит на меня, потом кивает.

— Да, ты права, я не могу оправдывать его пиратством.

Я смотрю на голубой океан и закрываю глаза, делая вдох. Мой желудок делает сальто, и я вся взвинчена. Я нервничаю, чертовски боюсь и одновременно отчаянно нуждаюсь в ответах. Хендрикс обнимает меня и притягивает к себе.

— Все будет в порядке. Несмотря ни на что, я всегда тебя прикрою.

Надеюсь, он прав.

~*~*~*~

Остров такой же красивый, как и тот, на котором мы были раньше. Этот немного меньше, и песок скорее желтый, чем белый, но пляж такой же потрясающий, деревья могучие, а воздух свежий и чистый. Оба корабля останавливаются в нескольких сотнях метров. На этом острове меньше песка и больше кораллов, так что мы должны перебраться на шлюпки, чтобы добраться до него. Как только мы все останавливаемся, я вижу, как отец спрыгивает с лодки и направляется ко мне. Я отчаянно хватаюсь за руку Хендрикса.

— Я прикрою тылы, детка, — бормочет он. — Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось.

— Мне страшно, — шепчу я.

— Инди, — говорит мой отец, остановившись рядом.

Вблизи я вижу, что у него на лице два шрама: один протянулся под углом от верхней губы, а другой около виска. Он смотрит мне в лицо, и я вижу в его взгляде столько эмоций. Ему не все равно, я это вижу даже сквозь свой страх. Я еще раз смотрю на Хендрикса, прежде чем кивнуть. Мой отец поворачивается, и мы вместе идем по пляжу. Когда мы скрываемся из виду, он находит на песке место и садится. Я делаю то же самое.

— Я знаю, как это тяжело для тебя, Индиго...

— Нет, — шепчу я, глядя себе на руки. — Ты не знаешь.

— Знаю, потому что мне тоже пришлось жить без тех, кого я любил.

— Ты не любишь меня. Ты бы не ушел, если бы любил.

— У меня не было выбора.
— Всегда есть выбор, — вскрикиваю я, поворачиваясь к нему.
— Нет, принцесса, не всегда.
— Почему ты исчез? — спрашиваю я, чувствуя, как начинают трястись мои руки.

— Однажды ночью я сделал кое-что... Я... кое-кого убил.

Я поднимаю голову, чувствуя, что мои глаза полны слез.

— Что?

— Это был несчастный случай, я выпил и решил идти домой пешком. Он появился из ниоткуда и попытался напасть на меня из-за денег, и, обороняясь, я зашел слишком далеко. Я ударил так сильно, что его отбросило назад, и он упал на дорожку, ударился головой и мгновенно умер. Я понял, что сделал, и запаниковал. Я не мог провести остаток жизни в тюрьме, поэтому сделал единственное, что мог: я сбежал.

Он делает паузу, потирая руки, будто мысленно переживает боль.

— Я не сразу стал пиратом. Я провел в бегах четыре года, но однажды встретил в баре человека, мы поговорили, и он рассказал мне о пиратах и о законах океана. Я устал бегать и использовал те небольшие деньги, что у меня оставались, чтобы купить корабль. С тех пор я здесь.

И тогда я начинаю плакать, точнее, тяжело рыдать, содрогаясь всем телом.

— Инди... — шепчет он и тянется ко мне.

— Не прикасайся ко мне! — кричу я, хлопая его по руке.

— Мне очень жаль. Я знаю, что для тебя это ничего не значит, но мне жаль.

— Ты ушел, не важно, по какой причине, и никогда не возвращался. Ни звонка, ни открытки, ничего. Потом мама умерла, а меня кидали по приемным семьям. Я могла бы быть с тобой...

— Тюрма, — говорит он, его взгляд ожесточается. — Вот, что бы случилось. Твоя жизнь все равно не стала бы легче.

Я отворачиваюсь, не желая смотреть правде в глаза: он прав.

— Ты был единственным, что у меня осталось, — шепчу я.

— Я знаю, — говорит он, его голос ломается. — Принцесса, я знаю.

— Мне нужно... мне нужно знать о девушках.

— Девушках? — спрашивает он, запутавшись.

— Девушках, которыми ты торгуешь.

Он вздрагивает, когда я смотрю ему прямо в глаза.

— Я не... черт... принцесса, я не торгую ими.

— Значит, ты покупаешь их для себя? — хрипло говорю я, вздрагивая.

— Нет... я спасаю их.

Я моргаю, запутавшись.

— Что?

— Три года назад я был в баре, когда мы причалили на несколько ночей. Зашла девушка. Блондинка, голубоглазая, потрясающая. Я присматривался к ней, даже не знаю почему, но она была в таком крошечном платье, и мужчины пялились на нее. Она ушла около полуночи, и я заметил, что она вышла одна, очень пьяная. Я следил за ней, просто хотел убедиться, что с ней все в порядке. В общем, к ней подъехал фургон, и прежде чем я понял, что происходит, ее затащили внутрь. Я стоял там и смотрел, как те парни забирают ее. Ее лицо было во всех новостях в течение нескольких недель, а через двенадцать месяцев я узнал, что она оказалась в другой стране. Эти люди продали ее как секс-рабыню. Меня тошнило от мысли, что женщины становятся мишенью, поэтому я ввязался в бизнес. Большинство клиентов думают, что я удерживаю женщин и торгую ими, но я отправляю их домой.

— Хендрикс знает об этом? — мой голос скрипит.

— Нет, никто об этом не знает. Люди, которые заправляют этим видом бизнеса, не те люди, кого бы ты захотела бы иметь врагами. Они должны верить, что я в их команде, так сказать. Хендрикс связался со мной, когда нашел тебя, и предложил в качестве оплаты. Я согласился, предполагая, что если тебя не заберу я, то он продаст тебя кому-то другому.

— О Боже, — шепчу я, с силой потирая руки.

— Возможно, я сделал много плохого в свое время, Индиго, но никогда бы не изнасиловал женщину и не заставил бы ее быть тем, кем она не хотела.

— А та девушка на вашем корабле... она... одна из них, не так ли?

— Да, я забрал ее три дня назад из Мексики. Я везу ее домой. Ей сильно досталось. Ее оторвали от семьи три года назад.

О Боже, бедняжка. Я и представить себе не могла, каково это — быть такой одинокой, такой напуганной и, главное, такой сломленной. Я плююсь на песок, пытаюсь все осознать. Честно говоря, я не знаю, что чувствую. Мой отец — все, что у меня осталось, но он еще и недруг. Я не могу выбирать между ними, и я знаю, что перемирия никогда не будет. Я должна выбрать одного из них и уже знаю, кого. Я нуждаюсь в нем больше, чем в ком-либо еще. И неважно, что отпустить другого будет подобно смерти.

— Я люблю его, понимаешь? — говорю я, поднимая голову, чтобы встретить его взгляд.

— Хендрикса?

— Да.

— Он тоже тебя любит, я вижу.

— Так что ты знаешь... ты знаешь, я выбираю его. Я не могу иметь отношения с вами обоими, вы заклятые враги, и даже если вы сможете объявить перемирие и оставить друг друга в покое, это никогда не будет чем-то, что я смогу легко перешагнуть.

— Я знаю, — хриплым голосом отвечает он. — Я просто... просто хотел увидеть тебя снова, Инди. Я хотел, чтобы ты знала, я люблю тебя, что бы ни случилось.

Слезы скользят по моим щекам, и я смотрю в сторону.

— Я тоже тебя люблю, папочка. Но не могу быть частью твоей жизни.

Он издает болезненный звук и сжимает мою руку. Я позволяю ему взять ее. Мое сердце болит, потому что я знаю: это то решение, которое я должна была принять, но от этого не легче.

— Может быть, однажды... все это закончится, и мы сможем увидеть друг друга снова.

— Я хотела бы этого, — сипло говорю я.

— Я люблю тебя, Инди. Обещай, что никогда этого не забудешь.

— Обещаю.

— Помни, что я тебе говорил, всегда старайся найти хорошее в плохом, принцесса.

— Хорошо, — мне не хватает воздуха.

— И... я надеюсь, что однажды ты сможешь простить меня.

Он встает на ноги, наклоняется вниз, берет в ладони мое лицо и прижимается губами к моему лбу. Я закрываю глаза, сдерживая рыдания. Когда он отходит, его глаза будто стеклянные от избытка эмоций. Он еще раз проходит взглядом по моему лицу, а потом поворачивается и уходит.

Когда отец отходит на несколько метров дальше, я зову его. Он останавливается и поворачивается. Я не могу отпустить его, не знаящего, что несмотря ни на что, я прощаю его. Я встаю на ноги, бросаюсь к нему и обнимаю его.

Он издает придушенный звук и обхватывает меня своими большими руками, притягивая еще ближе. Мы стоим так долго, просто держимся за этот момент. Я поднимаю голову с его груди и смотрю на него.

— Я прощаю тебя, папочка.

Я знаю, что эти слова исцеляют что-то внутри него.

И что удивительно, но они исцеляют нечто внутри меня тоже. Все эти годы я искала себя. Меня бросало из дома в дом, и я была в совсем уж незавидных отношениях, но я выжила. Я нашла того, кто показал мне что-

то новое в себе и каким-то образом позволил мне снова воссоединить мое сердце. И не только это, он позволил мне прожить этот момент с моим отцом. Говорят, что все происходит по какой-то причине, и я, наконец, поняла, что хотя иногда мы не знаем, что это за причина, она всегда есть.

Может быть, в конце концов, все станет-таки просто замечательно.

~ * ЭПИЛОГ * ~

Долго и счастливо по-пиратски!

— Детка, — бормочет Хендрикс, проводя пальцами по внутренней стороне моего бедра. — Прекрати меня дразнить.

— Я не дразню тебя, пират, — ухмыляюсь я.

— По-моему, именно, что дразнишь.

Я тихо смеюсь, когда он поднимает руку и накрывает мою киску, используя свою ладонь, чтобы потереть ее.

— Здесь так чертовски сладко.

— Лучше бы тебе хорошенько попользоваться этим, пока здесь все еще сладко.

— Ты всегда будешь сладкой.

— Значит ли это, что «всегда» существует, пират? — бормочу я.

— О, разве я тебе не говорил? Ты никуда от меня не денешься.

— Я и не собиралась, уж точно не тогда, когда ты оказываешь мне такого рода услуги.

Он усмехается и поцелуями прокладывает дорожку по моему животу, пока не достигает моей груди. Он высовывает язык и рисует маленькие кружочки вокруг соска. Я вздыхаю и опускаю голову на подушку. Нежно поласкав каждую грудь, он поднимается и находит мои губы. Хендрикс целует меня с нуждой, врываясь в рот и поглаживая своим языком мой. Его руки на мне повсюду: касаются, сжимают, гладят. Я извиваюсь под ним, поднимая ноги и сжимая их вокруг его талии. Он трется своими бедрами о мои, используя то нежное толкающее движение, от которого все оживает.

Мы собираемся раздеться, когда слышим пронзительный крик.

Мы оба останавливаемся и вскакиваем. Похоже, это Джесс. Мы спрыгиваем с кровати, оправляем одежду и выбегаем за дверь. К тому времени, как мы оказываемся на палубе, крики, кажется, слышатся где-то дальше.

Как только мы выходим, я вижу корабль. Новый корабль, и он немного

меньше, чем у Хендрикса, но он определенно пиратский. Мы оба устремляемся к борту, но какое-то время никого не замечаем, а затем выходит высокий мужчина в темном капюшоне. Он удерживает Джесс с ножом у горла.

Мое сердце замирает.

Как он ее заполучил?

Она была на палубе? Он просто прыгнул и схватил ее?

— Х... Х... Хендрикс, — всхлипывает она, ее лицо белое.

Я сжимаю кулаки, мне физически становится плохо. *Он собирается убить ее?* Я даже не вижу его лица. Он подходит ближе к краю, и когда Хендрикс поднимает пистолет, он кричит:

— На твоём месте я бы этого не делал, пират.

— Отпусти ее, — рычит Хендрикс.

— О, нет, пока нет, — грубым голосом отвечает тот.

— Кто ты такой?

Мужчина смеется.

— Ты, что, не слышал, что в квадрате появились новые пираты?

— Это мои гребаные воды, теперь я снова спрашиваю, кто ты, черт возьми?

Мужчина снова усмехается.

— Всегда думаешь, что владеешь миром. Ну, я здесь, чтобы показать тебе, что ты не...

— Верни ее мне, или я вышибу тебе мозги, — рычит Хендрикс.

— О, ее? — произносит мужчина, сильнее прижимая нож к горлу Джесс. — Нет, думаю, что задержу ее ненадолго.

— Чего ты, бл*дь, хочешь? — выпаливает Хендрикс, направляя пистолет.

— Застрелишь меня — и она умрет. Я не буду колебаться.

— Не надо, — шепчу я, когда руки Хендрикса начинают подрагивать. — Одно неверное движение, и она умрет. Ты не можешь рисковать ею, Хендрикс, пожалуйста.

— Если драка — это то, чего ты хочешь, я дам ее тебе, — шипит Хендрикс, опуская пистолет.

— О, я хочу драку, не беспокойся, но в первую очередь я хочу намного большего. Я хочу, чтобы ты помучался. Я заберу эту девушку и заставлю ее страдать. Каждую секунду, которую она проведет со мной, ты будешь знать, что это твоя вина. Это будет жрать тебя изнутри, и ты начнешь сходить с ума. Тогда ты придешь и найдешь меня, а когда найдешь, я буду готов. Она даст мне все, что когда-либо давал ей ты, и я сделаю все, чтобы уничтожить

тебя самым ужасным, самым болезненным способом. Видишь ли, если я просто убью тебя сейчас, то не буду удовлетворен. Сначала тебе нужно пострадать. Мне нужно уничтожить не просто тебя, но и все, чем ты являешься. Я так давно этого хотел, что ты даже представить себе не можешь, как я сейчас кайфую.

Я смотрю широко открыв глаза, как мужчина поднимает руку, берется за капюшон и опускает его. Мне не хватает воздуха, во-первых, потому что он намного моложе, чем я представляла, и во-вторых, он сногсшибателен. Я не говорю о красоте, а о чистой, первобытной мужественности, которая заставляет опускаться на колени и облизывать его с головы до ног. У него темные волосы до плеч, и, судя по всему, густые и шелковистые. Его глаза светлые, с этого расстояния я не могу сказать насколько, но я вижу. Он высокий, с чрезвычайно мощным телом, и судя по тому, как ткань натягивает его руки, очень мускулистый. У него исключительно мужская квадратная челюсть, прямой нос и крупные полные губы. Он абсолютно умопомрачителен.

Я слышу, как Хендрикс втягивает воздух рядом со мной, и я поворачиваюсь, чтобы увидеть, как он на секунду прикрывает глаза, рассмотрев молодого человека.

— Ты правда думал, что я никогда не вернусь, чтобы отомстить? — хрипло произносит незнакомец.

— Если ты здесь, чтобы отомстить, мсти мне, а не ей, — сипло отвечает Хендрикс.

— Смотри-ка, вот где ты не видишь всю картинку, — усмехается он, прижимая нож сильнее. Джесс вскрикивает. — Это все для тебя.

— Ты во всем не прав, — говорит Хендрикс, его голос смягчается. — Если ты только...

— Заткнись на хрен, — рычит молодой человек. — Не впаривай мне, бл*дь, свою дерьмовую ложь.

Он делает шаг назад, поднимает руку и машет ею. Корабль начинает движение.

— Джесс! — кричу я. — Хендрикс, ты не можешь позволить ему забрать ее.

Джесс все еще дрожит. Ее глаза широко открытые и испуганные.

— Хочешь вернуть девчонку живой? — орет молодой человек. — Тогда сражайся за нее.

Корабль продолжает отплывать, и мы оба в шоке. Внезапно Хендрикс поворачивается, крича своим ребятам. Некоторые из них уже на палубе, с пушками наготове, но по его зову появляются и остальные.

— Не умно, — кричит молодой человек, а потом свистит. Через мгновение появляются, по крайней мере, сорок пиратов, все вооруженные, все смертельно опасные.

У Хендрикса не хватит ни людей, ни оружия, чтобы сражаться. Они держат оружие, которого я никогда в жизни не видела, и оно выглядит смертоносным.

— Уступи, или я перережу ей горло, а потом мои люди уничтожат тебя.

Хендрикс машет рукой, и все опускают оружие. Он ничего не может сказать, просто смотрит, шокированный. Молодой человек смеется.

— До скорой встречи, Хендрикс.

— Хендрикс? — шепчу я, сжимая его руку, слыша, как дрожит мой собственный голос. — Кто это такой?

— Это Димитрий, — хрипло отзывается он. — Мой пасынок.

Я сжимаю его руку, его потряхивает.

— С ней все будет в порядке? Скажи мне по-настоящему, Хендрикс.

Он выглядит подавленным.

— Я не знаю. Я, действительно, не знаю.

Пока мы наблюдаем, как корабль исчезает вдалеке, я знаю, что мы оба молимся, чтобы найти способ вытащить Джесс из этого.

Мы оба знаем, что будем бороться за нее до конца.

~ *КОНЕЦ* ~

От автора

Знаю, знаю, я остановилась на самом интересном месте, но на самом деле, это просто вступление в историю Джесс и Димитрия. Их книга будет взрывоопасной, темной и удивительной. Вы увидите больше Хендрикса и Инди и их историю, так что не паникуйте! Люблю вас, мои милые.

История Димитрия и Джесс уже ждет вас (*прим. перевод второй книги скоро начнется, всего их две*).

До следующего раза, мои ангелы,
Белла.